

### ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

#### ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**Собственник припаркованного автомобиля вправе требовать от владельцев источников повышенной опасности, совместно причинивших вред повреждением такого автомобиля, возмещения вреда в солидарном порядке в соответствии с п. 3 ст. 1079 ГК РФ**

*Определение Судебной коллегии  
по гражданским делам Верховного Суда РФ  
от 29 августа 2017 г. № 25-КГ17-11*

(Извлечение)

Как было установлено судом, 23 декабря 2014 г. произошло дорожно-транспортное происшествие с участием автомобиля, принадлежавшего М. и находившегося под его управлением, автомобиля, принадлежавшего ООО «Охранное агентство «Кобра» (далее — Общество) и находившегося под управлением С., а также автомобиля, принадлежавшего Т.

В результате ДТП автомобилю Т., который на момент происшествия был припаркован и не находился в движении, были причинены механические повреждения.

Постановлением районного суда от 28 апреля 2015 г. виновником ДТП был признан М.

Решением суда от 3 июля 2015 г. названное постановление отменено, производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием в действиях М. состава административного правонарушения.

Согласно заключению судебной оценочной экспертизы стоимость восстановительного ремонта автомобиля Т. без учета износа составляла 737 781 руб., а с учетом износа — 420 713 руб.

Т. обратился в суд с иском к Обществу и М. о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что причиной ДТП являлось нарушение Правил дорожного движения РФ С., управлявшим принадлежавшим Обществу автомобилем. Суд посчитал установленным, что действия М. не находились в причинно-следственной связи с причиненным истцу вредом, а также указал на необходимость взыскания с Общества возмещения ущерба в полном объеме без учета износа принадлежавшего истцу автомобиля.

Изменяя решение суда первой инстанции в части размера взысканных с Общества сумм, суд апелляционной инстанции посчитал установленным, что ДТП произошло по вине М. и С., являвшихся лицами, совместно причинившими вред. Суд указал, что собственники автомобилей несут ответственность за причиненный ущерб в равных долях (по 50%), поскольку степень их вины в ДТП являлась равной.

Суд апелляционной инстанции также сослался на то, что гражданская ответственность собственников автомобилей, участвовавших в ДТП, была застрахована в установленном законом порядке, в связи с чем причиненный автомобилю ущерб подлежал возмещению с учетом износа.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 29 августа 2017 г. не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции на основании следующего.

Согласно п. 1 ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, меха-

низмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пп. 2 и 3 ст. 1083 названного Кодекса.

Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т.п.).

В соответствии с п. 3 ст. 1079 ГК РФ владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т.п.) третьим лицам по основаниям, предусмотренным п. 1 этой статьи. Вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам, возмещается на общих основаниях (ст. 1064 ГК РФ).

Из приведенных правовых норм следует, что владельцы источников повышенной опасности независимо от вины солидарно отвечают за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников имуществу третьих лиц.

При этом вина является условием наступления гражданско-правовой ответственности владельцев источников повышенной опасности только за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников их владельцам.

Как было установлено судом, в момент дорожно-транспортного происшествия деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих, истцом не осуществлялась, поскольку принадлежащий ему автомобиль в указанный момент не использовался, а был припаркован.

При таких обстоятельствах вред, причиненный автомобилю истца в результате взаимодействия источников повышенной опасности, подлежит возмещению владельцами указанных источников независимо от вины, поскольку автомобиль истца в момент дорожно-транспортного происшествия не являлся источником повышенной опасности.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 323 ГК РФ при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга.

Кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников. Солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью.

Из приведенных правовых норм следует, что потерпевший вправе требовать от каждого из лиц, совместно причинивших ему вред, возмещения этого вреда как в полном объеме, так и в части, поскольку ответственность лиц, совместно причинивших вред, перед потерпевшим носит солидарный характер.

Суд апелляционной инстанции посчитал установленным, что вред автомобилю истца был причинен совместно М., под управлением которого находился принадлежащий ему автомобиль, и С., под управлением которого находился автомобиль, принадлежавший Обществу, однако в нарушение приведенных выше норм материального права пришел к выводу о том, что владельцы источников повышенной опасности несут ответственность за совместное причинение вреда в долевом (по 50%), а не в солидарном порядке.

В соответствии с ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

Как указано в ч. 4 ст. 61 названного Кодекса, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 "О судебном решении", на основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, по аналогии с ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, следует также определять значение вступившего в законную силу постановления и (или) решения судьи по делу об административном правонарушении при рассмотрении и разрешении судом дела о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесено это постановление (решение).

Из приведенных норм процессуального права и акта их толкования следует, что вступившее в законную силу постановление и (или) решение судьи по делу об административном правонарушении обязательно для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесено такое решение и (или) постановление, по вопросам,

имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Вступившим в законную силу решением от 3 июля 2015 г. отменено постановление районного суда от 28 апреля 2015 г. о признании М. виновником ДТП, в результате которого был причинен вред автомобилю истца, производство по делу об административном правонарушении в отношении М. было прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Названным решением было установлено, что нарушение М. Правил дорожного движения РФ допущено не было, поскольку автомобиль под его управлением не мог создать помехи для движения автомобиля под управлением С.

Однако в нарушение приведенных выше норм процессуального права данные выводы, содержащиеся в решении от 3 июля 2015 г., были оставлены без внимания судом апелляционной инстанции, указавшим, что виновниками ДТП являлись М. и С.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что допущенные при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции нарушения норм материального и процессуального права являлись существенными, они повлияли на исход дела и без их устранения были невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов Т. и М., в связи с чем апелляционное определение подлежало отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Кроме того, при новом рассмотрении дела судом апелляционной инстанции Судебной коллегией рекомендовано учесть правовую позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 марта 2017 г. № 6-П “По делу о проверке конституционности ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других”, согласно которой взаимосвязанные положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” предполагают — исходя из принципа полного возмещения вреда — возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности, т.е. в полном объеме без учета износа.

## ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

**1. Рекламодатель, разместивший свою рекламу на рекламной конструкции, владельцем которой, по смыслу ч. 9 ст. 19 и ч. 7 ст. 38 Федерального закона “О рекламе”, он не является, не подлежит привлечению к административной ответственности по ст. 14.37 КоАП РФ за эксплуатацию рекламной конструкции без соответствующего разрешения**

*Определение Судебной коллегии  
по экономическим спорам Верховного Суда РФ  
от 19 февраля 2018 г. № 307-АД17-17133*

(Извлечение)

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ст. 14.37 КоАП РФ, за размещение рекламы общества на рекламной конструкции без предусмотренного законодательством разрешения на установку и эксплуатацию этой рекламной конструкции.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено. Суды пришли к выводу о наличии в действиях общества состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.37 КоАП РФ, поскольку без предусмотренного законодательством разрешения на установку и эксплуатацию спорной рекламной конструкции эта конструкция эксплуатируется в интересах общества путем транслирования на ней рекламы общества в целях привлечения внимания потребителей к принадлежащему обществу объекту. При этом суды исходили из того, что, являясь рекламодателем, в интересах которого эксплуатируется спорная рекламная конструкция, общество признается субъектом правонарушения, предусмотренного ст. 14.37 КоАП РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 19 февраля 2018 г. отменила решение суда первой инстанции, постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и отказала административному органу в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 14.37 КоАП РФ и с учетом разъяснения, содержащегося в п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 “О некоторых вопросах применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”, субъектами административной ответственности, предусмотренной ст. 14.37 КоАП РФ, являются: заказчик на установку рекламной конструкции; лицо, непосредственно выполнившее работу по установке рекламной конструкции (подрядчик); лицо, эксплуатирующее рекламную конструкцию (рекламораспространитель).

Положениями ч. 9 ст. 19 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ “О рекламе” обязан

ность получения разрешения на установку и эксплуатацию рекламной конструкции распространяется на собственника или иного указанного в чч. 5, 6, 7 данной статьи законного владельца соответствующего недвижимого имущества либо владельца рекламной конструкции.

Согласно ч. 1 ст. 19 названного Закона под владельцем рекламной конструкции (физическое или юридическое лицо) понимается собственник рекламной конструкции либо иное лицо, обладающее вещным правом на рекламную конструкцию или правом владения и пользования рекламной конструкцией на основании договора с ее собственником. Распространение наружной рекламы с использованием рекламной конструкции осуществляется владельцем рекламной конструкции, являющимся рекламораспространителем.

Частью 7 ст. 38 Закона установлено, что ответственность за нарушение требований ч. 9 ст. 19 этого Закона несет рекламораспространитель, т.е. владелец рекламной конструкции.

Указанные положения Федерального закона «О рекламе» свидетельствуют о том, что рекламодаделец, разместивший свою рекламу на рекламной конструкции, владельцем которой по смыслу ч. 1 ст. 19 данного Закона он не является, не подлежит привлечению к административной ответственности по ст. 14.37 КоАП РФ за эксплуатацию рекламной конструкции без соответствующего разрешения.

Таким образом, является неправомерным вывод судов о том, что общество как рекламодаделец признается субъектом административной ответственности, предусмотренной ст. 14.37 КоАП РФ.

При этом ни административным органом, ни судами при рассмотрении дела об административном правонарушении не устанавливались обстоятельства, связанные с тем, что, являясь рекламодателем, общество одновременно является и владельцем рекламной конструкции, т.е. рекламораспространителем.

**2. Нарушение требований технических регламентов Таможенного союза при выпуске в обращение продукции, не связанное с нарушением ветеринарно-санитарных правил, не может быть квалифицировано как административное правонарушение по ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ**

*Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 декабря 2017 г. № 302-АД17-12093*

(Извлечение)

По результатам экспертизы, назначенной административным органом в области защиты прав потребителей (далее — административный орган), в ходе проведения административного расследования по фактам нарушений обществом требований законодательства в сфере технического регулирования, в образцах выпускаемой обществом продукции — молока питьевого ульт-

рапастеризованного длительного хранения — обнаружены жиры немолочного происхождения и признаки фальсификации продукта, которые не соответствуют требованиям технического регламента Таможенного союза.

Указанные обстоятельства явились основанием для составления административным органом в отношении общества протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, и обращения в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности.

Решением арбитражного суда первой инстанции заявление удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, производство по делу прекращено. При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что обществом нарушены содержащиеся в технических регламентах правила производства продуктов животноводства (молока), одновременно являющиеся ветеринарными требованиями к такой продукции, что образует объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ. Указанная норма является специальной по отношению к ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ и подлежит преимущественному применению в целях квалификации соответствующего административного правонарушения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 22 декабря 2017 г. отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Учитывая диспозицию ст. 14.43 КоАП РФ и примечание к ней, административная ответственность по указанной статье установлена за нарушения требований технических регламентов или подлежащих применению до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации либо выпуск в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям, за исключением случаев, предусмотренных ст.ст. 6.31, 9.4, 10.3, 10.6, 10.8, ч. 2 ст. 11.21, ст.ст. 14.34, 14.44, 14.46, 14.46.1, 20.4 КоАП РФ.

Объективная сторона указанного правонарушения заключается в совершении действий (бездействия), нарушающих установленные требования технических регламентов или обязательных требований к продукции, либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам реализации, либо выпуск в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям.

Частью 1 ст. 10.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушение ветеринарно-санитарных правил перевозки, перергона или убоя животных либо правил заготовки,

переработки, хранения или реализации продуктов животноводства.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ, заключается в нарушении ветеринарно-санитарных правил перевозки, перегона или убоя животных либо правил заготовки, переработки, хранения или реализации продуктов животноводства.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.49, ст. 28.3 КоАП РФ административный орган рассматривает дела и составляет протокол об административных правонарушениях, предусмотренных в том числе ст. 10.8 (в части нарушения правил хранения и реализации продуктов животноводства), чч. 1 и 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

Ни в акте экспертизы, ни в протоколе об административном правонарушении не указывалось на нарушение обществом ветеринарно-санитарных правил либо правил хранения или реализации продуктов животноводства. Предметом проверок являлось соблюдение обществом технических регламентов, а не норм ветеринарного законодательства.

Таким образом, несмотря на то что в технических регламентах ТР ТС 033/2013 и ТР ТС 021/2011 действительно содержатся требования к пищевой продукции, являющиеся ветеринарными, однако их нарушение обществом не вменялось и, исходя из полномочий административного органа, не могло вменяться, у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для переквалификации действий общества на ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ и прекращения производства по делу.

## ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

### **1. Пункты 9, 9.1, 9.3 Технических условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах, утвержденных МПС России 27 мая 2003 г. № ЦМ-943, признаны недействующими со дня вступления решения суда в законную силу**

*Решение Верховного Суда РФ  
от 23 октября 2017 г. № АКПИ17-799,  
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

27 мая 2003 г. Министерством путей сообщения РФ (далее — МПС России) утверждены Технические условия размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах № ЦМ-943 (далее — Технические условия). Указанием МПС России от 31 декабря 2003 г. № 207у “О применении Технические условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах” Технические условия введены в действие с 1 июля 2004 г. (п. 1).

В пп. 9, 9.1, 9.2 и 9.3 (глава 1 “Требования к размещению и креплению грузов в вагонах и контейнерах”) Технические условий установлен порядок проверки знаний технических условий размещения и крепления грузов работниками, ответственными за размещение и крепление грузов в вагонах и контейнерах.

Согласно п. 9 работники, ответственные и непосредственно обеспечивающие погрузку, размещение, крепление и выгрузку грузов, должны проходить проверку знаний технических условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах.

Грузоотправители (грузополучатели) представляют уполномоченному перевозчиком лицу (в случае, когда перевозчик является одновременно владельцем инфраструктуры, — в товарные конторы железнодорожных станций отправления (назначения) копии своих приказов (распоряжений) о назначении ответственных за погрузку, выгрузку работников (с приложением паспортных данных и образцов подписей работников).

Пунктом 9.1 предусмотрено, что представители грузоотправителей, ответственные за погрузку, размещение, крепление и выгрузку грузов, должны знать требования данной главы, а также используемых грузоотправителем МТУ (местных технических условий), НТУ (непредусмотренных технических условий).

Пунктом 9.3 определено, что порядок и сроки проведения проверки знаний устанавливаются МПС России.

За допущенное нарушение технических условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах ответственные за это лица отстраняются перевозчиком (в случае, когда перевозчик является одновременно владельцем инфраструктуры, — работниками ревизорского аппарата филиала, начальником железнодорожной станции отправления, иными уполномоченными перевозчиком лицами) от связанной с этой работы.

Грузоотправители (грузополучатели) в случаях отстранения своих работников от работы, связанной с размещением и креплением грузов и выгрузкой, обязаны немедленно представить уполномоченному перевозчиком лицу (в случае, когда перевозчик является одновременно владельцем инфраструктуры, — в товарные конторы железнодорожных станций отправления) соответствующие приказы (распоряжения).

С. обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением о признании недействующими пп. 9, 9.1 и 9.3 Технических условий, ссылаясь на то, что они содержат правовые положения (правила), обязательные для организаций, индивидуальных предпринимателей, надзирающих органов и граждан, в частности, касающиеся реализации права перевозчика на проверку знаний работников иных организаций путем сдачи экзаменов, отстранения работников иных сторонних организаций от осуществления погрузочных работ с последующей пересдачей экзаменов и получением допуска на погрузочную деятельность, однако в нарушение ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти”, Правил подготовки нор-

мативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, данный нормативный правовой акт не прошел государственную регистрацию в Минюсте России и официально не опубликован.

Верховный Суд РФ 23 октября 2017 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 “О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти” Министерство путей сообщения Российской Федерации упразднено, его функции по принятию нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности переданы образованному Министерству транспорта и связи Российской Федерации (пп. 12 и 13). Впоследствии Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2004 г. № 649 “Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти” Министерство транспорта и связи РФ преобразовано в Министерство транспорта РФ и Министерство информационных технологий и связи РФ (п. 1).

В соответствии с п. 1 ст. 20 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ “О железнодорожном транспорте в Российской Федерации” федеральный орган исполнительной власти в области железнодорожного транспорта осуществляет правовое и техническое регулирование в области безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта и иных связанных с перевозочным процессом на железнодорожном транспорте технических средств.

В силу ч. 2 ст. 23 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации” размещение и крепление грузов, грузобагажа в вагонах и контейнерах осуществляются в соответствии с требованиями технических условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах, утверждаемых федеральным органом исполнительной власти в области железнодорожного транспорта.

Согласно Положению о Министерстве путей сообщения Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 848 и действовавшему на день издания оспариваемого акта, МПС России являлось федеральным органом исполнительной власти, на который возлагалось проведение государственной политики в сфере железнодорожного транспорта, а также регулирование в соответствии с законодательством Российской Федерации хозяйственной деятельности железных дорог, других предприятий и учреждений федерального железнодорожного транспорта, в том числе входящих в состав железных дорог, в области организации и обеспечения перевозочного процесса (п. 1). К числу его основных задач в области безопасности движения относились разработка и утверждение обязательных для граждан (физических лиц) и юридических лиц технических условий погрузки и крепления грузов на подвижном

составе, обеспечивающих безопасность движения (п. 5).

Следовательно, Технические условия были утверждены уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

В силу ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Указом Президента Российской Федерации “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” предусмотрено, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, прошедшие государственную регистрацию в Минюсте России, подлежат обязательному официальному опубликованию, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (п. 8). Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти в течение 10 дней после дня их государственной регистрации подлежат официальному опубликованию в “Российской газете” или на Официальном интернет-портале правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) (абз. 1 п. 9). Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров (п. 10).

Аналогичные положения содержатся в пп. 10, 17 и 19 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, предписывающих, что государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (абз. 10 п. 10); нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций

или имеющие межведомственный характер, подлежат официальному опубликованию в установленном порядке, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (абз. 2 п. 17); федеральные органы исполнительной власти направляют для исполнения нормативные правовые акты, подлежащие государственной регистрации, только после их регистрации и официального опубликования, при нарушении указанных требований нормативные правовые акты как не вступившие в силу применяться не могут (п. 19).

Технические условия, как следует из п. 1.1, устанавливают порядок и условия размещения и крепления грузов в универсальных четырехосных вагонах (полувагоны, платформы) и в контейнерах при железнодорожных перевозках по территории Российской Федерации по железнодорожным путям, имеющим ширину колеи 1520 мм, со скоростью движения до 100 км/ч включительно.

Анализ содержания пп. 9, 9.1 и 9.3 Технических условий позволяет сделать вывод, что их положения сформулированы как нормативные правовые, так как устанавливают общеобязательные правила поведения в отношении неопределенного круга лиц и рассчитаны на неоднократное применение.

В частности, п. 9 устанавливает обязанность работников, ответственных и непосредственно обеспечивающих погрузку, размещение, крепление и выгрузку грузов, проходить проверку знаний технических условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах (абз. 1); обязанность грузоотправителей (грузополучателей) представлять уполномоченному перевозчиком лицу (в случае, когда перевозчик является одновременно владельцем инфраструктуры, — в товарные конторы железнодорожных станций отправления (назначения) копии своих приказов (распоряжений) о назначении ответственных за погрузку, выгрузку работников (с приложением паспортных данных и образцов подписей работников) (абз. 2).

Представители грузоотправителей, ответственные за погрузку, размещение, крепление и выгрузку грузов, согласно п. 9.1 должны знать требования главы 1 Технических условий, а также используемых грузоотправителем местных технических условий, непредусмотренных технических условий.

Пункт 9.3 обязывает грузоотправителей (грузополучателей) в случаях отстранения своих работников от работы, связанной с размещением и креплением грузов и выгрузкой, немедленно представить уполномоченному перевозчиком лицу (в случае, когда перевозчик является одновременно владельцем инфраструктуры, — в товарные конторы железнодорожных станций отправления) соответствующие приказы (распоряжения) (абз. 3). Абзацем 2 данного пункта предусмотрена санкция за допущенное нарушение технических условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах в виде отстранения соответствующего ответственного лица от свя-

занной с этой работы, которая применяется перевозчиком (в случае, когда перевозчик является одновременно владельцем инфраструктуры, — работниками ревизорского аппарата филиала, начальником железнодорожной станции отправления, иными уполномоченными перевозчиком лицами).

Таким образом, оспариваемые административным истцом пункты Технических условий по своему содержанию являются нормативными правовыми, затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, но в нарушение приведенных нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу, они не прошли необходимую для этого случая государственную регистрацию в Минюсте России, не опубликованы официально.

Утверждения Минтранса России об общем техническом характере акта не опровергают вывода относительно нормативного правового содержания оспариваемых пунктов.

С учетом п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ и разъяснения п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части” Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признав недействующими со дня вступления решения суда в законную силу пп. 9, 9.1, 9.3 Технических условий размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах, утвержденных МПС России 27 мая 2003 г. № ЦМ-943.

**2. Пункт 22 Порядка учета доходов и расходов и хозяйственных операций для индивидуальных предпринимателей, утвержденного приказом Минфина России и МНС России от 13 августа 2002 г. № 86н/БГ-3-04/430, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу**

*Решение Верховного Суда РФ  
от 19 июня 2017 г. № АКПИ17-283,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 28 сентября 2017 г. № АПЛ17-331*

(Извлечение)

Согласно п. 22 Порядка учета доходов и расходов и хозяйственных операций для индивидуальных предпринимателей, утвержденного приказом Минфина России и МНС России от 13 августа 2002 г. № 86н/БГ-3-04/430, материальные расходы, осуществленные при изготовлении товаров (выполнении работ, оказании услуг), списываются полностью на затраты в части реализованных товаров, выполненных работ и оказанных услуг, а в случае, если нормативными актами предусмотрены нормы расхода, то по установленным нормам.

Индивидуальный предприниматель Н. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим п. 22 названного Порядка, ссылаясь

на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта не соответствуют ст. 273 НК РФ и нарушают его права. Как указал административный истец, решением Инспекции Федеральной налоговой службы по городу Чебоксары от 19 января 2017 г. № 14-09/2 он привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения, ему доначислен налог на доходы физических лиц за 2012 год в размере 498 190 руб., а также соответствующие суммы пени и штраф. Основанием для начисления налога явились необоснованное завышение материальных расходов при отсутствии документального подтверждения фактической оплаты приобретенных товарно-материальных ценностей, а также возможность учета в составе профессиональных налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц понесенных расходов только в части реализованных товаров. Выводы об учете в составе профессиональных налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц сумм понесенных расходов в части реализованных товаров Инспекция сделала на основании п. 22 Порядка и применяемой административным истцом методики учета расходов.

Верховный Суд РФ решением от 19 июня 2017 г. заявленные требования удовлетворил, указав следующее.

Согласно п. 2 ст. 54 НК РФ индивидуальные предприниматели, нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, исчисляют налоговую базу по итогам каждого налогового периода на основе данных учета доходов и расходов и хозяйственных операций в порядке, определяемом Минфином России.

Приказом Минфина России и МНС России от 13 августа 2002 г. № 86н/БГ-3-04/430 утвержден Порядок учета доходов и расходов и хозяйственных операций для индивидуальных предпринимателей.

Порядок определяет правила ведения учета доходов и расходов и хозяйственных операций индивидуальными предпринимателями. Материальные расходы индивидуального предпринимателя, осуществленные при изготовлении товаров, выполнении работ, оказании услуг, согласно п. 22 Порядка списываются полностью на затраты в части реализованных товаров, выполненных работ и оказанных услуг.

Данные положения нормативного правового акта устанавливают для индивидуальных предпринимателей, избравших кассовый метод учета доходов и расходов, дополнительное условие для признания соответствующих расходов для целей налогообложения, что не соответствует требованиям законодательства о налогах и сборах.

Решением Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2010 г. по делу № ВАС-9939/10 признаны недействующими п. 13, подп. 1–3 п. 15 указанного Порядка. Судом установлено, что п. 1 ст. 221 НК РФ, закрепляя положение о праве индивидуальных предпринимателей на уменьшение

облагаемого налогом дохода на профессиональные налоговые вычеты в сумме фактически произведенных и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, а также о том, что состав данных расходов определяется налогоплательщиком самостоятельно в порядке, аналогичном порядку определения расходов, установленному главой “Налог на прибыль организаций”, отсылает к положениям главы 25 данного Кодекса не только в части регламентации состава расходов, но и порядка их признания — момента учета для целей налогообложения. В связи с чем довод административного ответчика о том, что порядок учета расходов не является элементом налога на доходы физических лиц и не подлежит обязательному установлению в Налоговом кодексе РФ, не состоятелен.

Индивидуальные предприниматели, избравшие кассовый метод признания доходов и расходов, согласно п. 3 ст. 273 НК РФ вправе учесть для целей налогообложения понесенные расходы после их фактической оплаты. Данная норма Кодекса не связывает момент учета расходов с датой получения дохода от реализации товаров (работ, услуг), для изготовления (выполнения, оказания) которых эти расходы были понесены. Пункт 3 ст. 273 НК РФ в качестве общего правила устанавливает положение, определяющее период учета понесенных налогоплательщиком расходов моментом их оплаты или прекращения обязательства по оплате иным способом.

Дополнительное условие согласно п. 3 ст. 273 НК РФ установлено только для расходов по приобретению сырья и материалов — условие о списании сырья и материалов в производство, наступление которого необходимо для признания данного вида расходов для целей налогообложения.

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал недействующим со дня вступления в законную силу решения суда п. 22 Порядка учета доходов и расходов и хозяйственных операций для индивидуальных предпринимателей, утвержденного приказом Минфина России и МНС России от 13 августа 2002 г. № 86н/БГ-3-04/430.

### **3. Приложение № 1 к Положению о морских лоцманах Российской Федерации, утвержденному приказом Минтранса России от 22 июля 2008 г.**

**№ 112, в части, предусматривающей указание на наименование лоцманской организации, признано недействующим со дня вступления решения суда в законную силу**

*Решение Верховного Суда РФ  
от 22 ноября 2017 г. № АКПИ17-741,  
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом Минтранса России от 22 июля 2008 г. № 112 (далее — Приказ) утверждено Положение о морских лоцманах Российской Фе-

дерации (далее — Положение). Нормативный правовой акт опубликован 17 сентября 2008 г. в “Российской газете”, № 195, и зарегистрирован в Минюсте России 28 августа 2008 г., № 12198.

Приложение № 1 к Положению содержит образец лоцманского удостоверения, в котором указываются: фамилия, имя, отчество морского лоцмана, наименование его лоцманской организации, размеры и типы судов, лоцманскую проводку которых имеет право осуществлять лоцман, получивший данное удостоверение, а также район лоцманской проводки (далее — Приложение № 1).

Федеральная антимонопольная служба обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением, в котором просила признать недействующим с даты принятия решения Приложение № 1 в части, предусматривающей указание на наименование лоцманской организации, ссылаясь на то, что данное правовое регулирование в силу его неопределенности приводит к созданию препятствий деятельности лоцманских организаций, заинтересованных в привлечении к работе в них лоцманов, отвечающих их потребностям, и противоречит п. 1 ст. 87 Кодекса торгового мореплавания РФ (далее — КТМ РФ), а также п. 2 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции). По мнению административного истца, в случае перехода морского лоцмана на работу к иному работодателю (в другую лоцманскую организацию) выданное ему лоцманское удостоверение не может использоваться на новом месте работы по причине указания в нем прежнего места работы в соответствии с Приложением № 1, что является несоответствием морского лоцмана требованиям, установленным Положением, которое не предусматривает замену лоцманского удостоверения при наличии действующей квалификации морского лоцмана на право осуществления лоцманской проводки судов определенных размеров и назначений в определенном районе, а именно в районе, где лоцман уже получил лоцманское удостоверение по результатам ранее пройденной аттестации, что влечет необходимость прохождения морским лоцманом аттестации комиссии и получения нового лоцманского удостоверения. Между тем таких оснований для прохождения аттестации Положением не предусмотрено.

В обоснование заявленного требования ФАС России указала, что решением ФАС России от 29 декабря 2014 г. по делу № 1-15-79/00-03-14 о нарушении антимонопольного законодательства установлен факт нарушения Минтрансом России п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции, выразившийся в создании препятствий деятельности лоцманских организаций.

На основании указанного решения ФАС России Минтрансу России выдано предписание от 29 декабря 2014 г. по указанному выше делу о нарушении антимонопольного законодательства,

согласно которому Минтрансу России надлежало прекратить нарушение п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции путем внесения изменений в Положение. Законность предписания проверена и подтверждена вступившими в законную силу судебными актами арбитражных судов. Однако до настоящего времени оно не исполнено, а доступ на рынок лоцманских услуг ограничен.

Минтранс России в письменном отзыве на административный иск указало, что в настоящее время разработан проект приказа Минтранса России “Об утверждении Положения о морских лоцманах Российской Федерации” (далее — проект приказа), который будет принят взамен действующего Положения. Разработанный проект приказа направлен на уточнение параметров определения стажировки морского лоцмана и кандидата в морские лоцманы, требований к стажировке и работе морских лоцманов в новых районах обязательной лоцманской проводки, уточнение требований к аттестационной комиссии, проведению аттестационного экзамена, порядку обмена лоцманских удостоверений, в том числе в случае перехода из одной лоцманской организации в другую, к порядку лишения лоцманского удостоверения. В проекте приказа неопределенность содержания нормы в отношении перехода лоцмана из одной организации в другую при смене удостоверения и наличии действующей квалификации морского лоцмана на право осуществления лоцманской проводки судов определенных размеров и назначений в определенном районе лоцманской проводки судов устранена. Наименование лоцманской организации вместо указания ее в удостоверении будет указано в лоцманской квитанции, что, в свою очередь, не приведет к затруднению перехода лоцмана из одной лоцманской организации в другую. Издание нового приказа запланировано на январь-февраль 2018 г.

Верховный Суд РФ 22 ноября 2017 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Полномочие Минтранса России на принятие оспариваемого нормативного правового акта проверено вступившим в законную силу решением Верховного Суда РФ от 19 августа 2009 г. № ГКПИ09-767, согласно которому Положение утверждено в соответствии с п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 87 КТМ РФ, ст. 328 ТК РФ, определяющей особенности регулирования труда работников транспорта, с соблюдением установленного федеральным законодателем порядка, согласованного с соответствующими федеральными органами исполнительной власти, по процедуре принятия соответствует требованиям федерального закона.

Лоцманская проводка судов, согласно Кодексу торгового мореплавания РФ преследующая цели обеспечения безопасности плавания судов, предотвращения происшествий с судами и защиты морской среды, осуществляется морскими лоцманами, имеющими выданные капитанами морских портов лоцманские удостове-

рения о праве лоцманской проводки судов в определенных районах, удовлетворяющими требованиям положения о морских лоцманах, утвержденного федеральным органом исполнительной власти в области транспорта по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обороны и федеральным органом исполнительной власти в области рыболовства (ст.ст. 86 и 87). Прибывший на судно лоцман обязан предъявить капитану судна лоцманское удостоверение, а капитан судна не вправе брать на судно в качестве лоцмана лицо, не имеющее лоцманского удостоверения (ст. 93).

Как указано в решении Верховного Суда РФ от 19 августа 2009 г. № ГКПИ09-767, на лоцманов возлагается ряд обязанностей публично-правового характера, выполнение которых не зависит от того, в качестве работника какой организации по лоцманской проводке судов осуществляется их деятельность (ст. 92 КТМ РФ).

Исходя из требований Положения, морской лоцман обязан не реже одного раза в пять лет проходить аттестацию (п. 9). Аттестации кандидатов в морские лоцманы и морских лоцманов и присвоение им квалификационной категории осуществляются аттестационными комиссиями, которые проводят следующие виды аттестации: 1) аттестация кандидатов в морские лоцманы или морских лоцманов на присвоение квалификационной категории морского лоцмана на определенный район лоцманской проводки (первичная аттестация); 2) аттестация морских лоцманов на подтверждение их квалификации, которая проводится один раз в пять лет (очередная (периодическая) аттестация); 3) аттестация, проводимая по представлению руководителей лоцманских организаций или органов контроля и надзора на морском транспорте при: необходимости повышения квалификационной категории морского лоцмана; неоднократном нарушении морским лоцманом правил лоцманской проводки судов или обязанностей морского лоцмана; аварийном случае с судном во время осуществления его лоцманской проводки, произошедшем по вине морского лоцмана; несоответствии морского лоцмана требованиям, установленным Положением; существенном изменении особенностей района лоцманской проводки судов (пп. 33, 35).

Требования, предъявляемые к морским лоцманам, установлены разделом II Положения, одним из которых является обязанность иметь действующее лоцманское удостоверение, выданное капитаном морского порта и подтверждающее квалификацию морского лоцмана, его право на осуществление лоцманской проводки судов определенных размеров и назначений в определенном районе лоцманской проводки судов.

Таким образом, Положение не содержит предписаний, возлагающих на морского лоцмана обязанность иметь лоцманское удостоверение с указанием наименования лоцманской органи-

зации, с которой он состоит в трудовых отношениях.

Следовательно, Приложение № 1, предусматривающее такое указание, противоречит приведенным нормам Кодекса торгового мореплавания РФ и Положения.

Указание в лоцманском удостоверении на наименование лоцманской организации в соответствии с Приложением № 1 препятствует переходу лоцманов из одной организации в другую при наличии действующей квалификации морского лоцмана на право осуществления лоцманской проводки судов определенных размеров и назначений в определенном районе лоцманской проводки судов, что, в свою очередь, создает препятствия деятельности лоцманских организаций, заинтересованных в привлечении к работе в данных организациях лоцманов, отвечающих их потребностям, и нарушает требования п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции, в соответствии с которым федеральным органам исполнительной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления, иным осуществляющим функции указанных органов органам или организациям, организациям, участвующим в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственным внебюджетным фондам, Банку России запрещается принимать акты и (или) осуществлять действия (бездействие), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции, в частности, запрещается необоснованное препятствование осуществлению деятельности хозяйствующими субъектами, в том числе путем установления не предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к товарам или к хозяйствующим субъектам.

Учитывая вышеизложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление ФАС России удовлетворил, признал недействующим со дня вступления решения суда в законную силу Приложение № 1 к Положению о морских лоцманах Российской Федерации, утвержденному приказом Минтранса России от 22 июля 2008 г. № 112, в части, предусматривающей указание на наименование лоцманской организации.

**4. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2), принятый и введенный в действие приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст, признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ от 3 июля 2017 г. № АКПИ17-333, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № АПЛ17-344*

5. Абзацы 32 и 33 раздела 3 приложения 1 к Правилам дорожного движения Российской Федерации, утвержденным постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № АКПИ17-367, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 ноября 2017 г. № АПЛ17-371*

6. Приказ Минпромэнерго России от 23 августа 2006 г. № 200 “Об утверждении Порядка определения состава затрат на производство продукции оборонного назначения, поставляемой по государственному оборонному заказу” и приказ Минпромторга России от 7 ноября 2013 г. № 1773 “О внесении изменений в Порядок определения состава затрат на производство продукции оборонного назначения, поставляемой по государственному оборонному заказу, утвержденный приказом Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации от 23 августа 2006 г. № 200” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ от 17 июля 2017 г. № АКПИ17-411, вступившее в законную силу*

7. Пункт 8 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ от 10 мая 2017 г. № АКПИ17-127, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 8 августа 2017 г. № АПЛ17-237*

8. Пункт 10.3 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденного приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220, в части, исключающей проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке по делам, возбужденным по признакам нарушения п. 2 ч. 1 ст. 11 Федерального закона “О защите конкуренции”, а также п. 10.9 Порядка признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ от 22 мая 2017 г. № АКПИ17-182, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14 сентября 2017 г. № АПЛ17-290*

9. Основные правила использования водных ресурсов Зейского водохранилища на р. Зее, утвержденные приказом Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР от 5 октября 1984 г. № 571, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ от 29 мая 2017 г. № АКПИ17-196, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № АПЛ17-297*

10. Приказ Минэкономразвития России от 29 мая 2017 г. № 257 “Об утверждении Порядка формирования перечня экзаменационных вопросов для проведения квалификационного экзамена в области оценочной деятельности, Порядка проведения и сдачи квалификационного экзамена в области оценочной деятельности, в том числе порядка участия претендента в квалификационном экзамене в области оценочной деятельности, порядка определения результатов квалификационного экзамена в области оценочной деятельности, порядка подачи и рассмотрения апелляций, предельного размера платы, взимаемой с претендента за прием квалификационного экзамена в области оценочной деятельности, типов, форм квалификационных аттестатов в области оценочной деятельности, Порядка выдачи и аннулирования квалификационного аттестата в области оценочной деятельности” и пп. 13 и 14 утвержденного им Порядка формирования перечня экзаменационных вопросов для проведения квалификационного экзамена в области оценочной деятельности признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ от 16 ноября 2017 г. № АКПИ17-733, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 февраля 2018 г. № АПЛ17-538*

11. Предписание сноски 2 к Перечню показаний и противопоказаний для обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации, утвержденному приказом Минтруда России от 9 декабря 2014 г. № 998н, в той мере, в какой оно допускает возможность подбирать инвалиду вид технического средства реабилитации исходя из нарушений функций организма не ниже установленных Приказом и исключительно в целях компенсации у него стойких ограничений жизнедеятельности, признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № АКПИ17-732, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 2018 г. № АПЛ17-548*

12. Пункт 2 постановления Правительства РФ от 7 марта 2017 г. № 272 “О создании территории опережающего социально-экономического развития “Нефтехимический” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 29 ноября 2017 г. № АКПИ17-824,  
вступившее в законную силу*

13. Пункт 15 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним, утвержденного приказом МВД России от 7 августа 2013 г. № 605, в части, возлагающей на собственника транспортного средства обязанность по представлению с заявлением на регистрацию соответствующего паспорта транспортного средства, а также п. 22 Административного регламента в части, предусматривающей отказ в принятии документов и регистрации автомобиля в случае непредставления паспорта транспортного средства, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 27 ноября 2017 г. № АКПИ17-889,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 1 марта 2018 г. № АПЛ18-6*

14. Пункт 8 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, в части установления внешней границы сети водоотведения в многоквартирном доме признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 1 ноября 2017 г. № АКПИ17-700,  
вступившее в законную силу*

15. Абзац 9 п. 20 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам ординатуры, утвержденного приказом Минздрава России от 11 мая 2017 г. № 212н, в части, возлагающей на поступающего на обучение фиксирование данных об отсутствии у него диплома об окончании интернатуры (если поступающий подает заявление о приеме на обучение по той же специальности, которая указана в дипломе об окончании интернатуры, или получение специальности, указанной поступающим в заявлении о приеме, возможно путем обучения по дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки), признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 2 ноября 2017 г. № АКПИ17-764,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 1 февраля 2018 г. № АПЛ17-515*

16. Абзац 3 п. 67 Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 23 ноября 2017 г. № АКПИ17-771,  
вступившее в законную силу*

17. Пункт 123 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 30 ноября 2017 г. № АКПИ17-841,  
вступившее в законную силу*

18. Абзац 4 письма Минстроя России от 14 февраля 2017 г. № 4275-АЧ/04 “Об отдельных вопросах, возникающих в связи с включением с 1 января 2017 года расходов на приобретение коммунальных ресурсов в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме в размер платы за содержание жилого помещения” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 7 ноября 2017 г. № АКПИ17-836,  
вступившее в законную силу*

19. Приказ Минсельхоза России от 18 февраля 2013 г. № 79 “Об утверждении Порядка определения платы за оказание федеральным государственным бюджетным учреждением в области мелиорации, находящимся в ведении Минсельхоза России, гражданам и юридическим лицам услуг (выполнение работ), относящихся к основным видам деятельности федерального государственного бюджетного учреждения” в части установления единого подхода к формированию платы для физических и юридических лиц за услуги признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 13 ноября 2017 г. № АКПИ17-876,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 15 февраля 2018 г. № АПЛ17-547*

20. Сноска 5 приложения к Правилам представления декларации о сделках с древесиной, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 6 января 2015 г. № 11, в части необходимости указания сведений в отношении граждан признана не противоречащей федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 15 ноября 2017 г. № АКПИ17-813,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 6 февраля 2018 г. № АПЛ17-533*

21. Подпункт “л” п. 29, подп. “з” п. 50 Основ ценообразования в области обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. № 484, в части, предусматривающей возможность включения в необходимую валовую выручку организаций — субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих регулируемую деятельность по захоронению (размещению) отходов, расходов на внесение платы за негативное воздействие на окружающую среду, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 1 ноября 2017 г. № АКПИ17-722,  
вступившее в законную силу*

22. Статья 61 расписания болезней раздела II Требований к состоянию здоровья граждан при первоначальной постановке на воинский учет, призыве на военную службу (военные сборы), граждан, поступающих на военную службу по контракту, граждан, поступающих в военно-учебные заведения, военнослужащих, граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации, являющихся приложением к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565, в части, не исключающей применение положений ст. 58 расписания болезней раздела II Требований и установление категории годности “Г” — (временно не годен к военной службе) в отношении лиц, страдающих язвенной болезнью желудка, 12-перстной кишки и освидетельствуемых по графам I и II расписания болезней раздела II Требований, в случае, если указанное заболевание обнаружено и верифицировано впервые в ходе медицинского освидетельствования, без предварительного динамического наблюдения, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 18 октября 2017 г. № АКПИ17-650,  
вступившее в законную силу*

23. Абзац 2 подп. “з” п. 12 Положения о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 “О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения”, в части, предоставляющей Госавтоинспекции право отказать в регистрации и выдаче свидетельства о соответствии автомототранспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями при отсутствии документов, удостоверяющих соответствие данного автомототранспортного средства требованиям безопасности дорожного движения, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 29 ноября 2017 г. № АКПИ17-828,  
вступившее в законную силу*

24. Оспариваемые частично пп. 3.2.2.2, 3.2.2.4, 3.3.2.1 Санитарных правил и норм СанПиН 2.1.4.1110-02 “2.1.4. Питьевая вода и водоснабжение населенных мест.

Зоны санитарной охраны источников водоснабжения и водопроводов питьевого назначения”, утвержденных

Главным государственным санитарным врачом РФ 26 февраля 2002 г.;

п. 3.5 Санитарно-эпидемиологических правил СП 2.2.1.1312-03 “2.2. Гигиена труда.

Проектирование, строительство, реконструкция и эксплуатация предприятий. Гигиенические требования к проектированию вновь строящихся и реконструируемых промышленных предприятий”, утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ 22 апреля 2003 г.; пп. 4.5, 6.1, 6.3 Санитарных правил и норм СанПиН 2.1.5.980-00

“2.1.5. Водоотведение населенных мест, санитарная охрана водных объектов.

Гигиенические требования к охране поверхностных вод”, утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ 22 июня 2000 г., признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 20 декабря 2017 г. № АКПИ17-833,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 6 марта 2018 г. № АПЛ18-45*

25. Абзац 5 п. 5, п. 75 Правил перевозок грузов автомобильным транспортом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2011 г. № 272, в части распространения требования о необходимости соблюдения допустимых осевых нагрузок в отношении отдельных видов грузов (навалом, насыпью, наливом или в контейнерах) признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 10 мая 2017 г. № АКПИ17-138,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 17 августа 2017 г. № АПЛ17-260*

26. Критерии непосредственного участия граждан в действиях подразделений особого риска, утвержденные постановлением Правительства РФ от 11 декабря 1992 г. № 958

“О мерах по обеспечению социальной защиты граждан из подразделений особого риска”, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 31 мая 2017 г. № АКПИ17-208,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 3 октября 2017 г. № АПЛ17-296*

27. Пункт 1 постановления Правительства РФ от 18 декабря 2014 г. № 1402 “Об установлении коэффициента индексации размера ежемесячной страховой выплаты по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 17 мая 2017 г. № АКПИ17-195,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 5 октября 2017 г. № АПЛ17-276*

28. Пункт 2 приказа ФАС России от 23 декабря 2016 г. № 1835/16 “Об индексации ставок тарифов, сборов и платы на работы (услуги), выполняемые ОАО “Российские железные дороги”, АО “Федеральная пассажирская компания”, АО “Пассажирская компания “Сахалин”, АО “АК “Железные дороги Якутии”, утвержденным приказом ФСТ России от 27 июля 2010 года № 156-т/1, и установлении дифференцированных по календарным периодам 2017 года индексов к уровню тарифов на перевозки пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования во внутригосударственном сообщении в составе дальних поездов АО “Федеральная пассажирская компания”, ОАО “Российские железные дороги” и приложение № 2 к данному приказу признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 15 мая 2017 г. № АКПИ17-177,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 5 сентября 2017 г. № АПЛ17-275*

29. Абзац 1 п. 5 Правил исчисления выслуги лет, дающей право на ежемесячную доплату к пенсии членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации в соответствии с Федеральным законом “О дополнительном социальном обеспечении членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 марта 2003 г. № 155, в части, допускающей исчисление выслуги лет, дающей право на ежемесячную доплату к пенсии членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации, исходя только из налета часов без учета периодов работы в составе летного экипажа воздушного судна в аварийно-спасательных (поисково-спасательных) подразделениях (из расчета 1 год работы в составе такого экипажа за 1,5 календарных года), признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 26 апреля 2017 г. № АКПИ17-169,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 8 августа 2017 г. № АПЛ17-221*

30. Графы 5, 6, 7 Формы № 1.1 приложения № 1 “Формы реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах” к приказу Минюста России от 27 декабря 2016 г. № 313 в части включения в них содержания и стоимости услуг правового и технического характера признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ  
от 22 мая 2017 г. № АКПИ17-193,  
оставленное без изменения определением  
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ  
от 14.09.2017 г. № АПЛ17-291*

## ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Диспозиция ч. 1 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, их незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением, независимо от того, что наркотические средства были изъяты сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий

*Определение Судебной коллегии  
по уголовным делам Верховного Суда РФ  
от 28 декабря 2017 г. № 67-АП/17-24*

(Извлечение)

По приговору Новосибирского областного суда от 16 октября 2017 г. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 5 ст. 228<sup>1</sup>, по ч. 5 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ.

По приговору суда Г. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”. Кроме того, Г. признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

Судом установлено, что Г. согласился с предложением неустановленного лица “Н” о незаконном сбыте наркотических средств в особо крупном размере с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”. Согласно плану и распределенным ролям Г. расфасовал наркотическое средство и разместил его в тайниках-“закладках” до его изъятия 2 и 9 ноября 2016 г. сотрудниками полиции.

Кроме этого, “Н”, используя информационно-телекоммуникационную сеть “Интернет”, подыскал покупателей наркотического средства, оговорил количество, цену за него и способ оплаты, а Г. разместил указанное наркотическое средство в тайниках-“закладках”. Получив от Ш., С. и П. деньги, “Н” сообщил последним местонахождение тайников-“закладок”, из которых они за-

брали указанное наркотическое средство. После этого 17 ноября 2016 г. Ш. был задержан сотрудниками УФСКН России, а С. и П. — 23 ноября 2016 г. сотрудниками полиции.

В апелляционной жалобе адвокат в защиту осужденного просил изменить приговор, действия Г. по второму эпизоду переквалифицировать на ч. 3 ст. 30 и ч. 5 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ, мотивируя тем, что действия осужденного по сбыту наркотического средства были пресечены сотрудниками правоохранительных органов на стадии покушения и поэтому оконченного состава преступления не содержат.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 декабря 2017 г. оставила приговор в части квалификации действий Г. без изменения, а апелляционную жалобу без удовлетворения по следующим основаниям.

Как следует из приговора, в отличие от первого эпизода, по которому Г. осужден за покушение на сбыт наркотических средств, по второму эпизоду Г. и неустановленным лицом “Н” были предприняты все необходимые действия по передаче приобретаемого указанных средств, и, в частности, после сообщения Г. адресов тайников “Н” их месторасположение было сообщено Ш., а также С. и П.

При этом Ш. не смог забрать наркотические средства, поскольку к этому времени был задержан сотрудниками УФСКН России, а С. и П. были задержаны сотрудниками правоохранительных органов сразу после изъятия ими из тайника наркотического средства.

При таких обстоятельствах, учитывая, что диспозиция ч. 1 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, их незаконный сбыт следует считать окончанным преступлением, независимо от того, что наркотические средства были изъяты сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, оснований для квалификации действий Г. по второму эпизоду как неоконченного преступления не имеется.

**2. Согласно требованиям ст. 74 и п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания лица, в отношении которого поставлен вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, не могут рассматриваться как доказательства по уголовному делу.**  
**Допрос дознавателя или следователя о содержании показаний подозреваемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, не допускается**

*Определение Судебной коллегии  
по уголовным делам Верховного Суда РФ  
от 6 июля 2017 г. № 48-АПУ17-12*

(Извлечение)

По приговору Челябинского областного суда от 12 апреля 2017 г. Ч. осужден по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 и п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Ч. признан виновным в том, что группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия, совершил разбойное нападение и последующее убийство потерпевшего, сопряженное с разбоем.

В апелляционной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного Ч. просил приговор отменить, утверждая, что Ч. никаких повреждений потерпевшему не причинял, а все удары были нанесены А. Суд необоснованно сослался в приговоре на показания А. несмотря на то, что тот страдает психическим заболеванием.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6 июля 2017 г. изменила приговор по следующим основаниям.

Согласно требованиям ст. 74 и п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания лица, в отношении которого поставлен вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, не могут рассматриваться как источник доказательства по делу. Они не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу решения по делу.

Из заключения комиссии судебно-психиатрических экспертов усматривается, что у А. имеются признаки органической деменции сложного генезиса (злоупотребление алкогольными напитками, черепно-мозговая травма). При настоящем клиническом обследовании у А. выявлены изменения психики, которые выражены столь значительно, что он не мог в момент совершения инкриминируемого ему деяния и не может в настоящее время осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. По своему психическому состоянию А. не способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для дела и давать о них правильные показания, а также самостоятельно осуществлять свои процессуальные права.

Вопреки указанному заключению суд первой инстанции подробно изложил в приговоре показания данного лица, ошибочно указав, что эти показания признаются им допустимыми, согласующимися с другими доказательствами по делу.

Таким образом, суд первой инстанции, опровергая доводы стороны защиты о непричастности Ч. к содеянному, сослался на недопустимые доказательства и тем самым допустил нарушение уголовно-процессуального закона.

Кроме того, в обоснование своего решения о виновности Ч. в совершенных преступлениях суд сослался на показания сотрудника полиции К., пояснившего в судебном заседании, что Ч. около дома потерпевшего рассказал ему о том, что они с А. и Т. употребляли спиртное; в ходе распития А. стал требовать у Т. деньги, после чего они с А. стали наносить Т. ножевые ранения.

Между тем в соответствии с правовой позицией, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О, недопустимо воспроизведение в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля дознавателя или

следователя, производивших дознание или предварительное следствие.

Суд не вправе допрашивать дознавателя и следователя, равно как и сотрудника, осуществляющего оперативное сопровождение дела, о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, восстанавливая содержание этих показаний вопреки закреплённому в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные им в суде, относятся к недопустимым доказательствам. Тем самым закон исключает возможность любого, прямого или опосредованного, использования содержащихся в них сведений.

В связи с изложенным показания А. и свидетеля К. относительно сведений, которые ему стали известны из беседы с осужденным в отсутствие его защитника, являются недопустимыми доказательствами.

Судебная коллегия изменила приговор и исключила из числа доказательств, подтверждающих виновность осужденного, показания А. в целом, свидетеля К. в части воспроизведения сведений, сообщенных ему осужденным при задержании.

## ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

### **1. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным**

*Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 201-АП/17-46*

(Извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 24 августа 2017 г. С. осужден в том числе за незаконную перевозку огнестрельного оружия (пистолета-пулемета).

При описании преступных действий осужденного суд в приговоре указал, что С. совершил переноску короткоствольного пистолета-пулемета из гаража вблизи своего жилого помещения, сославшись в обоснование на показания очевидца указанных действий М.

Однако при квалификации действий С. по ч. 2 ст. 222 УК РФ суд признал его виновным не в ношении, а в перевозке огнестрельного оружия, хотя доказательств этому в приговоре не привел. При этом незаконное ношение огнестрельного оружия С. в вину органами предварительного следствия не вменялось.

В связи с изложенным неустановление судом обстоятельств совершения С. незаконной перевозки огнестрельного оружия повлекло изменение приговора, исключение указания на осуждение его по ч. 2 ст. 222 УК РФ за незаконную перевозку огнестрельного оружия и смягчение назначенного по ч. 2 ст. 222 УК РФ и по совокупности преступлений наказания.

### **2. Если лицо, организовавшее деятельность организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, принимало участие в деятельности такой организации, содеянное им не требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 205<sup>5</sup> УК РФ**

*Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 6 октября 2017 г. № 203-АП/17-27*

(Извлечение)

По приговору Приволжского окружного военного суда от 5 июня 2017 г. М. признан виновным в организации деятельности и руководстве на территории Республики Татарстан в период с октября 2014 г. по апрель 2015 г. подразделением организации “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами”, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, а также в участии в период с 14 ноября 2013 г. по 27 сентября 2016 г. в деятельности указанной террористической организации.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных и защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 6 октября 2017 г. приговор изменила, исключила указание об осуждении М. по ч. 2 ст. 205<sup>5</sup> УК РФ (в ред. Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) за период с октября 2014 г. по апрель 2015 г. и посчитала его осужденным по ч. 2 ст. 205<sup>5</sup> УК РФ (в ред. Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) за период с 14 ноября 2013 г. по октябрь 2014 г. и с апреля 2015 г. по 27 сентября 2016 г.

В обоснование Судебная коллегия указала, что, правильно установив, что осужденный с 14 ноября 2013 г. по 27 сентября 2016 г. принимал участие в деятельности террористической организации, суд не учел, что М. с октября 2014 г. по апрель 2015 г. одновременно руководил деятельностью указанной организации, в связи с чем необходимость в дополнительной квалификации его действий за указанный период (с октября 2014 г. по апрель 2015 г.) по ч. 2 ст. 205<sup>5</sup> УК РФ отсутствовала.

### **3. Если лицо, подавшее административное исковое заявление, в установленный в определении об оставлении административного искового заявления без движения срок исправит недостатки, указанные судьей, административное исковое заявление считается поданным в день первоначального обращения этого лица в суд**

*Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 204-КГ/17-10*

(Извлечение)

Определением судьи Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 24 июня 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 16 августа 2016 г., К. возвращено администра-

тивное исковое заявление (далее — заявление) в связи с неустранением недостатков, указанных в определении судьи об оставлении заявления без движения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 21 декабря 2017 г. судебные акты отменила в связи с существенным нарушением норм процессуального права и направила материалы судебного производства в гарнизонный военный суд для решения вопроса о принятии административного искового заявления к производству суда, указав в обоснование следующее.

Согласно ч. 1 ст. 130 КАС РФ судья, установив, что административное исковое заявление подано с нарушением требований ст.ст. 125 и 126 названного Кодекса, предъявляемых к форме и содержанию административного искового заявления и (или) приложенных к нему документов, выносит определение об оставлении административного искового заявления без движения, в котором указывает основания для этого и устанавливает разумный срок для устранения лицом, подавшим административное исковое заявление, обстоятельств, послуживших основанием для оставления административного искового заявления без движения.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 129 КАС РФ судья возвращает административное исковое заявление административному истцу в случае, если не исправлены недостатки данного административного искового заявления и документов, приложенных к нему, в срок, установленный в определении об оставлении административного искового заявления без движения.

Из материалов судебного производства следует, что 9 июня 2016 г. К. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконными приказ командира воинской части об увольнении административного истца с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и запись в трудовой книжке об увольнении его по указанному основанию, а также взыскать с воинской части денежную компенсацию морального вреда.

Определением судьи гарнизонного военного суда от 10 июня 2016 г. административному истцу было отказано в принятии заявления в части требований о взыскании с воинской части денежной компенсации морального вреда, а в остальной части заявление оставлено без движения.

В обоснование оставления заявления без движения судья сослался на то, что К. в нарушение ст.ст. 125 и 126 КАС РФ не приложил документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, не указал номер своего телефона, факса, адрес электронной почты и сведения о том, какие права, свободы и законные интересы нарушены, или причины, которые могут повлечь их нарушение.

21 июня 2016 г. К. подал в суд дополнение к заявлению, к которому приложил документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, а в самом заявлении указал номер телефона и адрес электронной почты, отметив, что факса не имеет, а также сообщил, что увольнением с военной службы нарушено его право на труд.

Кроме того, в заявлении административный истец сообщил, что ему неизвестны причины увольнения с военной службы, с материалами личного дела его не знакомили, в связи с чем при подаче заявления он заявил ходатайство об истребовании доказательств.

Из изложенного следует, что К. при подаче дополнительного заявления устранил недостатки, указанные в определении судьи от 10 июня 2016 г. в части оставления заявления без движения.

В соответствии с ч. 2 ст. 130 КАС РФ, если лицо, подавшее административное исковое заявление, в установленный в определении об оставлении административного искового заявления без движения срок исправит недостатки, указанные судьей, административное исковое заявление считается поданным в день первоначального обращения этого лица в суд.

При таких данных судье надлежало рассмотреть вопрос о принятии заявления К. к производству суда, как это предусмотрено ч. 1 ст. 127 КАС РФ, однако этого сделано не было.

## **ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ**

### **1. Мелкое взяточничество влечет ответственность по ст. 291<sup>2</sup> УК РФ независимо от наличия квалифицирующих признаков взятки, предусмотренных в ст. 291 УК РФ**

*Постановление президиума  
Иркутского областного суда  
от 6 марта 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Кировского районного суда г. Иркутска от 17 августа 2016 г. М. осужден по ч. 3 ст. 291 УК РФ.

Уголовное дело в отношении М. рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

М. признан виновным в даче взятки в размере 500 руб. должностному лицу — инспектору отдельного батальона дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции муниципального управления МВД России “Иркутское” лично, за его заведомо незаконное бездействие, с целью избежать составления постановления об административном правонарушении за допущенное нарушение Правил дорожного движения и тем самым непривлечения его к административной ответственности.

В кассационном представлении прокурор просил действия М. переквалифицировать на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291<sup>2</sup> УК РФ с учетом положений Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”.

Президиум Иркутского областного суда 6 марта 2017 г. удовлетворил кассационное представление прокурора по следующим основаниям.

При принятии решения о квалификации действий М. судом первой инстанции не учтено, что Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ, вступившим в силу 15 июля 2016 г., Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 291<sup>2</sup> УК РФ, предусматривающей ответственность за мелкое взяточничество. Диспозиция указанной статьи охватывает все случаи получения взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей.

При таких обстоятельствах дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, влечет ответственность по ч. 1 ст. 291<sup>2</sup> УК РФ независимо от того, за какие действия (законные или незаконные) она совершена, а также невзирая на наличие или отсутствие других квалифицирующих признаков взяточничества.

Кроме того, из материалов уголовного дела усматривается, что инспектор деньги принять отказался, вызвав сотрудников полиции.

Квалифицировав действия М. как оконченный состав преступления, суд первой инстанции не учел, что согласно разъяснениям, изложенным в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях”, в случае, если должностное лицо отказалось принять взятку, действия лица, непосредственно направленные на ее передачу, подлежат квалификации как покушение на дачу взятки.

Допущенное неправильное применение уголовного закона в соответствии с ч. 1 ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ является существенным, поскольку повлияло на исход дела.

С учетом изложенного президиум Иркутского областного суда изменил приговор в отношении М., его действия переквалифицировал с ч. 3 ст. 291 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291<sup>2</sup> УК РФ, смягчив наказание по данной статье.

**2. Решение об оглашении показаний неявившегося свидетеля может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами**

*Постановление президиума  
Московского городского суда  
от 20 июня 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Мещанского районного суда г. Москвы от 27 февраля 2014 г. Н. осужден по ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 213 и по п. “а” ч. 2 ст. 115 УК РФ.

Н. признан виновным в убийстве, т.е. умышленном причинении смерти другому человеку, в хулиганстве, т.е. грубом нарушении общественного порядка, выражающемся в явном неуважении к обществу, совершенном с применением предметов, используемых в качестве оружия, группой лиц по предварительному сговору, а также в причинении легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья, из хулиганских побуждений.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

В кассационной жалобе Н. просил об отмене приговора, ссылаясь на то, что судебное решение основано на оглашенных в судебном заседании и исследованных судом без его согласия показаниях потерпевшего и свидетелей, участие которых в судебном заседании не было обеспечено судом.

Президиум Московского городского суда 20 июня 2017 г. отменил приговор и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

Выводы суда о доказанности вины осужденного основаны в том числе на таких доказательствах, как показания потерпевшего С. и свидетелей М., О., Б., Р. и А., оглашенных судом в порядке ч. 2 ст. 281 УПК РФ, протокол осмотра места происшествия и заключения экспертов.

Как усматривается из содержания показаний потерпевшего С., свидетелей М., О., Б., Р., каждый из них сообщил об обстоятельствах, при которых были совершены преступления, а М. при осмотре места происшествия указал, куда был выброшен нож Н.

В судебном заседании потерпевший и свидетели допрошены не были, их показания оглашены в суде без согласия на то стороны защиты.

Как усматривается из материалов дела, ходатайство государственного обвинителя об оглашении показаний потерпевшего и свидетелей основано на рапорте сотрудников правоохранительных органов о невозможности обеспечения их явки.

Суд первой инстанции, удовлетворив ходатайство государственного обвинителя и огласив показания указанных лиц, оставил без внимания то обстоятельство, что в ходе предварительного следствия очные ставки между Н. и потерпевшим, а также свидетелями М., Б., Р. не проводились, и, следовательно, Н. был лишен возможности реализовать свое процессуальное право задавать им вопросы и оспаривать их показания.

В соответствии с ч. 2<sup>1</sup> ст. 281 УПК РФ в случаях, предусмотренных пп. 2—5 ч. 2 указанной статьи, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

При таких обстоятельствах оглашение показаний потерпевшего и основных свидетелей обвинения и использование их показаний при постановлении приговора является существенным нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса РФ и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, повлиявшим на постановление итогового решения по делу.

## ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ЗАЩИТОЙ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Сфера финансовых услуг, оказываемых банками и иными организациями, в настоящее время характеризуется, с одной стороны, ростом числа оказываемых населению услуг, а с другой — наличием рисков, сопряженных в том числе с не всегда добросовестным поведением участников финансового рынка.

В январе 2017 г. Банк России вступил в Международную организацию по защите прав потребителей финансовых услуг, членами которой являются надзорные органы 22 стран с наиболее развитой системой защиты прав потребителей финансовых услуг — основоположников передовых подходов и практик в этой области. Одной из задач данной организации является содействие совершенствованию системы защиты прав потребителей финансовых услуг<sup>1</sup>.

Верховный Суд РФ проводит систематическую работу по обобщению практики рассмотрения различных категорий дел, связанных с защитой прав потребителей.

Так, Пленумом Верховного Суда РФ были приняты постановления от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан” и от 29 января 2015 г. № 2 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”.

Актуальные вопросы применения судами законодательства о защите прав потребителей освещались в тематических обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ, в частности в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики о применении законодательства о защите прав потребителей при рассмотрении гражданских дел (утвержден 1 февраля 2012 г.), в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утвержден 30 января 2013 г.), в Обзоре судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утвержден 22 мая 2013 г.), а также в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утвержден 22 июня 2016 г., с изменениями от 26 апреля 2017 г.).

Отдельные правовые позиции излагались в периодических обзорах Верховного Суда РФ.

Настоящий Обзор подготовлен в целях обеспечения эффективной реализации функций судебной защиты нарушенных прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, правильного и единообразного применения законов при рассмотрении дел соответствующей категории.

**1. Если банком одновременно заявлены требования к заемщику о взыскании задолженности по кредитному договору и о его расторжении, такие требования подлежат рассмотрению в порядке искового, а не приказного производства.**

Банк обратился в суд с иском к Н., С. о взыскании в солидарном порядке задолженности по договору о предоставлении кредита и о расторжении этого договора.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, исковое заявление банка возвращено истцу.

Возвращая исковое заявление банка, суды первой и апелляционной инстанций, сославшись на п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, указали, что названные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства, поскольку они основаны на сделке, совершенной в простой письменной форме, а размер заявленной ко взысканию денежной суммы не превышает 500 тыс. рублей.

Суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что требование банка о расторжении кредитного договора является производным и вторичным по отношению к требованию о взыскании задолженности, а потому не может рассматриваться в качестве самостоятельного требования.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенными судебными постановлениями по следующим основаниям.

Согласно п. 1<sup>1</sup> ч. 1 ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

Исчерпывающий перечень требований, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства, изложен в ст. 122 ГПК РФ.

По смыслу приведенных правовых норм заявления, в которых наряду с указанными в ст. 122 ГПК РФ требованиями содержатся иные требования, не указанные в этой статье, подлежат рассмотрению судом общей юрисдикции в порядке искового производства.

Банком наряду с требованием о взыскании задолженности было заявлено требование о расторжении кредитного договора.

Требование о расторжении договора не указано в предусмотренном ст. 122 ГПК РФ перечне требований, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства.

При этом производный характер требования о расторжении кредитного договора не имеет правового значения для решения вопроса о том, предусмотрено ли такое требование в названном перечне.

Следовательно, заявление банка подлежало рассмотрению в порядке искового, а не приказного производства.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 41-КГ17-12)*

**2. Списание банком денежных средств со счета клиента должно осуществляться по тому курсу валюты и тем тарифам, которые действовали в банке на момент списания денег с банковской карты.**

Получение гражданином дохода при снятии с банковского счета денежных средств в иностранной валюте за счет курсовой разницы не свидетельствует об осуществлении им предпринимательской деятельности, если банковский счет не используется таким гражданином для нужд, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, в связи с чем к возникшим правоотношениям применяется Закон РФ “О защите прав потребителей”.

П. обратился в суд с иском к банку о взыскании неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами, а также о взыскании суммы компенсации морального вреда и штрафа, указав, что он с использованием банковской карты снял 16 декабря 2014 г. с открытого в банке счета, валютой которого являлся рубль, денежные средства в долларах США. По мнению истца, списание денежных средств со счета должно было производиться по тарифам, действовавшим на дату снятия им денежных

<sup>1</sup>www.cbr.ru/today/?PrtId=szpfu.

средств со счета, т.е. по установленному Банком России курсу. Между тем денежные средства были списаны со счета 18 декабря 2014 г. по курсу доллара США, установленному ответчиком по состоянию на 17 декабря 2014 г.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

Согласно п. 1 ст. 428 ГК РФ договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом.

Как установлено судом и подтверждается материалами дела, при заключении договора банковского счета с ответчиком истец, подписав заявление-оферту, присоединился к стандартным условиям, определенным банком, в том числе к содержащимся в Условиях работы счетов и в Тарифах банка.

Внесение ответчиком изменений в утвержденные им тарифы по своей правовой природе является изменением заключенного с истцом договора банковского счета.

В п. 2 ст. 453 ГК РФ предусмотрено, что в случае изменения договора обязательства считаются измененными с момента заключения соглашения сторон об изменении договора, если иное не вытекает из соглашения или характера изменения договора.

По смыслу приведенных норм закона в их совокупности изменение условий договора о применении курса валюты, о комиссионном вознаграждении банка по общему правилу влечет правовые последствия только на будущее время и не изменяет прав и обязанностей сторон, возникших до изменения условий договора.

Кроме того, в соответствии со ст. 310 ГК РФ в редакции, действовавшей на момент заключения истцом и ответчиком договора банковского счета, односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускались, за исключением случаев, предусмотренных законом. Односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и одностороннее изменение условий такого обязательства допускались также в случаях, предусмотренных договором, если иное не вытекало из закона или существа обязательства.

Право банка на одностороннее изменение условий заключенного с гражданином договора банковского счета о порядке определения курса иностранной валюты и комиссионного вознаграждения банка законом не предусмотрено.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды также указали, что к спорным правоотношениям Закон РФ от 2 февраля 1992 г. № 2300-I "О защите прав потребителей" (далее — Закон о защите прав потребителей) не подлежит применению, поскольку при снятии истцом денежных средств в иностранной валюте им была получена прибыль за счет курсовой разницы.

Между тем в подп. "д" п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей" разъяснено, что под финансовой услугой следует понимать услугу, оказываемую физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением и (или) размещением денежных средств и их эквивалентов, выступающих в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (предоставление кредитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счетов, привлечение банковских вкладов

(депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т.п.).

Таким образом, гражданин, являющийся клиентом банка по договору банковского счета, не является потребителем лишь в том случае, если банковский счет используется таким гражданином для нужд, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Доказательства ведения П. такой деятельности в материалах дела отсутствуют.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 5-КГ16-180)*

**3. К вытекающим из договора ипотечного страхования отношениям между страховщиком и наследниками страхователя, использующими страховую услугу для нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяются положения Закона о защите прав потребителей.**

Н. обратилась в суд иском в интересах несовершеннолетней дочери С. к страховой организации о выплате страхового возмещения, неустойки, штрафа и компенсации морального вреда, сославшись на неисполнение ответчиком условий договора ипотечного страхования, заключенного между данной страховой организацией и Г., умершим 28 июня 2013 г., единственным наследником которого является С.

Судом по делу установлено, что между банком и Г. заключен кредитный договор на покупку квартиры с обеспечением кредитного договора ипотекой.

Во исполнение условий кредитного договора между страховой организацией и Г. заключен договор ипотечного страхования.

Согласно договору страхования его предметом является страхование имущественных рисков, связанных с причинением вреда жизни и потерей трудоспособности застрахованного.

В договоре страхования предусмотрено, что страховым случаем по страхованию риска причинения вреда жизни и потери трудоспособности является смерть застрахованного, явившаяся следствием несчастного случая и (или) болезни. Выгодоприобретателями по указанному договору являются банк (кредитор) и (или) страхователь.

28 июня 2013 г. Г. умер.

Наследником первой очереди к имуществу Г. является его несовершеннолетняя дочь С.

Страховщик уведомил банк об отсутствии оснований для выплаты страхового возмещения в связи с наступлением страхового случая — смерти Г., указав, что событие не может быть признано страховым случаем.

Удовлетворяя частично заявленные исковые требования, судебные инстанции пришли к выводу об отсутствии установленных законом оснований для освобождения ответчика от исполнения принятых на себя обязательств по выплате страхового возмещения в связи со смертью Г.

В то же время суды отказали в удовлетворении иска о взыскании неустойки, штрафа, компенсации морального вреда, исходя из того, что несовершеннолетняя С. не является стороной договора страхования и не выступает в качестве выгодоприобретателя по этому договору.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций не соответствующими требованиям закона.

Согласно ст. 1113 ГК РФ наследство открывается со смертью гражданина.

В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ).

Поскольку заключенный Г. договор страхования обеспечивает имущественные интересы страхователя, страховое возмещение предназначено для погашения долга по кредитному договору перед банком, то в соответствии с приведенными положениями закона к С. в силу универсального правопреемства перешли как имущественные права и обязанности стороны по заключенному наследодателем кредитному договору, так и право требовать исполнения договора страхования, заключенного в обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору.

Верховный Суд РФ в п. 3 постановления Пленума от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей” разъяснил, что исходя из преамбулы Закона о защите прав потребителей и ст. 9 Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ “О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации” правами, предоставленными потребителю законом и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом РФ пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.).

Если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования (как личного, так и имущественного), договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

С учетом положений ст. 39 Закона о защите прав потребителей к отношениям, возникающим из договоров об оказании отдельных видов услуг с участием гражданина, последствия нарушения условий которых не подпадают под действие главы III данного Закона, должны применяться общие положения этого Закона, в частности о праве граждан на предоставление информации (ст.ст. 8—12), об ответственности за нарушение прав потребителей (ст. 13), о возмещении вреда (ст. 14), о компенсации морального вреда (ст. 15), об альтернативной подсудности (п. 2 ст. 17), а также об освобождении от уплаты государственной пошлины (п. 3 ст. 17) в соответствии с пп. 2 и 3 ст. 333<sup>36</sup> НК РФ (п. 2 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ).

Исходя из приведенных выше правовых норм и разъяснений, а также в связи с тем, что после смерти Г. к его наследнику С. перешло право требовать исполнения договора страхования, на отношения между С. и страховой организацией распространяется Закон о защите прав потребителей, в том числе в части взыскания неустойки (п. 5 ст. 28), штрафа (п. 6 ст. 13), компенсации морального вреда (ст. 15).

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 38-КГ16-1)*

**4. При применении норм Закона о защите прав потребителей к спорам, возникшим в связи с несвоевременной выплатой страхового возмещения по договору имущественного страхования, следует учитывать, что отсутствие у гражданина регистрации в качестве индивидуального**

**предпринимателя само по себе не означает, что застрахованное имущество использовалось им исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.**

Общественная организация по защите прав потребителей (далее — ОЗПП), действующая в интересах А., обратилась в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда, возмещении расходов на оценку, штрафа в пользу ОЗПП, штрафа в пользу А.

В обоснование иска указано следующее. Между А. и страховой организацией был заключен договор страхования имущества — кафе-шашлычной, принадлежащей А. В период с марта по апрель 2014 г. произошло событие, имеющее признаки страхового случая, — на наружной и внутренней стенах указанного строения появились трещины. А. обратилась к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения, однако ответчик отказал со ссылкой на то, что заявленное событие страховым случаем не является.

Решением суда в удовлетворении иска отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение о частичном удовлетворении исковых требований. С ответчика в пользу А. взысканы страховое возмещение, сумма компенсации морального вреда, штраф, в пользу ОЗПП также взыскан штраф.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что ущерб застрахованному имуществу был причинен в результате воздействия воды, вызванного повышением уровня грунтовых вод, что является страховым случаем согласно договору страхования. Суд также указал, что поскольку А. не зарегистрирована в установленном порядке в качестве индивидуального предпринимателя и взаимосвязанных действий, направленных на получение прибыли, не осуществляла, то ее деятельность по сдаче в аренду застрахованного нежилого строения предпринимательской деятельностью не является и к спорным правоотношениям подлежит применению Закон о защите прав потребителей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными по следующим основаниям.

Как установлено судом, объектом страхования является кафе-шашлычная, сдаваемая А. в аренду.

Согласно преамбуле к Закону о защите прав потребителей потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Суд апелляционной инстанции в нарушение ст. 56 ГПК РФ неправильно распределил бремя доказывания и не предложил истце представить доказательства, подтверждающие использование ею застрахованного имущества исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, сама А. их также не приложила.

В нарушение пп. 5 и 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ суд не обосновал доказательствами свое утверждение о том, что кафе-шашлычная, сдаваемая А. в аренду с августа 2010 г., т.е. в течение четырех лет на момент возникновения страхового случая, использовалась именно для личных нужд.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 47-КГ16-12)*

**5. Последствием признания недействительным условия кредитного договора об уплате комиссионного вознаграждения**

**гражданина за обслуживание счета является возмещение гражданину-потребителю убытков по правилам ст. 15 ГК РФ.**

Ш. обратился в суд с иском к банку о применении последствий недействительности ничтожной сделки в части, взыскании комиссии за обслуживание счета, неустойки, штрафа, судебных расходов.

Судом установлено, что между Ш. и банком заключен договор на получение персонального кредита в офертно-акцептной форме.

Обязательства банка перед истцом по предоставлению суммы кредита были исполнены в полном объеме. Принятые на себя обязательства Ш. исполнял надлежащим образом, платежи по кредиту и проценты за пользование денежными средствами уплачивал ежемесячно.

Помимо платежей по кредиту и процентов за пользование денежными средствами истцом ежемесячно уплачивалась комиссия за обслуживание счета, сумма которой подтверждена выпиской по счету и ответчиком не оспаривалась.

Суд первой инстанции, удовлетворяя исковые требования, а также суд апелляционной инстанции, оставив решение суда без изменения, исходили из того, что включение банком в кредитный договор условия об уплате комиссионного вознаграждения за обслуживание счета, который выполняет функции ссудного счета, ущемляет установленные законом права потребителя и согласно ст. 16 Закона о защите прав потребителей является основанием для признания такого условия договора недействительным. В связи с этим на основании ст.ст. 28 и 30 Закона о защите прав потребителей в пользу истца была взыскана неустойка за просрочку исполнения обязанности по возврату комиссии.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 819 ГК РФ по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения, в том числе определение величины процентной ставки по кредиту в зависимости от изменения условий, предусмотренных в кредитном договоре, процентные ставки по вкладам (депозитам) и комиссионное вознаграждение по операциям устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В силу п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными. Если в результате исполнения договора, ущемляющего права потребителя, у него возникли убытки, они подлежат возмещению изготовителем (исполнителем, продавцом) в полном объеме.

Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (п. 1 ст. 15 ГК РФ).

Из содержания указанных норм в их взаимосвязи следует, что последствием признания недействительным условия кредитного договора (например, об уплате комиссионного вознаграждения за обслуживание

счета), как ущемляющего права потребителя, является возмещение возникших убытков, наличие и размер которых подлежат доказыванию потребителем.

Суды первой и апелляционной инстанций ошибочно применили к отношениям сторон положения ст.ст. 28 и 30 Закона о защите прав потребителей, регламентирующих последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ (оказания услуг) и сроков устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги), поскольку действия кредитной организации по взиманию комиссии по обслуживанию счета не являются тем недостатком работы (услуги), за нарушение сроков выполнения которой может быть взыскана неустойка на основании названного Закона.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 ноября 2015 г. № 16-КГ15-25)*

## **6. К требованиям гражданина о защите его прав при заключении кредитного договора от его имени мошенническим путем подлежат применению нормы Гражданского кодекса РФ.**

Общественная организация по защите прав потребителей (далее — ОЗПП) в интересах Ц. обратилась в суд с иском к банку-1 о защите прав потребителей, в обоснование которого указала, что Ц. стал получать уведомления от банка-1 с требованием погасить задолженность по кредиту. Ц. выяснил, что от его имени в банке-1 заключен кредитный договор. Утверждая, что кредитный договор не заключал и подпись в кредитном договоре ему не принадлежит, истец обратился к ответчику с требованием разобраться в сложившейся ситуации. В ответ банк-1 уведомил истца о том, что провел проверку, установив факт оформления потребительского кредита на имя истца мошенническим путем, договор из национального бюро кредитных историй будет удален. Однако после данного ответа письма банка-1 с требованиями о погашении несуществующей задолженности, а также звонки и смс-сообщения продолжали поступать в адрес истца.

Кроме того, с целью приобретения недвижимого имущества Ц. обратился в банк-2 с просьбой выдать кредит для покупки жилья на вторичном рынке, однако банк-2 отказал истцу в получении кредита, что повлекло для истца убытки в виде уплаченного по договору задатка.

С учетом уточнения исковых требований ОЗПП, действующая в интересах Ц., просила признать незаключенным кредитный договор, исключить персональные данные истца из базы данных должников по кредиту, возместить убытки, связанные с незаключением договора купли-продажи жилого дома с земельным участком в виде уплаченного задатка, убытки, связанные с оказанием медицинской помощи, взыскать сумму компенсации морального вреда и штраф в размере 50% от взысканных сумм, возместить судебные расходы.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен частично. Суд признал незаключенным кредитный договор с исключением персональных данных Ц. из базы данных должников по кредиту и взыскал с ответчика в пользу истца убытки, сумму компенсации морального вреда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке требований потребителя, судебные расходы. В пользу ОЗПП взыскан штраф.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что правоотношения между истцом и ответчиком регулируются Законом о защите прав потребителей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с данными выводами судебных инстанций по следующим основаниям.

Согласно преамбуле Закона о защите прав потребителей данный Закон регулирует отношения, возник-

кающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг). Потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Аналогичное разъяснение содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”.

Требования истца по данному делу, напротив, были основаны на том, что ни в какие отношения с ответчиком по поводу получения кредита он не вступал и не намеревался вступать. Кредитный договор от его имени заключен третьими лицами мошенническим путем.

Данный факт судом установлен, в том числе на основании заключения почерковедческой экспертизы, согласно выводам которой рукописный текст и шесть подписей в кредитном договоре выполнены не Ц., а другим лицом.

При таких обстоятельствах применение судом к спорным отношениям положений Закона о защите прав потребителей Судебная коллегия признала ошибочным.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 августа 2016 г. № 18-КГ16-71)*

**7. При невыполнении указаний клиента-потребителя о выдаче денежных средств со счета банк в соответствии со ст. 856 ГК РФ обязан уплатить на эту сумму проценты в порядке и в размере, предусмотренных ст. 395 ГК РФ.**

К. обратилась в суд с иском к банку о взыскании сумм вклада, компенсации морального вреда и неустойки за нарушение сроков возврата суммы вклада, ссылаясь на то, что после обращения в банк с заявлением о расторжении договора банковского вклада внесенные денежные средства были возвращены ей частями.

Решением суда иски были удовлетворены частично. С банка в пользу К. взыскана неустойка, сумма компенсации морального вреда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

Разрешая спор, суд первой инстанции руководствовался п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей применительно к требованию о взыскании неустойки и с учетом положений ст. 333 ГК РФ снизил ее размер.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с выводом суда о наличии оснований для применения п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, указал на необоснованность применения судом ст. 333 ГК РФ, увеличил размер взысканной неустойки, размер штрафа, а также размер компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 834 ГК РФ по договору банковского вклада (депозита) одна сторона (банк), принявшая поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для нее денежную сумму (вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных догово-

В соответствии с п. 2 ст. 837 ГК РФ по договору банковского вклада любого вида банк обязан выдать сумму вклада или ее часть по первому требованию вкладчика, за исключением вкладов, внесенных юри-

дическими лицами на иных условиях возврата, предусмотренных договором.

К отношениям банка и вкладчика по счету, на который внесен вклад, применяются правила о договоре банковского счета (глава 45 ГК РФ), если иное не предусмотрено правилами главы 44 ГК РФ или не вытекает из существа договора банковского вклада (п. 3 ст. 834 ГК РФ).

В силу ст. 856 ГК РФ в случаях несвоевременного зачисления на счет поступивших клиенту денежных средств либо их необоснованного списания банком со счета, а также невыполнения указаний клиента о перечислении денежных средств со счета либо об их выдаче со счета банк обязан уплатить на эту сумму проценты в порядке и в размере, предусмотренных ст. 395 данного Кодекса.

Применение положений ст. 856 ГК РФ к договору банковского вклада обусловлено как п. 3 ст. 834 ГК РФ, так и тем, что заключение такого договора оформляется открытием клиенту депозитного счета, являющегося разновидностью банковского счета.

Таким образом, последствия нарушения банком обязанности по возврату вклада вследствие невыдачи денежных средств со счета состоят в обязанности уплаты банком процентов по ставке рефинансирования.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

В нарушение указанных выше норм суды неправильно применили к возникшим правоотношениям положения Закона о защите прав потребителей, не приняв во внимание, что такие правовые последствия за нарушение обязанности по возврату вклада по первому требованию вкладчика урегулированы положениями Гражданского кодекса РФ, содержащими специальные нормы и подлежащими применению при рассмотрении данного дела.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 88-КГ16-7)*

**8. Положения Закона о защите прав потребителей не применяются к отношениям, возникшим из договора займа, заключенного между кредитным потребительским кооперативом и гражданином-пайщиком этого кооператива.**

Специализированный кредитный потребительский кооператив (далее — СКПК) обратился в суд с иском к Х. и З., Ч., П. (поручителям) о взыскании задолженности по договору займа и процентов за пользование денежными средствами.

Признав требования в части взыскания суммы основного долга и процентов за пользование займом, представитель Х. обратился со встречным иском о признании условия договора займа об очередности погашения требований кредитора недействительным и компенсации морального вреда.

Решением суда иски были удовлетворены частично: с ответчиков в пользу СКПК взысканы задолженность по договору займа, проценты за пользование займом, неустойка.

Встречные иски Х. удовлетворены, в ее пользу присуждена компенсация морального вреда.

Разрешая спор и удовлетворяя встречные требования о компенсации морального вреда, суд первой инстанции исходил из того, что указанный в договоре займа порядок противоречит положениям ст. 319 ГК РФ и нарушает права Х. как потребителя финансовой услуги, в связи с чем в пользу Х. подлежит взысканию сумма компенсации морального вреда, предусмотренная ст. 15 Закона о защите прав потребителей.

С данным выводом согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, признавая выводы судебных инстанций ошибочными, указала следующее.

Из материалов дела следует, и это не оспаривалось сторонами по делу, что между СКПК и Х. заключен договор займа (пай № 10).

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» кредитный кооператив является некоммерческой организацией. Деятельность кредитного кооператива состоит в организации финансовой взаимопомощи членов кредитного кооператива (пайщиков) посредством объединения паенакоплений (паев) и привлечения денежных средств членов кредитного кооператива (пайщиков) и иных денежных средств в порядке, определенном названным Федеральным законом, иными федеральными законами и уставом кредитного кооператива.

В силу ч. 2 ст. 4 названного Закона кредитный кооператив предоставляет займы своим членам на основании договоров займа, заключаемых между кредитным кооперативом и заемщиком — членом кредитного кооператива (пайщиком).

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», законодательством о защите прав потребителей не регулируются отношения граждан с товариществами собственников жилья, жилищно-строительными кооперативами, жилищными накопительными кооперативами, садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями граждан, если эти отношения возникают в связи с членством граждан в этих организациях. На отношения по поводу предоставления этими организациями гражданам, в том числе и членам этих организаций, платных услуг (работ) Закон о защите прав потребителей распространяется.

Однако судами не было установлено, являлся Х. членом-пайщиком СКПК или нет, заключен договор займа между кредитным кооперативом и его членом или между сторонами возникли иные отношения.

Между тем данные обстоятельства являлись существенными для правильного применения норм материального права, регулирующих возникшие правоотношения.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 91-КГ14-7)*

**9. Начисление по истечении срока действия договора микрозайма процентов в том размере, который был установлен договором лишь на срок его действия, является неправомерным.**

При заключении договора микрозайма до установления Банком России ограничений деятельности микрофинансовых организаций в части начисления процентов за пользование займом соответствующие проценты подлежат исчислению исходя из средневзвешенной процентной ставки по потребительским кредитам, установленным Банком России на момент заключения договора микрозайма.

Микрофинансовая организация (далее — МФО) обратилась в суд с иском к К. о взыскании суммы основного долга и процентов за пользование займом.

Решением районного суда искивые требования удовлетворены частично. С К. в пользу МФО взысканы: основной долг, проценты за пользование займом, штраф за просрочку возврата займа и погашение процентов, расходы по оплате государственной пошлины.

Рассматривая дело и частично удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции пришел к выводу о возможности применения к возникшим правоотношениям ст. 333 ГК РФ, снизив размер процентов за пользование займом, рассчитанный с учетом 730 процентов годовых (2 процента от суммы займа за каждый день просрочки).

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда первой инстанции в части размера процентов за пользование займом, указав на то, что такие проценты не являются мерой ответственности за нарушение обязательства по возврату суммы займа и не подлежат уменьшению на основании ст. 333 ГК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ апелляционное определение отменила в части по следующим основаниям.

В силу пп. 1, 4 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодателю такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества. Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

На основании п. 1 ст. 809 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных договором. При отсутствии в договоре условия о размере процентов их размер определяется существующей в месте жительства займодателя, а если займодателем является юридическое лицо, в месте его нахождения ставкой банковского процента (ставкой рефинансирования) на день уплаты заемщиком суммы долга или его соответствующей части.

Проценты, предусмотренные ст. 809 ГК РФ, являются платой за пользование денежными средствами и не могут быть снижены судом.

В связи с этим вывод суда апелляционной инстанции о том, что уменьшение этих процентов в порядке ст. 333 ГК РФ не допускается, признан Судебной коллегией правильным.

Вместе с тем судом апелляционной инстанции не было учтено следующее.

Особенности предоставления займа под проценты заемщику-гражданину в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью, устанавливаются законами (п. 3 ст. 807 ГК РФ).

Порядок, размер и условия предоставления микрозаймов предусмотрены Федеральным законом от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее — Закон о микрофинансовой деятельности).

В п. 4 ч. 1 ст. 2 названного Закона предусмотрено, что договор микрозайма — договор займа, сумма которого не превышает предельный размер обязательств заемщика перед займодателем по основному долгу, установленный названным Законом.

Исходя из императивных требований к порядку и условиям заключения договора микрозайма, предусмотренных Законом о микрофинансовой деятельности, денежные обязательства заемщика по договору микрозайма имеют срочный характер и ограничены установленными этим Законом предельными суммами основного долга, процентов за пользование микрозаймом и ответственности заемщика.

Принцип свободы договора в сочетании с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений не исключает обязанности суда оценивать условия конкретного договора с точки зрения их разумности и справедливости, с учетом того, что условия договора займа, с одной стороны, не должны быть явно обременительными для заемщика, а с другой стороны, они должны учитывать интересы кредитора как стороны, права которой нарушены в связи с неисполнением обязательства.

Это положение имеет особое значение, когда возникший спор связан с деятельностью микрофинансовых организаций, которые предоставляют займы на небольшие суммы и на короткий срок, чем и обуславливается возможность установления повышенных процентов за пользование займом. Иное, т.е. установление сверхвысоких процентов за длительный срок пользования микрозаймом, выданным на короткий срок, приводило бы к искажению цели деятельности микрофинансовых организаций.

Взыскивая с К. в пользу МФО проценты за пользование микрозаймом в размере 730 процентов за период, составляющий 467 дней, суд апелляционной инстанции исходил из того, что эти проценты продолжают начисляться по истечении срока действия договора займа, составляющего 15 календарных дней.

Однако такой вывод суда апелляционной инстанции признан Судебной коллегией противоречащим существу законодательного регулирования договоров микрозайма, поскольку фактически свидетельствует о бессрочном характере обязательств заемщика, вытекающих из такого договора, а также об отсутствии каких-либо ограничений размера процентов за пользование микрозаймом.

Согласно договору микрозайма, заключенному между МФО и К. 27 июня 2014 г., срок его предоставления был определен в 15 календарных дней, т.е. между сторонами был заключен договор краткосрочного займа сроком до 1 мес.

Согласно п. 2.2.2 договора микрозайма заемщик обязуется по истечении срока, на который выдан микрозаем, в полном объеме и своевременно вернуть полученную сумму микрозайма и уплатить займодавцу проценты за его использование в размере, указанном в п. 1.1 этого договора, а также в полном объеме оплатить штрафные санкции, предусмотренные этим договором.

На основании п. 5.2 договора микрозайма в случае нарушения срока возврата суммы микрозайма и начисленных процентов за его использование в сроки, установленные п. 1.1 указанного договора, более чем на 5 дней заемщик уплачивает займодавцу единовременный штраф в размере 700 руб. При этом заемщик не освобождается от обязательств по возврату денежной суммы, полученной в микрозаем, и уплаты начисленных процентов за его использование согласно условиям договора микрозайма.

Однако суд апелляционной инстанции, взыскав в пользу МФО проценты за пользование займом в размере 730 процентов годовых за 467 дней, в то время как указанные проценты были предусмотрены договором микрозайма на срок 15 дней, этого не учел.

Пунктом 9 ч. 1 ст. 12 Закона о микрофинансовой деятельности (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 407-ФЗ "О внесении изменений в отдель-

ные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации") микрофинансовая организация не вправе начислять заемщику — физическому лицу проценты и иные платежи по договору потребительского займа, срок возврата потребительского займа по которому не превышает одного года, за исключением неустойки (штрафа, пени) и платежей за услуги, оказываемые заемщику за отдельную плату, в случае, если сумма начисленных по договору процентов и иных платежей достигнет четырехкратного размера суммы займа.

Условие, содержащее данный запрет, должно быть указано микрофинансовой организацией на первой странице договора потребительского займа, срок возврата потребительского займа по которому не превышает одного года, перед таблицей, содержащей индивидуальные условия договора потребительского займа.

Соответствующие положения были внесены в Закон о микрофинансовой деятельности Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 407-ФЗ и не действовали на момент заключения договора микрозайма от 27 июня 2014 г.

При таких обстоятельствах размер взыскиваемых процентов за пользование займом подлежал исчислению исходя из рассчитанной Банком России средневзвешенной процентной ставки по кредитам, предоставляемым кредитными организациями физическим лицам в рублях на срок свыше одного года, по состоянию на день заключения договора микрозайма.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 августа 2017 г. № 7-КГ17-4)*

**10. Снижение судом размера процентов за пользование микрозаймом до размера ставки рефинансирования, т.е. ниже, чем по любому из видов предоставляемых кредитными организациями физическим лицам потребительских кредитов, среднерыночные ставки по которым рассчитываются Банком России, является неправомерным.**

Микрофинансовая организация (далее — МФО) обратилась в суд с иском к С. о взыскании суммы долга в размере 20 тыс. рублей и процентов за пользование займом в размере 66 900 руб., сославшись на то, что между истцом и ответчиком заключен договор займа, по которому С. переданы денежные средства в сумме 20 тыс. рублей на срок 15 дней под 1,5 процента от суммы займа за каждый день пользования денежными средствами (547,5 процента годовых). По истечении срока договора ответчик сумму займа с процентами не возвратила.

Не согласившись с иском, С. предъявила встречные требования к МФО о признании недействительным условия договора займа о размере процентов и их перерасчете исходя из процентной ставки 8,25 процента годовых, сославшись на то, что указанное условие договора от 21 июля 2015 г. не соответствует закону и нарушает ее права.

Разрешая спор и удовлетворяя встречный иск, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, сослался на то, что истец, являясь субъектом предпринимательской деятельности, допустил злоупотребление правом, установив в договоре займа не соответствующие применяемым в подобных отношениях кредитными организациями условия о размере процентов. Судом признано недействительным условие заключенного между сторонами договора займа о размере процентов, размер процентов за период с 21 июля 2015 г. по 29 февраля 2016 г. определен исходя из ставки рефинансирования в сумме 1118 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

В силу п. 1 ст. 809 этого же Кодекса, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных договором.

Таким образом, сама по себе возможность установления размера процентов на сумму займа по соглашению сторон во взаимосвязи со ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав не может рассматриваться как нарушающая принцип свободы договора.

Установление наличия либо отсутствия злоупотребления правом при заключении договора относится к установлению обстоятельств дела и их оценке, однако такая оценка не может быть произвольной и нарушающей права и законные интересы сторон.

Согласно ч. 11 ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» предусмотрено, что на момент заключения договора потребительского кредита (займа) полная стоимость потребительского кредита (займа) не может превышать рассчитанное Банком России среднерыночное значение полной стоимости потребительского кредита (займа) соответствующей категории потребительского кредита (займа), применяемое в соответствующем календарном квартале, более чем на одну треть.

Для заключаемых в III квартале 2015 года договоров потребительского кредита (займа) до 30 тыс. рублей без обеспечения среднерыночное значение полной стоимости кредита установлено Банком России от 642,336 процента годовых при займе сроком менее месяца, до 115,898 процента годовых при займе свыше года.

Как указала Судебная коллегия, изменяя условия заключенного сторонами договора и устанавливая размер процентов за пользование займом равным ставке рефинансирования — 8,25% с 21 июля по 31 декабря 2015 г. и 11% с 1 января по 29 февраля 2016 г., суд произвел не основанное на законе снижение процентов ниже, чем по любому из видов кредита.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 37-КГ17-6)*

**11. Выдача (замена) сим-карты является услугой связи. Оператор мобильной связи несет ответственность за неправомерные действия по выдаче дубликата сим-карты с абонентским номером пользователя другому лицу, последствием которых является получение таким лицом доступа к банковским счетам гражданина, использующего этот абонентский номер с подключением к нему услуги “мобильный банк”.**

Ш. обратилась в суд с иском к банку и оператору мобильной связи (далее — оператор связи) о защите прав потребителя, в котором просила признать незаконными действия оператора связи по передаче третьему лицу сим-карты и смс-сообщений по ее абонентскому номеру подвижной телефонной связи, взыскать солидарно с ответчиков незаконно списанные с ее банковского счета денежные средства, взыскать с банка проценты на эту сумму, взыскать с оператора связи денежные средства, незаконно списанные с ее абонентского лицевого счета, взыскать с ответчиков неустойку за отказ удовлетворить требования потребителя в добровольном порядке, компенсацию морального вреда и штраф.

В обоснование заявленных требований истица указала, что между ней и банком было заключено соглашение об открытии банковского счета и выдаче банковской карты. Впоследствии в данном банке истица открыла вклад. К используемому Ш. абонентскому номеру, полученному на основании договора на оказание услуг телефонной связи, была подключена услуга “мобильный банк”. В декабре 2013 г. оператор связи выдал неустановленному лицу дубликат сим-карты с ее абонентским номером, вследствие чего находящаяся у истицы сим-карта перестала обслуживаться. По заявлению истицы оператор связи произвел замену сим-карты. В результате выдачи дубликата сим-карты оператором неустановленному лицу сим-карта истица не обслуживалась менее суток до момента получения истицей новой сим-карты. При этом неустановленное лицо получило возможность пользоваться услугами связи с абонентского номера истицы, оплата которых производилась путем списания денежных средств с ее абонентского лицевого счета. Кроме того, неустановленное лицо получило доступ к управлению ее банковским счетом и одноразовым паролям на списание денежных средств с банковского счета.

За указанный период денежные средства были переведены с ее банковского счета на счета третьих лиц, а также за ее счет были оказаны услуги связи третьим лицам.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований к банку, судебные инстанции сослались на то, что банк предоставил истице услуги по договору обслуживания международной карты и банковского вклада надлежащим образом, поскольку операции перевода денежных средств совершались банком на основании распоряжения клиента, направленного посредством услуги дистанционного доступа.

Отказывая в удовлетворении иска к оператору связи, суд сослался на недоказанность причинно-следственной связи между заменой сим-карты и хищением денежных средств, на недоказанность вины оператора связи, поскольку выдача дубликата сим-карты была произведена коммерческим представителем, за что оператор связи не несет ответственности, так как данные сервисные услуги не относятся к услугам связи и не предусмотрены договором об оказании услуг, заключенным между истицей и оператором связи, равно как и правилами оказания услуг подвижной связи.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что выводы судов сделаны с нарушением норм материального и процессуального права, указав в том числе следующее.

В соответствии с п. 32 ст. 2 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ “О связи” (далее — Закон о связи) услугой связи является деятельность по приему, обработке, хранению, передаче, доставке сообщений электросвязи или почтовых отправлений.

Согласно п. 2 Правил оказания услуг подвижной связи, утвержденных постановлением Правительства РФ от 25 мая 2005 г. № 328 (далее — Правила подвижной связи), утративших силу с принятием Правил оказания услуг телефонной связи, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 декабря 2014 г. № 1342 (далее — Правила телефонной связи), абонентом является физическое лицо (гражданин) или юридическое лицо, с которым заключен договор об оказании услуг подвижной связи при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации; абонентским номером — номер, однозначно определяющий (идентифицирующий) подключенную к сети подвижной связи абонентскую станцию (абонентское устройство) с установленной в ней сим-картой; а сим-картой — карта, с помощью ко-

торой обеспечиваются идентификация абонентской станции (абонентского устройства), ее доступ к сети подвижной связи, а также защита от несанкционированного использования абонентского номера.

Таким образом, сим-карта (в соответствии с п. 2 действующих Правил телефонной связи — идентификационный модуль, электронный носитель информации, установленный в абонентской станции (абонентском устройстве), с помощью которого осуществляются идентификация абонента оператором связи, доступ абонентской станции (абонентского устройства) к сети подвижной связи, а также обеспечивается защита от несанкционированного использования абонентского номера) является неотъемлемым элементом предоставления услуги подвижной телефонной связи, обеспечивающим подключение и доступ к сети подвижной связи абонентского устройства, его идентификацию и защиту от несанкционированного использования абонентского номера.

При этом сим-карта (электронный носитель информации) помимо информации, обеспечивающей выполнение указанных выше функций, может содержать дополнительную информацию об абоненте, его телефонных переговорах и коротких текстовых и иных сообщениях, в частности телефонную книгу абонента, списки входящих (исходящих) вызовов и сообщений, тексты коротких текстовых сообщений (смс-сообщений), сведения о подключенных услугах и т.д.

Одновременно с выдачей (заменой, восстановлением) сим-карты происходит передача соответствующей информации, а также обеспечивается возможность доступа к сети подвижной связи с соответствующего абонентского номера, возможность получения входящих на этот номер сообщений, в том числе одно-разовых паролей подтверждения, а также возможность использования подключенных к этому номеру услуг.

Следовательно, вывод суда апелляционной инстанции о том, что выдача (замена) сим-карты не является услугой связи, основан на неправильном толковании указанных правовых норм.

Согласно п. 24 Правил подвижной связи оператор связи вправе поручить третьему лицу заключить договор, в том числе договор, предусматривающий использование перенесенного абонентского номера, от имени и за счет оператора связи, а также осуществлять расчеты с абонентами и иные действия по обслуживанию абонентов от имени оператора связи.

По договору, заключенному третьим лицом от имени и за счет оператора связи, права и обязанности по оказанию услуг подвижной связи и совершению иных действий, связанных с обслуживанием абонентов, возникают непосредственно у оператора связи.

В соответствии с п. 1 ст. 1005 ГК РФ по сделке, совершенной агентом с третьим лицом от имени и за счет принципала, права и обязанности возникают непосредственно у принципала.

Как установлено судом и следует из материалов дела, между ОАО «МТС» и ЗАО «РТС» был заключен договор, в соответствии с которым ОАО «МТС» поручило ЗАО «РТС», а последнее обязалось совершать от имени ОАО «МТС» и за его счет действия по поиску потенциальных абонентов, их справочно-информационному обслуживанию, оказанию абонентам сервисных услуг, а также юридические действия по заключению абонентских договоров и внесению изменений и дополнений в действующие абонентские договоры на территории Российской Федерации.

При таких обстоятельствах вывод суда о том, что ОАО «МТС» не несет ответственности и не становится обязанным за совершенные ЗАО «РТС» действия по выдаче (замене, восстановлению) сим-карты ОАО «МТС», признан незаконным.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 5-КГ15-164)*

**12. Не допускается расторжение в одностороннем порядке по инициативе заемщика договора банковского счета, предназначенного для учета его кредиторской задолженности, если открытие такого счета являлось условием заключения кредитного договора.**

Ш. обратился в суд с иском к банку об изменении условий смешанного договора путем закрытия банковского счета, указав, что сторонами по делу заключен договор о предоставлении и использовании карты путем присоединения его к условиям утвержденных банком правил предоставления и использования банковских карт. В соответствии с договором ему открыт банковский счет, который кредитовался банком, и выдана кредитная карта.

Ш. направил в адрес банка заявление о закрытии банковского счета, открытого для учета кредиторской задолженности, с требованием установить иной порядок учета кредиторской задолженности — путем открытия ссудного счета. Банк отказался выполнить его требование, пояснив, что основанием для расторжения договора банковского счета является полное погашение задолженности, однако такая погашена не была.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что право истца на расторжение договора банковского счета установлено ст.ст. 845, 850, 859 ГК РФ и Законом о защите прав потребителей, при этом удовлетворение его требований не влияет на исполнение уже возникших кредитных обязательств.

Дополнительно суд указал, что спорный банковский счет истцом для погашения кредита или осуществления каких-либо иных операций уже не используется, а расторжение договора банковского счета не повлияет на возможность возвращения истцом ответчику кредитных денежных средств.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

Согласно п. 3 ст. 421 ГК РФ стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

В соответствии с п. 2 ст. 407 ГК РФ прекращение обязательства по требованию одной из сторон допускается только в случаях, предусмотренных законом или договором.

Согласно пп. 1, 2 ст. 450 ГК РФ изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено Кодексом, другими законами или договором. По требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только при существенном нарушении договора другой стороной либо в иных случаях, предусмотренных Кодексом, другими законами или договором.

Таким образом, по общему правилу изменение договора допустимо только по воле самих сторон договора и только при обоюдном отсутствии каких-либо возражений.

Как усматривается из материалов дела, между Ш. и банком заключен кредитный договор с использованием кредитной карты, в рамках которого открыт банковский счет (смешанный договор).

Исходя из условий такого договора исполнение заемщиком обязательств по нему осуществляется путем размещения на банковском счете денежных средств и

их дальнейшего списания банком в счет погашения задолженности, при этом банк вправе без дополнительных распоряжений заемщика списывать денежные средства с банковского счета в погашение задолженности по кредитному договору.

Банк возражал против предложенного истцом изменения смешанного договора, в связи с чем суду в силу п. 2 ст. 450 ГК РФ следовало установить, имело ли место существенное нарушение банком заключенного договора, а если нет, то в каких случаях, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, другими законами или договором, допускается такое изменение.

Удовлетворяя требования Ш. о внесении изменений в договор, суд исходил из того, что отказ Ш. от договора банковского счета и его дальнейшего кредитования не влияют на исполнение истцом уже возникших кредитных обязательств, при этом мотивов, по которым он пришел к данному выводу, суд не указал и не отразил в решении.

Между тем в соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Согласно п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

В п. 1 ст. 421 ГК РФ установлено, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

К отношениям по кредитному договору применяются правила о договоре займа, если иное не предусмотрено правилами о кредитном договоре и не вытекает из существа кредитного договора (п. 2 ст. 819 ГК РФ).

По смыслу п. 1 ст. 807, п. 1 ст. 809 ГК РФ заемщик обязан возратить займодавцу то же количество денег или других вещей, определенных родовыми признаками, которое им было получено при заключении договора займа, а если иное не предусмотрено законом или договором, также уплатить проценты на эту сумму.

При заключении договора стороны добровольно договорились о том, что операции по использованию предоставленных в кредит денежных средств и их возврату осуществляются путем использования открытого на имя истца счета.

Таким образом, закрытие счета по требованию Ш. по существу является отказом истца от исполнения принятых на себя обязательств исполнения договора способом, согласованным сторонами при его заключении, что недопустимо в силу требований ст. 310 ГК РФ.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 7-КГ16-6)*

**13. Гражданин вправе отказаться от услуги личного страхования по кредитному договору и потребовать возмещения убытков, возникших в связи с непредоставлением в разумный срок надлежащей информации об оказываемой услуге.**

Общество по защите прав потребителей обратилось в суд в интересах С. к банку о взыскании суммы за подключение пакета услуг по страхованию, процентов, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований заявитель указал, что между С. и ответчиком был заключен договор, по условиям которого С. был предоставлен кредит сроком на 36 мес. В день его заключения с заемщика была удержана плата за подключение пакета услуг по личному страхованию. Размер платы за подключение услуги по страхованию в рублях в кредитном договоре не указан, также эта информация отсутствует в документах,

являющихся неотъемлемыми частями кредитного договора.

Заявитель полагал, что тем самым банком нарушена ст. 10 Закона о защите прав потребителей, согласно которой потребитель как лицо, не обладающее специальными познаниями, не должен производить математические расчеты для того, чтобы установить цену услуги или товара в рублях. В связи с этим просил взыскать с банка понесенные убытки, причиненные непредоставлением информации.

Решением районного суда иски требования удовлетворены частично: с банка в пользу С. взысканы сумма платы за подключение пакета услуг по страхованию по кредитному договору, проценты за пользование кредитом, начисленные на удержанную сумму платы за подключение пакета услуг по страхованию, проценты за пользование чужими денежными средствами, компенсация морального вреда и штраф. Также с банка в пользу общества по защите прав потребителей взысканы штраф и государственная пошлина в доход муниципального образования. В остальной части в иске отказано.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции в части отказа во взыскании неустойки отменено, в этой части по делу принято новое решение о взыскании в пользу С. неустойки. Решение суда в части размеров штрафа и государственной пошлины изменено.

Частично удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции применил положения ст.ст. 10 и 12 Закона о защите прав потребителей и пришел к выводу о том, что банк несвоевременно предоставил истцу необходимую и достоверную информацию о товарах, работах, услугах, обеспечивающую возможность их правильного выбора. Непредоставление заемщику необходимой информации при заключении кредитного договора, по мнению суда, выразилось в том, что банк не исполнил свою обязанность по предоставлению заемщику полной и достоверной информации об оказываемой услуге, поскольку в кредитном договоре отсутствует информация о размере цены услуги страхования в рублях.

Суд апелляционной инстанции, поддержав позицию суда первой инстанции в удовлетворенной части требований, отменил решение суда в части отказа во взыскании неустойки и взыскал ее, применив к спорным правоотношениям положения п. 5 ст. 28 и п. 1 ст. 31 Закона о защите прав потребителей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до сведения потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать: цену в рублях и условия приобретения товаров (работ, услуг), в том числе при предоставлении кредита размер кредита, полную сумму, подлежащую выплате потребителем, и график погашения этой суммы.

Из материалов дела усматривается, что между С. и банком был заключен кредитный договор, по условиям которого истцу выдан кредит сроком пользования 36 мес.

Графиком платежей определена сумма, подлежащая выплате С. В расчет полной стоимости кредита

включены следующие платежи: платеж по возврату основного долга и проценты по кредиту.

В расчет полной стоимости кредита не включена плата за подключение пакета страховых услуг.

Плата за подключение пакета услуг за весь срок страхования составляла 0,3583 процента за каждый месяц страхования от суммы выданного кредита.

Таким образом, в тексте договора и в иных документах, подписанных С. при оформлении кредита и подключении пакета услуг страхования, отсутствует цена за подключение пакета услуг страхования в рублях. В связи с этим суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что банком не предоставлена истцу надлежащая информация о стоимости услуги, чем нарушено требование абз. 4 п. 2 ст. 10 Закона о защите прав потребителей.

Однако суд второй инстанции, разрешая данный спор, неправильно применил положения п. 1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей об ответственности ответчика за ненадлежащую информацию об услуге.

Согласно данной норме, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре (работе, услуге), он вправе потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, а если договор заключен, в разумный срок отказаться от его исполнения и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков.

По смыслу закона отказ от исполнения договора по тому основанию, что он был заключен без предоставления необходимой информации, позволявшей истцу оценить все условия и принять правильное решение о том, готов ли он заключить договор страхования со страховой организацией, либо желает обратиться к другой страховой компании, либо вообще не желает страховать риски, возможен в разумный срок.

Данное существенное для правильного разрешения дела обстоятельство в нарушение ст. 56 ГПК РФ не было вынесено судом на обсуждение сторон. Тем самым суд апелляционной инстанции не дал оценки тому, что пакет услуг страхования был подключен в день заключения кредитного договора, данными страховыми услугами С. пользовался на протяжении 24 мес. при сроке действия кредитного договора и договора страхования 36 мес., а требования об отказе от исполнения договора страхования и о возврате страховой премии им заявлены только через два года.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 августа 2017 г. № 89-КГ17-10)*

**14. Суд необоснованно отказал гражданину-потребителю во взыскании убытков с банка, который в нарушение условий договора подключения к программе страхования не включил истца в список застрахованных, что привело к отказу в выплате страхового возмещения.**

С. обратилась в суд с иском о защите прав потребителя, указав, что между ней и банком заключен кредитный договор. При этом стороны достигли соглашения о страховании жизни и здоровья заемщика в соответствии с Условиями участия в программе коллективного добровольного страхования жизни и здоровья заемщиков ОАО «Сбербанк России», предусматривающими страхование риска, в том числе при установлении инвалидности I или II группы в результате несчастного случая или болезни. Истец была ознакомлена ответчиком с тарифами банка и подписала заявление о согласии с условиями страхования и об оплате услуги подключения к Программе страхования в размере 8262 руб. за весь срок кредитования. Банком данное заявление принято к исполнению, сумма в размере 8262 руб. списана с лицевого счета истца. После установления истцу II группы инвалидности в результате заболевания она обратилась к ответчику с соответ-

ствующим заявлением и пакетом необходимых документов, которые были переданы в страховую компанию. Однако страховщиком в выплате страхового возмещения отказано, поскольку истец не была включена банком в реестр застрахованных лиц.

Решением районного суда иски требования С. были удовлетворены частично, с банка в пользу истца взысканы убытки, неустойка, сумма компенсации морального вреда, штраф за неисполнение требований потребителя в добровольном порядке, судебные расходы по оплате услуг представителя.

Апелляционным определением решение суда отменено и принято новое решение, которым С. в удовлетворении исковых требований отказано.

В кассационной жалобе заявитель ставит вопрос об отмене указанного определения суда апелляционной инстанции.

Суд первой инстанции, удовлетворяя иски требования С., пришел к выводу о том, что ответчиком не исполнены принятые на себя обязательства, что привело к возникновению у истца убытков вследствие невозможности погашения остатка кредитной задолженности за счет страхового возмещения.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая С. в удовлетворении исковых требований, сослался на то, что истец подключена к Программе страхования, по которой выгодоприобретателем при наступлении страхового случая является банк, в связи с чем требования истца не основаны на законе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судом и следует из материалов дела, между страховой компанией и банком было заключено соглашение «Об условиях и порядке страхования», согласно которому клиенты банка подключаются к Программе страхования.

Названным соглашением установлен порядок заключения договоров страхования, в соответствии с которым договоры страхования заключаются в письменной форме путем вручения страховщиком страхователю страхового полиса на основании полученного от страхователя заявления-реестра, направленного банком в электронном виде с использованием системы «клиент — банк».

Между банком и С. заключен кредитный договор. При этом стороны достигли соглашения, в соответствии с которым ответчик обязался оказать истцу услугу по подключению к Программе страхования.

Судом установлено, что при заключении кредитного договора банк принял на себя обязательства по включению С. в реестр застрахованных лиц и направлению указанной информации в страховую компанию с перечислением соответствующей страховой премии.

За подключение к Программе страхования заемщиком уплачена соответствующая комиссия.

Несмотря на то, что в соответствии с Программой страхования выгодоприобретателем должен являться банк, выплата страхового возмещения направляется исключительно на погашение задолженности заемщика перед банком.

Таким образом, договор страхования в данном случае заключается в интересах заемщика и за его счет.

Из установленных судом обстоятельств следует, что по причине неисполнения Банком обязательств по заключению договора страхования жизни и здоровья истца страховщиком отказано в выплате ей страхового возмещения, вследствие чего у нее возникли убытки, поскольку она должна нести расходы на погашение остатка кредитной задолженности, который при надлежащем исполнении ответчиком своих обязательств был бы погашен за счет страхового возмещения.

Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов.

Пунктом 4 ст. 13 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей” разъяснено, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере).

Указанных выше оснований освобождения банка от ответственности за неисполнение обязательств перед потребителем С. судами не установлено.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 января 2016 г. № 24-КГ15-12)*

**15. Фактическое внесение в счет досрочного возврата займа денежных средств в меньшем размере, чем было указано заемщиком-гражданином в заявлении о досрочном погашении кредита, само по себе не является основанием для отказа в зачислении этих сумм в счет возврата долга.**

Р. обратилась в суд с иском к банку и просила признать исполнение ею обязательств по заключенному между сторонами кредитному договору надлежащим, признать обязательство прекращенным надлежащим исполнением, взыскать неосновательное обогащение, штраф и сумму компенсации морального вреда, а также обязать ответчика представить в бюро кредитных историй сведения об отсутствии нарушений истцом обязательств по кредитному договору.

Решением суда исковые требования Р. удовлетворены частично.

Апелляционным определением решение суда отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований Р. отказано.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования Р., суд первой инстанции исходил из того, что операции по внесению на предусмотренный договором кредита счет суммы 315 323 руб. и по списанию с другого счета истца суммы 759 руб., совершенные одновременно в одном и том же отделении банка, у одного и того же кассира, свидетельствуют о том, что все денежные средства, включая 759 руб., были внесены в погашение кредита.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, судебная коллегия по гражданским делам областного суда признала недоказанным внесение истцом в погашение кредита 759 руб. и указала, что суммы, достаточной для полного досрочного погашения кредита, истцом внесено не было, а о частичном досрочном погашении кредита Р. не заявляла.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с такими выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

Пунктом 1 ст. 10 ГК РФ установлено, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу,

действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Пунктом 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

В обоснование иска Р. указывала, что о недостаточности для полного погашения кредита незначительной суммы в размере всего лишь 759 руб. и о том, что эта сумма не была зачислена на предусмотренный договором кредита счет, банк ее не известил, вследствие чего получил выгоду от использования находящихся на счете денежных средств истца, а также в виде начисленных процентов по кредиту и тем самым причинил истцу ущерб в виде излишне уплаченных процентов.

Того, что банк, действуя добросовестно, своевременно предоставил истцу как гражданину-потребителю указанную информацию, суд апелляционной инстанции не установил, а банком, как это следует из материалов дела, соответствующих доказательств надлежащего исполнения такой обязанности не представлялось. Какого-либо ответа банка на заявление истца о досрочном погашении кредита в материалах дела не содержится.

В соответствии с п. 2 ст. 810 ГК РФ сумма займа, предоставленного под проценты заемщику-гражданину для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью, может быть возвращена заемщиком-гражданином досрочно полностью или по частям при условии уведомления об этом займодавца не менее чем за тридцать дней до дня такого возврата. Договор займа может быть установлен более короткий срок уведомления займодавца о намерении заемщика возвратить денежные средства досрочно.

Пунктом 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении” разъяснено, что из существа денежного обязательства по общему правилу вытекает возможность его исполнения по частям, в силу чего кредитор не вправе отказаться от принятия исполнения такого обязательства в части.

По смыслу приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ фактическое внесение в счет досрочного возврата займа денежных средств в незначительно меньшем размере, чем было указано заемщиком-гражданином в заявлении о досрочном погашении кредита, само по себе не является основанием для отказа в зачислении этих сумм в счет возврата долга, поскольку в данном случае истцом вносятся денежные суммы, о которых банк был предупрежден как о возврате займа. Денежных средств сверх той суммы, которая была указана в заявлении о досрочном возврате кредита, истцом не вносилось.

Ссылка ответчика на положение договора о том, что заявление о досрочном возврате кредита в таком случае считается недействительным, подлежит оценке с учетом положений п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей, предусматривающего, что условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области

защиты прав потребителей, признаются недействительными.

Приведенными выше положениями п. 2 ст. 810 ГК РФ предусмотрена возможность устанавливать договором более короткие сроки уведомления займодавца о намерении заемщика возвратить денежные средства досрочно, однако возможности ограничивать договором право на досрочный возврат кредита законом не предусмотрено.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. № 4-КГ17-20)*

**16. Суммы процентов по кредиту и штрафных санкций, уплаченные гражданином в связи с незаконным отказом в выплате страхового возмещения по договору кредитного страхования, являются убытками, подлежащими взысканию со страховой компании.**

М. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании убытков, а также штрафа в размере 50% от присужденной судом суммы, сославшись на причинение ему убытков в связи с несвоевременным исполнением ответчиком своих обязательств по выплате страхового возмещения по заключенному между ними договору добровольного кредитного страхования жизни.

Решением районного суда исковые требования удовлетворены.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда решение суда первой инстанции отменено, по делу постановлено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований М. отказано.

Удовлетворяя заявленные М. исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что убытки в размере начисленных банком неустойки и процентов были причинены заемщику вследствие задержки страховой выплаты, обеспечивающей исполнение кредитного обязательства, и подлежат возмещению страховщиком.

Судебная коллегия областного суда с выводами суда первой инстанции не согласилась, отменила решение районного суда с вынесением по делу нового решения об отказе в удовлетворении иска М., указав, что обязанность М. по возврату кредита и иные вытекающие из договора с банком обязанности не зависят от факта ненадлежащего исполнения страховой компанией обязанности по перечислению суммы страхового возмещения.

По мнению суда апелляционной инстанции, М. был обязан исполнять кредитный договор до момента исполнения страховщиком своих обязательств по выплате страхового возмещения, поскольку ни условиями кредитного договора, ни условиями договора добровольного кредитного страхования жизни не предусмотрено прекращение обязательств заемщика при наступлении страхового случая.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции не соответствующими требованиям закона.

Сославшись на положения ст.ст. 934, 309, 310, 314, 393, 15 ГК РФ, Судебная коллегия указала, что страховщик по договору личного страхования несет ответственность за несвоевременное осуществление выплаты страхового возмещения, которым обеспечивается исполнение кредитного обязательства, в виде возмещения в полном объеме убытков, возникших у страхователя вследствие задержки страховой выплаты.

Таким образом, в силу закона и заключенного между сторонами договора кредитного страхования жизни с момента установления М. II группы инвалидности у последнего возникло право требовать со страховой компании выплаты страхового возмещения в погашение его обязательства по кредитному договору перед банком, а в течение 15 календарных дней с даты обращения М. по поводу наступления страхового случая у

страховой компании возникла обязанность выплатить в пользу банка страховое возмещение в размере задолженности по кредиту на дату наступления страхового случая и неустойки.

Однако, как установлено судом, фактически страховщик исполнил свою обязанность позднее, что свидетельствует о ненадлежащем исполнении страховой компанией своих обязательств по договору страхования, заключенному с М.

Уклонение страховщика от исполнения своих обязательств повлекло возникновение у М. убытков в виде начисленных процентов и неустойки, подлежащих выплате М. в пользу банка в связи с неисполнением обязательств по кредитному договору.

При надлежащем исполнении страховщиком обязательств по выплате страхового возмещения в пользу банка в течение установленного п. 10.5 Правил страхования срока обязательства должника перед банком считались бы выполненными.

Факт ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязательств по выплате страхового возмещения также установлен вступившим в законную силу решением районного суда.

В силу перечисленных законоположений возникшие у М. убытки подлежали возмещению за счет страховой компании.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 6-КГ16-14)*

**17. Отказ в удовлетворении иска гражданина-потребителя к банку о снижении договорной неустойки со ссылкой на то, что положения ст. 333 ГК РФ применяются лишь в том случае, когда иск о взыскании кредитной задолженности и неустойки предъявлен банком, признан неправомерным.**

Заявители обратились в суд с иском к банку об уменьшении неустойки по кредитному договору, указав, что с мая до ноября 2015 г. допустили просрочки в уплате платежей в погашение кредита и процентов за пользование им, в связи с чем в соответствии с условиями договора были начислены пени за просрочку уплаты процентов и пени за просрочку уплаты основного долга.

В связи с явной несоразмерностью названных сумм последствиям неисполнения обязательства истцы, уплатившие основной долг и проценты за пользование кредитом, просили снизить размер оставшихся за ними пеней за просрочку уплаты процентов за пользование кредитом и пеней за просрочку уплаты основного долга.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций сослались на то, что неустойка может быть снижена судом в порядке, предусмотренном ст. 333 ГК РФ, лишь в случае предъявления банком иска о взыскании такой неустойки, однако такой иск предъявлен не был.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав следующее.

Истцы указывали, что задолженность по уплате основного долга и процентов за пользование кредитом ими погашена в полном объеме, а подлежащая уплате неустойка несоразмерна последствиям неисполнения ими своих обязательств, поскольку составляет 182,5 процента годовых, что в 22 раза превышает ставку рефинансирования и в 15 раз превышает размер процентов за пользование кредитом.

Неустойка по своей правовой природе является в том числе мерой ответственности должника за неис-

полнение или ненадлежащее исполнение принятого на себя обязательства.

Согласно пп. 1 и 2 ст. 333 ГК РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку. Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении.

Уменьшение неустойки, определенной договором и подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, если будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 79 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, в случае списания по требованию кредитора неустойки со счета должника (п. 2 ст. 847 ГК РФ), а равно зачета суммы неустойки в счет суммы основного долга и/или процентов должник вправе ставить вопрос о применении к списанной неустойке положений ст. 333 ГК РФ, например путем предъявления самостоятельного требования о возврате излишне уплаченного (ст. 1102 ГК РФ). В то же время, если подлежащая уплате неустойка перечислена самим должником, он не вправе требовать снижения суммы такой неустойки на основании ст. 333 ГК РФ (подп. 4 ст. 1109 ГК РФ), за исключением случаев, если им будет доказано, что перечисление неустойки являлось недобровольным, в том числе ввиду злоупотребления кредитором своим доминирующим положением.

Приведенные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ допускают самостоятельное обращение должника в суд с требованием о снижении размера неустойки в отдельных случаях, перечень которых в названном постановлении не является исчерпывающим.

Предъявленный заявителями иск судом рассмотрен по существу, оснований для отказа в его принятии или прекращении производства по делу судом не установлено, тем самым признано их право на предъявление иска.

Вместе с тем, отказывая в иске, суд, по существу, сослался на отсутствие у истцов права предъявить такие требования.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 марта 2017 г. № 51-КГ17-2)*

#### **18. Передача банком по агентскому договору другой организации персональных данных заемщика без его согласия недопустима.**

П. обратился в суд с иском о защите прав потребителя, указав, что он допустил просрочки в уплате платежей в погашение кредита, в результате чего возникла задолженность. Соглашения о реструктуризации долга между сторонами кредитного договора достигнуто не было. При этом на телефон истца стали поступать звонки и сообщения от организации, специализирующейся на взыскании долгов, с требованием вернуть задолженность. В результате необоснованного раскрытия сведений о заемщике третьему лицу истцу причинены нравственные страдания, в связи с чем он просил о компенсации морального вреда.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Отказывая в удовлетворении иска П., суды пришли к выводу, что действия банка по передаче персональных данных истца другой организации не нарушают прав истца как субъекта персональных данных и не противоречат положениям Федерального закона от

27 июля 2006 г. № 152-ФЗ “О персональных данных” (далее — Закон о персональных данных).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с таким выводом судов не согласилась и признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

Согласно пп. 1 и 3 ст. 3 Закона о персональных данных персональные данные — любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Под обработкой персональных данных понимается любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных.

По общему правилу обработка персональных данных допускается с согласия субъекта персональных данных (п. 1 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных).

Согласно ч. 3 ст. 6 Закона оператор вправе поручить обработку персональных данных другому лицу с согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом, на основании заключаемого с этим лицом договора, в том числе государственного или муниципального контракта, либо путем принятия государственным или муниципальным органом соответствующего акта (далее — поручение оператора).

В силу ст. 7 Закона операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В соответствии с чч. 1 и 3 ст. 9 Закона согласие субъекта на обработку его персональных данных должно быть конкретным, информированным и сознательным.

Обязанность доказать наличие такого согласия или обстоятельств, в силу которых такое согласие не требуется, возлагается на оператора.

Пунктом 7 ч. 4 названной статьи установлено, что согласие должно содержать перечень действий с персональными данными, общее описание используемых оператором способов обработки персональных данных.

В соответствии со ст. 17 Закона о персональных данных субъект персональных данных имеет право на защиту своих прав и законных интересов, в том числе на возмещение убытков и компенсацию морального вреда в судебном порядке.

Из системного толкования приведенных норм следует, что сбор, обработка, передача, распространение персональных данных возможны только с согласия субъекта персональных данных, при этом согласие должно быть конкретным. Под персональными данными понимается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу.

Судом установлено, что банк сообщил организации, специализирующейся на взыскании долгов, персональные данные истца, а именно адрес проживания и номер телефона.

Между тем из материалов гражданского дела не усматривается, что П., являясь субъектом персональных данных, выразил согласие на их предоставление третьим лицам.

Из содержания кредитного договора, заключенного между сторонами, также не следует, что имело место согласие истца на обработку его персональных данных.

Доводы ответчика о том, что право на передачу персональных данных без согласия субъекта персональных данных вытекает из положений п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных, являются необоснованными.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных в редакции, действовавшей на момент заключения кредитного договора между П. и банком, обработка персональных данных допускается в случае, когда она необходима для исполнения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных, а также для заключения договора по инициативе субъекта персональных данных или договора, по которому субъект персональных данных будет являться выгодоприобретателем или поручителем.

Как установлено судом и следует из материалов дела, П. не является стороной по договору, заключенному между банком и организацией, специализирующейся на взыскании долгов, данный договор является агентским и не связан с реализацией оператором права на уступку прав (требований) по кредитному договору.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 августа 2017 г. № 78-КГ17-45)*

**19. Привлечение организаций, оказывающих финансовые услуги, к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ, за включение в кредитные договоры (договоры займа) условий, ущемляющих права потребителя по сравнению с правилами, установленными законодательством в области защиты прав потребителей, признано правомерным.**

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным постановления административного органа о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, указав на следующее.

По результатам плановой документальной проверки административным органом выявлено нарушение банком ч. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей, выразившееся во включении в договоры банковского вклада до востребования и кредитные договоры условий, ущемляющих права потребителей по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей.

В частности, заключаемые договоры банковского вклада до востребования содержали условие, в соответствии с которым банк имеет право изменить условия договоров (размер процентной ставки по вкладу, тарифы) в одностороннем порядке, разместив данную информацию в непосредственной близости от кассы, осуществляющей обслуживание клиентов.

Данное условие признано нарушающим положения Гражданского кодекса РФ, поскольку в силу ст. 310 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 22 октября 2014 г.) односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом. Указанный в договоре вклада случай положениями Гражданского кодекса РФ не предусмотрен.

Следовательно, выводы административного органа признаны правильными, так как банк таким образом имел возможность изменить условия договора в одностороннем порядке, что ущемляет права вкладчика, поскольку вкладчик не выразил свое согласие на изменение условий договора в письменной форме.

В соответствии с условием кредитного договора датой исполнения обязательств в полном объеме являет-

ся дата поступления на счет кредитора (уполномоченного кредитором лица) денежных средств (при безналичном перечислении) либо дата внесения наличных денежных средств в кассу кредитора (уполномоченного кредитором лица) (при наличном внесении) в сумме остатка суммы кредита, начисленных по вышеуказанную дату исполнения обязательств (включительно), но не уплаченных за пользование кредитом процентов, а также сумм неустойки (при наличии).

Административный орган пришел к выводу о том, что приведенное условие не отвечает требованиям ст. 37 Закона о защите прав потребителей (в ред. от 27 июня 2011 г.), в соответствии с которыми потребитель обязан оплатить оказанные ему услуги в порядке и в сроки, установленные договором с исполнителем.

Потребитель обязан оплатить выполненную исполнителем в полном объеме работу после ее принятия потребителем. С согласия потребителя работа может быть оплачена им при заключении договора в полном размере или путем выдачи аванса.

При использовании наличной формы расчетов оплата товаров (работ, услуг) потребителем производится в соответствии с указанием продавца (исполнителя) путем внесения наличных денежных средств продавцу (исполнителю), либо в кредитную организацию, либо платежному агенту, осуществляющему деятельность по приему платежей физических лиц, либо банковскому платежному агенту (субагенту), осуществляющему деятельность согласно законодательству о банках и банковской деятельности, если иное не установлено федеральными законами или иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом обязательства потребителя перед продавцом (исполнителем) по оплате товаров (работ, услуг) считаются исполненными в размере внесенных денежных средств с момента внесения наличных денежных средств соответственно продавцу (исполнителю), либо в кредитную организацию, либо платежному агенту, осуществляющему деятельность по приему платежей физических лиц, либо банковскому платежному агенту (субагенту), осуществляющему деятельность согласно законодательству о банках и банковской деятельности.

В силу ст. 845 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету. Банк может использовать имеющиеся на счете денежные средства, гарантируя право клиента беспрепятственно распоряжаться этими средствами.

Банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств клиента и устанавливать другие, не предусмотренные законом или договором банковского счета ограничения его права распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению.

Согласно правилам ст. 849 ГК РФ банк обязан по распоряжению клиента выдавать или перечислять со счета денежные средства клиента не позже дня, следующего за днем поступления в банк платежного документа, если иные сроки не предусмотрены законом, изданными в соответствии с ним банковскими правилами или договором банковского счета.

Статьей 858 ГК РФ закреплено, что ограничение прав клиента на распоряжение денежными средствами, находящимися на счете, не допускается, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановления операций по счету в случаях, предусмотренных законом.

Основываясь на анализе приведенных выше норм, административный орган пришел к правильному вы-

воду о том, что содержащиеся в кредитном договоре условия, касающиеся порядка осуществления расчетов, напрямую противоречат требованиям ст. 37 Закона о защите прав потребителей и устанавливают невыгодную потребителю дату, когда обязанность по оплате считается исполненной.

В соответствии с другим условием кредитного договора на случай недостаточности денежных средств, поступивших от заемщика, для исполнения ими обязательств банком определена особая очередность погашения требований кредитора, которая не согласуется с положениями ст. 319 ГК РФ.

В силу ст. 319 ГК РФ сумма произведенного платежа, недостаточная для исполнения денежного обязательства полностью, при отсутствии иного соглашения погашает прежде всего издержки кредитора по получению исполнения, затем — проценты, а в оставшейся части — основную сумму долга.

Административным органом правомерно были отклонены доводы банка о том, что указанная в кредитных договорах очередность удовлетворения требований кредитора соответствует ст. 319 ГК РФ, так как проценты, начисленные на просроченную задолженность по кредиту и взимаемые во вторую очередь, не носят штрафной характер, имеют иную природу: они представляют собой те же проценты за пользование кредитом, которые взимаются Банком по правилам Положения о порядке начисления процентов по операциям, связанным с привлечением и размещением денежных средств банками, утвержденным Банком России 26 июня 1998 г. № 39-П, и которые подлежат погашению в первую очередь, ранее платежа по основному долгу.

Проценты, взимаемые банком в первую и вторую очереди перед суммой непосредственно основной задолженности, не тождественны друг другу.

Арбитражный суд, соглашаясь с выводом административного органа, указал, что, принимая во внимание разъяснения, содержащиеся в п. 11 совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 “О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами” и в п. 2 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 октября 2010 г. № 141 “О некоторых вопросах применения положений статьи 319 Гражданского кодекса Российской Федерации”, ранее основной суммы долга погашаются только проценты за пользование денежными средствами. Подлежащие уплате по денежному обязательству иные проценты (по ст. 395 ГК РФ) и гражданско-правовые санкции (неустойка, пеня) за неисполнение или просрочку исполнения денежного обязательства погашаются после суммы основного долга.

Коме того, суд указал, что в соответствии с п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении” по смыслу ст. 319 ГК РФ под упомянутыми в ней процентами понимаются проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами (например, ст.ст. 317<sup>1</sup>, 809, 823 ГК РФ). Проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности, например проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, к указанным в ст. 319 ГК РФ процентам не относятся и погашаются после суммы основного долга.

Положения ст. 319 ГК РФ, устанавливающие очередность погашения требований по денежному обязательству, могут быть изменены соглашением сторон. Однако соглашением сторон может быть изменен по-

рядок погашения только тех требований, которые названы в ст. 319 ГК РФ.

Иная очередность погашения требований по денежному обязательству также может быть предусмотрена законом. В частности, к отношениям по договорам потребительского кредита (займа), заключенным после введения в действие Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ “О потребительском кредите (займе)”, подлежит применению очередность погашения требований, предусмотренная ч. 20 ст. 5 данного Закона.

Указанные действия банка были квалифицированы судом как правонарушения, ответственность за которые установлена ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ.

Арбитражный суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции в силе.

*(По материалам дела № А53-32895/2014)*

В другом деле суд также признал обоснованными выводы административного органа о наличии у банка правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ.

Так, в частности, в договорах комплексного банковского обслуживания содержалось условие о праве банка на одностороннее изменение правил комплексного банковского обслуживания, тарифов, договоров банковских продуктов, условий дистанционного банковского обслуживания физических лиц, с которыми клиент обязан ознакомиться в описях банка или на официальном сайте банка в сети “Интернет”.

По мнению банка, положения Правил комплексного банковского обслуживания и Условий дистанционного банковского обслуживания физических лиц об изменении правил, тарифов, договора изложены в соответствии с требованиями п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК РФ и не могут нарушать права потребителей, поскольку сторонами при заключении договора согласуется возможность вносить в договор изменения и оговариваются способы уведомления о таких изменениях.

Вместе с тем, по мнению суда, анализ содержания Правил комплексного банковского обслуживания свидетельствует об отсутствии в названном документе порядка, позволяющего сторонам договора достичь соглашения о вносимых банком изменениях в правила и тарифы. В Правилах перечислены лишь условия, при которых банк обязан известить клиента об изменениях, а также положение о том, что клиент обязан самостоятельно отслеживать вносимые банком изменения на сайте в сети “Интернет” и в случае несогласия с изменениями отказаться от исполнения договора. Также Условия дистанционного банковского обслуживания физических лиц содержат положения о том, что банк вправе изменить Условия в одностороннем порядке.

Перечисленные положения подтверждают, что банк в одностороннем порядке меняет условия заключенных договоров. Изменения будут считаться принятыми, если клиент в течение 15 дней со дня отправки клиенту сообщения об изменении Условий не направит банку заявление с отказом от этих изменений, при этом в случае направления заявления об отказе от изменений договор прекращает свое действие.

Изложенные таким образом условия Правил комплексного банковского обслуживания и Условий дистанционного банковского обслуживания физических лиц устанавливают право банка на одностороннее изменение согласованных сторонами положений, что не соответствует положениям ст.ст. 310, 450, 452 ГК РФ. В отношениях с потребителем возможность лица, оказывающего услуги, в одностороннем порядке изменить условие обязательства, равно как и отказаться от дальнейшего исполнения договора, должна быть предусмотрена исключительно законодательным актом.

В рассматриваемом случае положения Гражданского кодекса РФ и иных федеральных законов такого права банка не предусматривают.

*(По материалам дела № А31-7180/2015)*

В ином деле суд признал обоснованными выводы административного органа о наличии нарушений по включению банком в кредитный договор условий (без согласия заемщика) об оказании дополнительных платных услуг банка, не являющихся обязательными для получения кредита, таких как:

присоединение заемщика к Договору добровольного коллективного страхования жизни и здоровья заемщиков потребительского кредита (далее — договор страхования) и обязанность заемщика оплатить банку в день предоставления кредита комиссию банка за оказание указанной услуги по распространению на заемщика действия договора страхования и компенсацию расходов банка на уплату страховой премии страховщику за страхование заемщика по договору страхования;

плата за подключение к распространению на заемщика действия договора страхования одновременно за весь период страхования, а также невозможность перерасчета и возврата платы при досрочном погашении кредита.

Отказывая в удовлетворении заявления банка, суды исходили из нарушения банком ст. 10 Закона о защите прав потребителей, которой установлена обя-

занность исполнителя предоставить потребителю необходимую и достоверную информацию об услугах, обеспечивающих возможность их правильного выбора.

При этом суды отметили, что предоставление заемщику информации о суммах и датах платежей заемщика по договору потребительского кредита или в порядке их определения с указанием отдельно сумм, направленных на погашение основного долга по потребительскому кредиту, и сумм, направляемых на погашение процентов, является обязанностью банка.

Вместе с тем судами установлено нарушение банком п. 18 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ “О потребительском кредите (займе)”, поскольку заявление о предоставлении потребительского кредита не содержало согласия заемщика на оказание дополнительных платных услуг банка.

Оставляя в силе постановление административного органа, суды руководствовались ст. 782 ГК РФ и ст. 32 Закона о защите прав потребителей, предусматривающими возможность потребителя отказаться от исполнения договора оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов.

*(По материалам дела № А76-11713/2015)*

*(Обзор утвержден Президиумом  
Верховного Суда Российской Федерации  
27 сентября 2017 г.)*

## **ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРОХОЖДЕНИЕМ СЛУЖБЫ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ (СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, СОТРУДНИКАМИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СОТРУДНИКАМИ ИНЫХ ОРГАНОВ, В КОТОРЫХ ПРЕДУСМОТРЕНА ФЕДЕРАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА)**

Верховным Судом РФ проведено изучение практики рассмотрения судами в 2014—2017 гг. споров, связанных с прохождением службы федеральными государственными служащими — сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками федеральной противопожарной службы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками таможенных органов.

Статьей 4 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ “О системе государственной службы Российской Федерации” предусмотрено, что федеральная государственная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, а также полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 10 названного Закона федеральным государственным служащим является гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета.

На основании п. 3 ст. 10 указанного Федерального закона нанимателем федерального государственного служащего является Российская Федерация.

В силу п. 4 ст. 10 этого же Федерального закона правовое положение (статус) федерального государственного служащего, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, а также порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров устанавливаются соответ-

ствующим федеральным законом о виде государственной службы.

Согласно пп. 1 и 3 ст. 2 указанного Закона система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, а также государственную службу иных видов. Военная служба и государственная служба иных видов, которые устанавливаются федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы.

К видам федеральной государственной службы относятся, в частности:

служба в органах внутренних дел, установленная Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”;

служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, которые названы в Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”;

служба в федеральной противопожарной службе, установленная Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ “О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”;

служба в Следственном комитете РФ, установленная Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ “О Следственном комитете Российской Федерации”;

служба в таможенных органах, установленная Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ “О службе в таможенных органах Российской Федерации”.

Служба в органах внутренних дел в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” является федеральной государственной службой, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации (далее — органы внутренних дел), а также на должностях, не являющихся должностями в органах внутренних дел, в случаях и на условиях, которые предусмотрены данным Федеральным законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 10 названного Федерального закона сотрудником органов внутренних дел является гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном данным Федеральным законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава.

Федеральный закон о службе в уголовно-исполнительной системе до настоящего времени не принят. В соответствии со ст. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” уголовно-исполнительная система включает в себя учреждения, исполняющие наказания, территориальные органы уголовно-исполнительной системы, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. В уголовно-исполнительную систему по решению Правительства РФ могут входить следственные изоляторы, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательские, проектные, медицинские, образовательные и иные организации.

Сотрудниками уголовно-исполнительной системы в силу ч. 1 ст. 24 Закона являются лица из числа работников уголовно-исполнительной системы, имеющие специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Порядок и условия прохождения службы, а также организация деятельности работников уголовно-исполнительной системы МВД России, перешедших либо вновь принятых на работу (службу) в уголовно-исполнительную систему Минюста России, в силу п. 4 Указа Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. № 1100 “О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации” регламентируются Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-I “Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации”, Законом РФ “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”, Уголовно-исполнительным кодексом РФ, соответствующими федеральными законами и правилами внутреннего распорядка учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Указанное положение применяется в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы в соответствии с Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-испол-

нительной системы (утверждена приказом Минюста России от 6 июня 2005 г. № 76 “Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы”).

Служба в федеральной противопожарной службе согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона “О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” является федеральной государственной службой, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на решение задач в области пожарной безопасности, его территориальных органах — региональных центрах по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органах, уполномоченных решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъектам Российской Федерации, подразделениях, организациях и учреждениях названного федерального органа исполнительной власти (далее — подразделение), а также на должностях, не являющихся должностями в этом федеральном органе, подразделениях, в случаях и на условиях, которые предусмотрены данным Федеральным законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Сотрудником федеральной противопожарной службы в соответствии с ч. 1 ст. 10 указанного Федерального закона является гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению службы в федеральной противопожарной службе в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном этим Федеральным законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава.

Служба в Следственном комитете РФ (далее также — Следственный комитет) согласно ч. 1 ст. 15 Федерального закона “О Следственном комитете Российской Федерации” является федеральной государственной службой, которую проходят сотрудники Следственного комитета в соответствии с данным Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

К сотрудникам Следственного комитета в силу п. 5 ст. 4 указанного Закона относятся руководители следственных органов Следственного комитета, следовательно, а также другие должностные лица Следственного комитета, имеющие специальные или воинские звания либо замещающие должности, по которым предусмотрено присвоение специальных или воинских званий.

Служба в таможенных органах в силу ст. 1 Федерального закона “О службе в таможенных органах Российской Федерации” является особым видом государственной службы граждан Российской Федерации, осуществляющих профессиональную деятельность по реализации функций, прав и обязанностей таможенных органов и организаций Федеральной таможенной службы (далее — таможенные органы), входящих в систему правоохранительных органов Российской Федерации.

Как следует из ст. 3 названного Федерального закона, сотрудниками таможенных органов являются должностные лица этих органов — граждане, замещающие должности сотрудников в указанных органах, которым присвоены специальные звания.

В силу ч. 7 ст. 11 ТК РФ на федеральных государственных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права,

распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Так, на основании ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, в соответствии с которыми осуществляется регулирование правоотношений, связанных со службой в органах внутренних дел, к этим правоотношениям применяются нормы трудового законодательства.

Аналогичным образом в силу ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами, в соответствии с которыми осуществляется регулирование правоотношений, связанных со службой в федеральной противопожарной службе, к этим правоотношениям применяются нормы трудового законодательства Российской Федерации.

Таким образом, указанными Федеральными законами предусмотрено субсидиарное применение норм трудового законодательства к отношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, и к отношениям, связанным со службой в федеральной противопожарной службе.

Согласно ч. 3 ст. 15 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» на сотрудников Следственного комитета (кроме военнослужащих) распространяется трудовое законодательство с особенностями, предусмотренными данным Федеральным законом.

Что же касается сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также сотрудников таможенных органов, то, поскольку федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, регламентирующими прохождение федеральной государственной службы соответствующего вида, общие правила применения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, не определены, на названных сотрудников действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется в соответствии с ч. 7 ст. 11 ТК РФ.

Как следует из представленных на изучение материалов судебной практики, судами рассматривались дела по искам сотрудников органов внутренних дел, сотрудников органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников федеральной противопожарной службы, сотрудников Следственного комитета, сотрудников таможенных органов (далее также — сотрудники) к федеральным государственным органам, их территориальным органам, подразделениям, организациям и учреждениям о признании незаконным отказа в принятии на службу; о признании незаконным решения о прекращении допуска к сведениям, составляющим государственную тайну; об отмене приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности; о признании незаконными заключений служебных проверок; о предоставлении дополнительных дней отдыха; о признании незаконными приказов о зачислении в распоряжение; о признании незаконными прекращения контракта и увольнения со службы по различным основаниям; о восстановлении на службе; иные служебные споры.

Кроме того, судами рассматривались дела по искам федеральных государственных органов, их территориальных органов, подразделений, организаций и учреж-

дений к сотрудникам о привлечении к материальной ответственности.

Дела указанной категории разрешаются судами в порядке искового производства.

При рассмотрении дел по спорам, связанным с прохождением службы указанными федеральными государственными служащими, суды руководствовались, в частности:

- Конституцией Российской Федерации;
- Трудовым кодексом РФ;
- Гражданским процессуальным кодексом РФ;
- Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации»;
- Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»;
- Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федеральным законом от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы»;
- Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации»;
- Федеральным законом «О службе в таможенных органах Российской Федерации»;
- Федеральным законом «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;
- Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»;
- постановлением Верховного Совета РФ «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»;
- Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»;
- Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации»;
- Указом Президента Российской Федерации от 16 ноября 1998 г. № 1396 «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации»;
- Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации»;
- Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»;
- другими федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями

Правительства РФ, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти.

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению споров, связанных с прохождением службы сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками федеральной противопожарной службы, сотрудниками Следственного комитета РФ, сотрудниками таможенных органов, и принимая во внимание, что судами по отдельным категориям споров допускаются ошибки, для их устранения необходимо обратить внимание на следующие правовые позиции.

**1. При рассмотрении судом служебного спора и разрешении вопроса об уважительности причин пропуска сотрудником срока обращения в суд в качестве обстоятельства, имеющего значение для дела, следует принимать во внимание его обращение для разрешения этого служебного спора к уполномоченному руководителю.**

А. обратился в суд с иском к органу внутренних дел о признании незаконным заключения по результатам служебного расследования и решения о прекращении его допуска к государственной тайне, об отмене приказа об увольнении со службы в органах внутренних дел, о восстановлении на службе в ранее занимаемой должности.

В обоснование заявленного иска А. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, имел оформленный в установленном порядке доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Руководителем органа внутренних дел 28 марта 2016 г. утверждено заключение по результатам служебного расследования о несанкционированном выезде А. за границу и тем самым невыполнении им взятого на себя обязательства, связанного с соблюдением установленных требований режима секретности. На основании этого заключения 28 марта 2016 г. принято решение о прекращении А. допуска к государственной тайне, а 2 апреля 2016 г. — о его временном отстранении от выполнения служебных обязанностей.

Заключением по результатам служебной проверки подразделения по собственной безопасности МВД России о возможных несанкционированных выездах А. за пределы Российской Федерации от 4 июня 2016 г. установлено, что документы, разрешающие А. выезд за пределы Российской Федерации, оформлены надлежащим образом.

24 июня 2016 г. А. обратился к руководителю органа внутренних дел с рапортом о разрешении служебного спора, в котором указал, что заключение по результатам служебного расследования и принятое на его основе распоряжение о прекращении ему допуска к государственной тайне являются необоснованными.

Руководителем органа внутренних дел решение по данному обращению принято не было. В связи с прекращением А. допуска к государственной тайне ему были предложены должности, не связанные с таким доступом, от которых А. отказался. Контракт с А. был расторгнут, и 8 декабря 2016 г. он был уволен со службы в органах внутренних дел по п. 21 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в связи с прекращением допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей требует доступа к таким сведениям).

Истец полагал увольнение необоснованным, поскольку нарушений обязательств, связанных с соблюдением требований режима секретности, он не допускал.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований А. отказано со ссылкой на ч. 6 ст. 152 ГПК РФ в связи с пропуском срока обращения в суд для защиты права без исследования иных фактических обстоятельств по делу.

Принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований А., суд первой инстанции исходил из того, что А., зная о выводах заключения проведенного служебного расследования и прекращении ему 28 марта 2016 г. допуска к государственной тайне, в предусмотренный законом срок в судебном порядке указанные заключение и распоряжение не оспорил, обратившись в суд с иском только 20 декабря 2016 г., т.е. с пропуском установленного законом трехмесячного срока со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своих прав.

Суд счел необоснованным довод А. о том, что он указанный выше срок не пропустил в связи с обращением 24 июня 2016 г. к руководителю органа внутренних дел с рапортом о разрешении служебного спора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ при рассмотрении дела в апелляционном порядке с таким выводом суда первой инстанции не согласилась в связи со следующим.

Согласно чч. 1 и 3 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ служебный спор в органах внутренних дел (далее — служебный спор) — неурегулированные разногласия по вопросам, касающимся применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере внутренних дел и контракта, между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и сотрудником органов внутренних дел или гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшим на службе в органах внутренних дел, а также между прямым руководителем (начальником) или непосредственным руководителем (начальником) и сотрудником.

Сотрудник органов внутренних дел для разрешения служебного спора вправе обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику), а при несогласии с его решением или при невозможности рассмотрения непосредственным руководителем (начальником) служебного спора по существу к прямому руководителю (начальнику) или в суд.

Частью 4 ст. 72 названного Федерального закона предусмотрено, что сотрудник органов внутренних дел или гражданин, поступающий на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявший на службе в органах внутренних дел, для разрешения служебного спора может обратиться к руководителю федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченному руководителю либо в суд в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а для разрешения служебного спора, связанного с увольнением со службы в органах внутренних дел, в течение одного месяца со дня ознакомления с приказом об увольнении.

В соответствии с чч. 7 и 8 ст. 72 Закона служебный спор рассматривается руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем в течение одного месяца со дня подачи рапорта сотрудником органов внутренних дел или со дня подачи письменного заявления гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшим на службе в органах внутренних дел, в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Решение руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя по служебному спору может быть обжаловано в суд в течение десяти дней со дня вручения копии соответствующего решения сотруднику органов внутренних дел или гражданину, поступающему на службу в органы внутренних дел либо

ранее состоявшему на службе в органах внутренних дел, обратившимся для разрешения служебного спора.

Согласно п. 8 Порядка рассмотрения служебного спора в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом Министра внутренних дел РФ от 13 августа 2012 г. № 782 (далее в примере — Порядок), служебный спор рассматривается в течение одного месяца со дня подачи рапорта сотрудника или письменного заявления гражданина.

Решение соответствующего руководителя (начальника) по служебному спору оформляется в письменном виде. Копия решения по служебному спору в течение трех дней со дня его принятия вручается соответствующим руководителем (начальником) или кадровым подразделением сотруднику или гражданину, а в случае невозможности вручения направляется по почте.

Решение соответствующего руководителя (начальника) по служебному спору может быть обжаловано в суд в течение десяти дней со дня получения копии соответствующего решения сотрудником или гражданином, обратившимся для разрешения служебного спора (пп. 12, 13, 14 Порядка).

Из приведенных нормативных положений следует, что сотрудник органов внутренних дел для разрешения служебного спора вправе обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику) в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права; рапорт сотрудника органов внутренних дел подлежит рассмотрению непосредственным руководителем (начальником) в течение одного месяца со дня его подачи; решение по служебному спору оформляется в письменном виде; его копия в течение трех дней со дня принятия вручается сотруднику органов внутренних дел и в течение десяти дней со дня вручения копии соответствующего решения сотруднику может быть им обжаловано в суд.

В связи с этим обстоятельствами, имеющими значение для разрешения вопроса о пропуске срока обращения в суд, если от ответчика поступило заявление о пропуске такого срока истцом, являются: обращение сотрудника с рапортом к руководителю для разрешения служебного спора; принятие (непринятие) соответствующим начальником решения в письменном виде по рапорту сотрудника органов внутренних дел о разрешении служебного спора; получение (неполучение) этим сотрудником копии данного решения и обращение в суд с соответствующим иском в случае несогласия с решением начальника по служебному спору.

Как установлено судом апелляционной инстанции, А. 24 июня 2016 г. обратился за разрешением служебного спора к руководителю органа внутренних дел с рапортом, в котором считал необоснованными и незаконными заключение служебного расследования от 28 марта 2016 г., принятое на его основе распоряжение от 28 марта 2016 г. о прекращении ему допуска к государственной тайне, т.е. в установленный ч. 4 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ трехмесячный срок со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права.

Сведений о том, что руководителем органа внутренних дел по указанному рапорту А. было принято в письменном виде какое-либо решение в течение одного месяца либо позднее вплоть до увольнения А. со службы 8 декабря 2016 г., и о том, что копия данного решения ему была вручена либо направлена по почте, не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что А., реализовав предоставленное ему ч. 3 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ право для разрешения служебного спора обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику) или в суд, избрал

обращение к непосредственному руководителю (начальнику).

Поскольку судом первой инстанции при рассмотрении дела по иску А. не были приняты во внимание указанные выше фактические обстоятельства (обращение А. к уполномоченному руководителю с рапортом о разрешении служебного спора, неполучение им решения по данному рапорту), свидетельствующие об уважительности причин пропуска А. установленного законом трехмесячного срока для обращения в суд с заявлением о разрешении служебного спора, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ вывод суда о пропуске А. этого срока и, как следствие, отказ в удовлетворении исковых требований А. со ссылкой на ч. 6 ст. 152 ГПК РФ без исследования фактических обстоятельств по делу признаны неправомерными.

*(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)*

**2. Право отбора кандидатов, способных по своим личным и деловым качествам выполнять обязанности службы в органах внутренних дел, отнесено действующим законодательством к компетенции уполномоченного руководителя.**

**Перечень уполномоченных руководителей, наделенных правом рассмотрения документов, представленных гражданином Российской Федерации для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, и принятия по ним решений, утверждается федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.**

Б. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконным решения об отказе в приеме на службу в органы внутренних дел и об обязанности заключить с ним контракт о прохождении службы в органах внутренних дел.

В обоснование предъявленных требований Б. указал, что решением ответчика ему отказано в приеме на службу в органы внутренних дел, что, по его мнению, является незаконным, поскольку он ранее проходил службу в органах внутренних дел, успешно прошел необходимые для приема на службу испытания и соответствует всем предъявляемым к кандидатам на службу в органы внутренних дел требованиям.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований Б. отказано. Суд признал законным решение руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации об отказе в приеме Б. на службу в органы внутренних дел.

При разрешении спора судом установлено, что Б. проходил службу в линейном управлении органов внутренних дел на транспорте и был уволен со службы по соглашению сторон (п. 1 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ) в июле 2013 г. В октябре 2014 г. Б. обратился в территориальный орган внутренних дел по субъекту Российской Федерации с заявлением о рассмотрении его документов с целью возможного приема на службу в органы внутренних дел. Ответчиком в связи с подачей Б. указанного заявления проведена проверка по линии собственной безопасности на предмет наличия в отношении Б. как бывшего сотрудника органов внутренних дел компрометирующих материалов в период прохождения им службы. Подразделением собственной безопасности МВД России Б. не рекомендован к приему на службу в органы внутренних дел. Изложенные обстоятельства явились основанием для отказа Б. в приеме на службу в территориальный орган внутренних дел России по субъекту Российской Федерации.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ реше-

ние суда первой инстанции оставлено без изменения в связи со следующим.

Согласно ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ на службу в органы внутренних дел вправе поступать граждане не моложе 18 лет независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, владеющие государственным языком Российской Федерации, соответствующие квалификационным требованиям, установленным данным Федеральным законом, способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел.

В п. 11 ч. 1 ст. 18 указанного Федерального закона определен перечень документов, которые гражданин представляет в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган, подразделение для поступления на службу в органы внутренних дел, в том числе согласие, выраженное в письменной форме, на обработку персональных данных гражданина в целях изучения возможности приема его на службу в органы внутренних дел.

Порядок приема граждан на службу в органы внутренних дел, требования, предъявляемые к кандидатам, предусмотрены также Инструкцией о порядке отбора граждан Российской Федерации и приема документов для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 18 июля 2014 г. № 595 (далее в примере — Инструкция).

В силу пп. 1, 2 Инструкции основной целью отбора граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации является прием на службу в органы внутренних дел граждан, способных выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел добросовестно, на высоком профессиональном уровне. Граждане, поступающие на службу в органы внутренних дел, должны владеть государственным языком Российской Федерации, соответствовать квалификационным требованиям, установленным Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, быть способными по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел (пп. 1, 2 Инструкции).

Пункт 31.3 указанной Инструкции предусматривает проведение проверки достоверности сообщенных кандидатом сведений по учетам Главного управления собственной безопасности МВД России и подразделений собственной безопасности территориальных органов МВД России.

В чч. 2 и 3 ст. 19 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ установлено, что уполномоченный руководитель в течение трех месяцев со дня принятия заявления обеспечивает проведение в отношении гражданина мероприятий, связанных с допуском к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, проверкой достоверности сообщенных им сведений, проверкой уровня физической подготовки, и направляет гражданина для прохождения медицинского освидетельствования (обследования) и проведения мероприятий по профессиональному психологическому отбору.

Срок проведения проверки достоверности сообщенных гражданином сведений может быть продлен уполномоченным руководителем до четырех месяцев с письменным уведомлением об этом гражданина.

Согласно ч. 4 ст. 19 указанного Федерального закона по результатам рассмотрения документов, пред-

ставленных гражданином для поступления на службу в органы внутренних дел, с учетом заключения военно-врачебной комиссии, результатов психофизиологических исследований (обследований), тестирования, направленных на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами, уровня физической подготовки и личного поручительства уполномоченным руководителем принимается одно из следующих решений:

1) о заключении с гражданином трудового договора с условием об испытании, предусмотренном ст. 24 данного Федерального закона;

2) о допуске к участию в конкурсе на замещение должности в органах внутренних дел;

3) о заключении с гражданином контракта;

4) о направлении гражданина для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме;

5) об отказе гражданину в приеме на службу в органы внутренних дел или в направлении для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме.

Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с учетом приведенных нормативных положений и установленных по делу обстоятельств, принимая во внимание особый характер и предназначение службы в органах внутренних дел, пришла к выводу о том, что суд первой инстанции правильно признал законным решение ответчика об отказе Б. в приеме на службу в органы внутренних дел, поскольку данное решение было принято руководителем, наделенным полномочиями по рассмотрению документов, представленных гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел, и по принятию по этим документам решения, и основано на данных, полученных по результатам проверки достоверности сообщенных гражданином сведений, исходя в том числе из информации, полученной от подразделения собственной безопасности МВД России, на оценке его личных и деловых качеств. При этом нарушений права Б. на доступ к службе в органах внутренних дел ответчиком не допущено.

*(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)*

**3. Прекращение в отношении сотрудника уголовного преследования по основанию отсутствия в его действиях состава преступления не освобождает такого сотрудника от дисциплинарной ответственности, если нарушение им служебной дисциплины установлено по результатам служебной проверки.**

Г. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконными заключения по материалам служебной проверки, приказов о наложении дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы в органах внутренних дел по п. 7 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и об увольнении по данному основанию, а также о восстановлении на службе.

В обоснование исковых требований Г. указал, что заключение служебной проверки является незаконным в части установления его вины в нарушении служебной дисциплины.

Решением суда первой инстанции иски Г. удовлетворены и он восстановлен на службе в органах внутренних дел.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции от 25 июля 2014 г. решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований Г.

Постановлением президиума краевого суда апелляционное определение суда апелляционной инстанции от 25 июля 2014 г. отменено, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда от 7 апреля 2015 г. решение районного суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума краевого суда и определение суда апелляционной инстанции от 7 апреля 2015 г. и оставила в силе определение суда апелляционной инстанции от 25 июля 2014 г. в связи со следующим.

Как установлено судом, Г. проходил службу в органах внутренних дел, занимал должность начальника отдела территориального органа внутренних дел, на него было наложено дисциплинарное взыскание в виде увольнения и Г. был уволен со службы по п. 7 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при наличии у сотрудника дисциплинарного взыскания, наложенного в письменной форме приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя).

Основанием для наложения дисциплинарного взыскания и последующего увольнения Г. со службы явилось заключение служебной проверки территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, назначенной по факту возбуждения в отношении Г. уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ (совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства).

Данной проверкой было установлено, что в нарушение требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) сотрудники отдела, находящегося под непосредственным руководством Г., самостоятельно и за счет собственных средств исполняли постановления по делам об административных правонарушениях с целью улучшения показателя взыскания штрафов по составленным протоколам об административных правонарушениях. Кроме того, согласно материалам проверки Г. был отдан приказ об изъятии у подчиненных сотрудников по окончании несения ими службы служебных удостоверений и жетонов под предлогом предупреждения происшествий, связанных с личным составом, что было расценено как превышение должностных полномочий.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные Г. требования, суд первой инстанции исходил из того, что заключение служебной проверки является необоснованным, поскольку не устанавливает вину Г. во вменяемом ему дисциплинарном проступке. При этом суд сослался на то обстоятельство, что в отношении Г. возбуждено уголовное дело, производство по которому не окончено, поэтому выводы служебной проверки не могут быть положены в основу решения о привлечении истца к дисциплинарной ответственности. С учетом того, что вина Г. во вменяемом ему дисциплинарном проступке не установлена, отсутствуют основания для его увольнения.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции в определении от 25 июля 2014 г. признал, что факт совершения Г. дисциплинарного проступка подтверждается материалами служебной проверки. При этом результат разрешения уголовного дела не имеет правового значения при разрешении вопроса о применении к Г. мер дисциплинарного взыскания за допущенные им нарушения служебной дисциплины.

Президиум краевого суда, отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, сослался на то, что судебными инстанциями не в полной мере установлены обстоятельства, свидетельствующие о соблюдении ответчиками процедуры прекращения служебных отношений с Г.

При новом рассмотрении дела в апелляционном порядке 7 апреля 2015 г. суд апелляционной инстанции согласился с выводами, изложенными в решении суда первой инстанции, мотивировав тем, что уголовное преследование в отношении Г. прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, вина в указанных в служебной проверке действиях истца материалами служебной проверки не подтверждена.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ нашла выводы суда первой инстанции, президиума краевого суда и суда апелляционной инстанции, изложенные в апелляционном определении от 7 апреля 2015 г., о наличии оснований для удовлетворения исковых требований Г. нарушающими нормы права, подлежащие применению к спорным отношениям.

В силу п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти.

Согласно чч. 1, 2 ст. 47 названного Закона служебная дисциплина — соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.

В целях обеспечения и укрепления служебной дисциплины руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и уполномоченным руководителем к сотруднику органов внутренних дел могут применяться меры поощрения и на него могут налагаться дисциплинарные взыскания, предусмотренные ст.ст. 48 и 50 названного Федерального закона.

В соответствии с ч. 1 ст. 52 этого Федерального закона (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) служебная проверка проводится по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя при необходимости выявления причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка, подтверждения наличия или отсутствия обстоятельств, предусмотренных ст. 29 Федерального закона «О полиции», а также по заявлению сотрудника.

Пунктом 7 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ предусмотрено, что контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при наличии у сотрудника дисциплинарного взыскания, наложенного в письменной форме приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя.

Исходя из приведенных положений нормативных правовых актов служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы и направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, в том числе предполагающего для этой категории граждан особые требования к их личным и деловым качествам и особые обязанности, обусловленные выполняемыми задачами и специфическим характером деятельности указанных лиц. При установлении факта совершения сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка на него может быть наложено дисциплинарное взыскание.

Судом первой инстанции при разрешении данного спора не учтено, что именно нарушения служебной дисциплины, выразившиеся в совершении Г. действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенные нарушения прав и законных интересов граждан, установленные служебной проверкой, и послужили основанием для привлечения истца к дисциплинарной ответственности и издания приказов об увольнении Г. со службы.

Суд первой инстанции, президиум краевого суда и суд апелляционной инстанции (определение от 7 апреля 2015 г.) не приняли во внимание, что руководителем органов внутренних дел в силу ч. 2 ст. 47 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ по результатам служебной проверки было принято решение о наличии в действиях Г. факта нарушения им служебной дисциплины и наличии по этой причине оснований для расторжения с ним служебного контракта.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с учетом нормативных положений, регулирующих спорные отношения, и того обстоятельства, что факт совершения Г. дисциплинарного проступка подтвержден материалами служебной проверки, признала правомочным вывод суда апелляционной инстанции в апелляционном определении от 25 июля 2014 г. о том, что результат разрешения уголовного дела не имеет правового значения при разрешении вопроса о применении к Г. мер дисциплинарного взыскания за допущенные им нарушения служебной дис-

циплины, в связи с чем отменила решение суда первой инстанции, президиума краевого суда и суда апелляционной инстанции (определение от 7 апреля 2015 г.) и оставила в силе апелляционное определение от 25 июля 2014 г.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 2015 г. № 19-КГ15-29; аналогичная правовая позиция содержится в определениях от 15 августа 2016 г. № 21-КГ16-5, от 7 ноября 2016 г. № 29-КГ16-7)*

**4. Сотруднику органов внутренних дел, являющемуся отцом (усыновителем, попечителем) ребенка, отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет предоставляется в порядке, установленном трудовым законодательством, в случаях отсутствия материнского пособия над ребенком по объективным причинам.**

М. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконными и об отмене заключения служебной проверки, приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности и об увольнении со службы в органах внутренних дел, о восстановлении на службе, об обязанности ответчика предоставить ему отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, другими требованиями.

В обоснование заявленных требований М. ссылался на то, что уволен со службы в органах внутренних дел по п. 6 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в связи с грубым нарушением служебной дисциплины (отсутствием по месту службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного служебного времени). М. указал, что его отсутствие по месту службы было связано с подачей им рапорта о предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, на который он имел право, поскольку мать ребенка по состоянию здоровья не могла за ним ухаживать, однако ему в этом было неправомерно отказано.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования М. удовлетворены частично. Суд восстановил М. на службе в органах внутренних дел, а также обязал ответчика предоставить М. отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. В удовлетворении остальной части исковых требований М. отказано.

Как установлено судом, М. проходил службу в органах внутренних дел в должности начальника правового отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации. С 10 августа по 8 сентября 2015 г. М. был предоставлен очередной отпуск за 2015 год с выездом в г. Париж (Франция) к месту пребывания супруги, где у них 20 августа 2015 г. родился сын.

М. 27 августа 2015 г. из Франции по электронной почте подан рапорт о предоставлении ему с 6 сентября 2015 г. отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в связи с нахождением матери ребенка на лечении и невозможностью ею самой осуществлять уход за новорожденным с приложением медицинских документов о состоянии здоровья супруги.

Впоследствии М. из Франции по электронной почте обращался в территориальный орган внутренних дел по субъекту Российской Федерации с рапортами о предоставлении ему различных отпусков за период службы в органах внутренних дел (неиспользованных отпусков за предыдущие годы, дополнительных отпусков за стаж службы в органах внутренних дел и др.), которые были ему предоставлены.

Ответчиком 13 ноября 2015 г. во Францию по электронной почте сообщено М. о том, что ему отказано в предоставлении отпуска по уходу за ребенком до дос-

тижения им возраста трех лет по причине того, что представленные им медицинские документы не отражают объективных причин невозможности ухода за ребенком его матерью. Одновременно истцу предоставлена возможность приступить к исполнению служебных обязанностей с 16 ноября 2015 г. При этом территориальным органом внутренних дел по субъекту Российской Федерации проводилась проверка обстоятельств, указанных М. в качестве причины для предоставления ему отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Ответчик пришел к выводу о том, что представленные М. документы не свидетельствуют об отсутствии у ребенка материнского попечения по объективным причинам.

В связи с невыходом М. на службу в период с 16 ноября по 3 декабря 2015 г. руководителем территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации назначено проведение служебной проверки. Заключение по результатам проверки установлено факт отсутствия М. по месту службы в указанный период без уважительных причин, в связи с чем сделан вывод о грубом нарушении им служебной дисциплины.

М. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения из органов внутренних дел по п. 6 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в связи с грубым нарушением служебной дисциплины, выразившимся в отсутствии по месту службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного служебного времени, и приказом начальника территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации уволен 4 декабря 2015 г. со службы в органах внутренних дел по данному основанию.

Разрешая спор по существу и удовлетворяя иски требования М. в части обязанности ответчика предоставить ему отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, суд первой инстанции ссылаясь на положения ч. 8 ст. 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и исходил из того, что к направленному М. в адрес ответчика заявлению о предоставлении отпуска по уходу за ребенком прилагались медицинские документы, подтверждающие, что его супруга по состоянию здоровья не может осуществлять уход за их новорожденным ребенком. Суд первой инстанции также указал, что ответчик не представил какие-либо доказательства (медицинские документы, заключения специалистов), подтверждающие, что на момент увольнения М. со службы в органах внутренних дел его супруга по состоянию здоровья могла осуществлять уход за новорожденным ребенком. Суд сделал вывод о том, что М. имел право на предоставление ему отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Кроме того, суд первой инстанции полагал, что на истца в период его нахождения в отпуске по уходу за ребенком распространяются установленные ст. 256 ТК РФ гарантии, предусматривающие сохранение за работником места работы (должности), вследствие чего признал не соответствующими закону заключение по результатам служебной проверки в отношении М. и последовавшие за ним привлечение его к дисциплинарной ответственности и увольнение со службы в органах внутренних дел.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала приведенные выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, в связи со следующим.

Права сотрудника органов внутренних дел установлены ст. 11 Федерального закона от 30 ноября

2011 г. № 342-ФЗ, в п. 3 ч. 1 которой указано право на отдых в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ко времени отдыха, как следует из положений ч. 2 ст. 55 указанного Федерального закона, относятся, в частности, отпуска.

Виды отпусков с сохранением денежного довольствия, предоставляемых сотруднику органов внутренних дел, перечислены в ч. 1 ст. 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. К ним относятся основной отпуск, дополнительные отпуска, каникулярный отпуск, отпуск по личным обстоятельствам, отпуск по окончании образовательной организации высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, другие виды отпусков в случае, если их оплата предусмотрена законодательством Российской Федерации.

Основной и дополнительный отпуска сотруднику органов внутренних дел предоставляются ежегодно начиная с года поступления на службу в органы внутренних дел согласно ч. 2 ст. 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

Статьей 63 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ установлены другие виды отпусков, предоставляемых сотрудникам органов внутренних дел, в число которых входит отпуск по уходу за ребенком.

В соответствии с ч. 8 ст. 56 указанного Федерального закона сотруднику органов внутренних дел женского пола, а также сотруднику, являющемуся отцом (усыновителем, попечителем) и воспитывающему ребенка без матери (в случае ее смерти, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам), предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в порядке, установленном трудовым законодательством. На такого сотрудника в части, не противоречащей указанному Федеральному закону, распространяются социальные гарантии, установленные трудовым законодательством.

Из приведенных норм Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в их взаимосвязи следует, что, по общему правилу, исходя из особого правового статуса сотрудников органов внутренних дел право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет имеют сотрудники органов внутренних дел женского пола, мужчины — сотрудники органов внутренних дел, воспитывающие ребенка совместно с матерью, безусловного права на такой отпуск не имеют.

Недопущение совмещения отцами — сотрудниками органов внутренних дел исполнения их служебных обязанностей с воспитанием малолетних детей при наличии материнского попечения посредством отпуска по уходу за ребенком, с одной стороны, обусловлено спецификой правового статуса сотрудников органов внутренних дел, а с другой — согласуется с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации), оправдано необходимостью создания условий для эффективной профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность. Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории

граждан как определенные ограничения в части реализации ими гражданских прав и свобод, так и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (Определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 566-О-О).

Как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 377-О-О, поскольку служба в органах внутренних дел в силу предъявляемых к ней специфических требований исключает возможность неисполнения сотрудниками указанных органов своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, ограничение права отцов, проходящих службу в указанных органах и воспитывающих ребенка (детей) совместно с матерью, на использование отпуска по уходу за ребенком направлено на соблюдение баланса публичных и частных интересов.

Вместе с тем ч. 8 ст. 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ предусмотрено предоставление отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцам — сотрудникам органов внутренних дел, но только в случаях воспитания ими ребенка без матери, вызванного отсутствием объективной возможности ухода за ребенком матерью. Примерный перечень таких случаев приведен в названной норме, а именно: в случае смерти матери, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам.

Таким образом, при разрешении исковых требований о предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцу — сотруднику органов внутренних дел обстоятельством, имеющим значение для дела, является определение факта наличия или отсутствия у ребенка материнского попечения как основания предоставления отцу — сотруднику органов внутренних дел отпуска по уходу за ребенком.

Суды первой и апелляционной инстанций данное юридически значимое обстоятельство не установили, вывода о наличии или отсутствии у сына истца материнского попечения и, как следствие, основания предоставления М. отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет не сделали.

Ввиду изложенного Судебная коллегия признала неправомерным вывод судебных инстанций о том, что М. имел право на предоставление ему отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Кроме того, Судебная коллегия указала, что судебными инстанциями не применены к спорным отношениям положения ч. 12 ст. 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, которые устанавливают, что предоставление сотруднику органов внутренних дел отпуска, соединение или разделение отпусков, продление или перенос отпуска, замена части отпуска денежной компенсацией и отзыв сотрудника из отпуска оформляются приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя.

Из приведенной нормы права следует, что предоставление сотруднику органов внутренних дел отпуска осуществляется на основании приказа уполномоченного руководителя, поэтому наличие только рапорта от сотрудника органов внутренних дел о предоставлении ему отпуска не может служить основанием для невыхода на службу и для отсутствия такого сотрудника органов внутренних дел на службе без соответствующего согласования отпуска с уполномоченным руководителем и оформления предоставляемого отпуска соответствующим приказом.

Делая вывод о распространении на М. как на лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, гарантий, предусмотренных ст. 256 ТК РФ (в силу ч. 4 названной правовой нормы за работником сохраняется место работы (должность) на период отпуска по уходу за ребенком), судебные инстанции не дали правовой оценки тому обстоятельству, что приказ о предоставлении М. отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет на основании поданного им рапорта не оформлялся, напротив, истец был поставлен в известность об отказе ему в предоставлении этого отпуска, однако он в отсутствие положительного решения уполномоченного руководителя по поданному им рапорту самовольно не выходил на службу в течение установленного служебного времени. При этом судебные инстанции оставили без внимания разъяснения, содержащиеся в подп. “д” п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации”, согласно которым за самовольный уход работника в отпуск может быть произведено его увольнение за прогул.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ отсутствие сотрудника по месту службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного служебного времени является грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел.

Пунктом 6 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ установлено, что контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с грубым нарушением служебной дисциплины.

Поскольку реализация сотрудником органов внутренних дел, являющимся отцом ребенка, права на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, возникающего при наличии установленного законом обязательного условия (отсутствия материнского попечения), осуществляется на основании приказа руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, то несоблюдение такого порядка реализации права и невыход сотрудника органов внутренних дел на службу в отсутствие уважительных причин относится к грубому нарушению служебной дисциплины, которое может служить основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в органах внутренних дел.

С учетом того, что руководителем территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации приказ о предоставлении М. отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет не оформлялся, выводы судебных инстанций о том, что М. в период с 16 ноября по 3 декабря 2015 г. фактически находился в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, а также о незаконности заключения по результатам служебной проверки в отношении М., устанавливающего неуважительность причин его отсутствия на службе в данный период, и последовавших за ним привлечение М. к дисциплинарной ответственности и увольнения его со службы, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ признаны противоречащими положениям ч. 12 ст. 56, п. 2 ч. 2 ст. 49 и п. 6 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные акты в части удовлетворения исковых требований М. и направила дело в этой части на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2017 г. № 46-КГ17-17)*

**5. Реализация сотрудником органов внутренних дел права на освобождение от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью регламентируется законодательством о прохождении службы в органах внутренних дел.**

К. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконным и об отмене приказа о его увольнении со службы в органах внутренних дел по п. 5 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в связи с представлением им в период прохождения службы в органах внутренних дел копии подложного диплома о высшем образовании.

В обоснование заявленных требований К. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, незаконно был уволен со службы в период его временной нетрудоспособности, когда он проходил лечение в медицинском учреждении, относящемся к частной системе здравоохранения (с 4 ноября 2014 г. по 7 января 2015 г.), о чем ответчику было известно.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судом установлено, что согласно заключению по результатам служебной проверки в отношении К. он в 2007 и в 2011 годах представлял в кадровое подразделение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации копию подложного диплома о высшем образовании. С указанным заключением служебной проверки К. был ознакомлен 10 июня 2014 г.

В период с 23 июня по 4 июля 2014 г. и с 10 июля по 7 августа 2014 г. К. был временно нетрудоспособен, с 11 августа по 4 ноября 2014 г. он находился на амбулаторном лечении в медицинском учреждении системы МВД России, согласно справке которого К. надлежало приступить к служебным обязанностям 5 ноября 2014 г. Впоследствии К. в названное медицинское учреждение системы МВД России за медицинской помощью не обращался.

Кроме этого, судом было установлено, что К. по месту службы представил медицинское заключение медицинского учреждения, относящегося к частной системе здравоохранения, согласно которому он с 4 ноября 2014 г. проходил амбулаторное лечение в данном учреждении.

В процессе беседы, которая была проведена с К. 10 декабря 2014 г. сотрудниками территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, выезжавшими по месту его регистрации, в связи с предстоящим увольнением его из органов внутренних дел, истец сообщил, что находится на излечении, однако пояснить, с какого времени и в каком лечебном учреждении он находится на лечении, К. отказался. Надлежаще зарегистрированный листок освобождения от выполнения служебных обязанностей на период временной нетрудоспособности К. не представил как лицу, проводившему с ним беседу, так и в кадровое подразделение по месту службы.

Руководителем территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации 12 декабря 2014 г. на основании указанного выше заключения служебной проверки был издан приказ, в соответствии с которым контракт о прохождении службы в органах внутренних дел с К. расторгнут и К. уволен со службы по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в связи с представлением сотрудником подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на службу в органы внутренних дел, а также в связи с представлением сотрудником в период прохождения службы в органах внутренних дел подложных документов или заведомо ложных сведений, подтверждающих его соответствие требованиям законодательства Рос-

сийской Федерации в части, касающейся условий замещения соответствующей должности в органах внутренних дел, если это не влечет за собой уголовную ответственность).

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении заявленных К. требований, суд первой инстанции исходил из того, что увольнение по указанному основанию является безусловным при установлении факта представления сотрудником в период прохождения службы в органах внутренних дел подложных документов. Такой факт, а именно представление К. в 2007 году и в 2011 году копии подложного диплома о высшем образовании в подразделение по работе с личным составом территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, был установлен при проведении служебной проверки.

Проверяя доводы К. о незаконности увольнения, суд сделал вывод о наличии злоупотребления правом со стороны истца, который скрыл от работодателя сведения о своей нетрудоспособности, ее причине (заболевание либо травма), об обстоятельствах получения травмы, режиме лечения (амбулаторный или стационарный), месте нахождения во время лечения, о наименовании лечебного учреждения, фамилии лечащего врача.

Учитывая приведенные обстоятельства, а также непредставление К. в кадровое подразделение по месту службы в установленном законом порядке надлежаще зарегистрированного листка освобождения от выполнения служебных обязанностей в период временной нетрудоспособности, суд первой инстанции, сославшись на положения чч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона "О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", ч. 1 ст. 65 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и п. 18 Положения об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России, утвержденного приказом МВД России от 8 ноября 2006 г. № 895, пришел к выводу о законности увольнения К. со службы в органах внутренних дел.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение о признании незаконным увольнения К. со службы в органах внутренних дел.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что увольнение истца было произведено в нарушение требований ч. 12 ст. 89 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в период его временной нетрудоспособности, о которой ответчику заведомо было известно.

Суд апелляционной инстанции полагал, что нормы специального законодательства, устанавливающие порядок освобождения сотрудников органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью, которыми руководствовался суд первой инстанции, в данном случае не применимы, поскольку обращение К. за медицинской помощью в медицинское учреждение частной системы здравоохранения явилось реализацией им права на медицинское обслуживание, предусмотренного ст. 11 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, и права на выбор медицинской организации, закрепленного Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации".

По мнению суда апелляционной инстанции, является ошибочным указание суда первой инстанции на нарушение К. п. 18 Положения об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лече-

ния в медицинских учреждениях системы МВД России, обязывающего сотрудника зарегистрировать удостоверяющие его временную нетрудоспособность документы, выданные иными медицинскими учреждениями, в медицинском учреждении системы МВД России по месту прикрепления на медицинское обслуживание, поскольку юридически значимым обстоятельством в рассматриваемом споре является такое состояние здоровья К., вследствие которого он на момент увольнения был нетрудоспособным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала приведенные выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, в связи со следующим.

Сотрудники органов внутренних дел имеют право на медицинское обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 18 ст. 11 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ).

В чч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» также предусмотрено, что сотрудники органов внутренних дел имеют право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе на изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением зубных протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

При отсутствии по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудника медицинских организаций федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел либо при отсутствии в них отделений соответствующего профиля, специалистов либо специального медицинского оборудования сотрудник имеет право на получение медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения в порядке, установленном Правительством РФ.

Освобождение сотрудника органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью осуществляется согласно ч. 1 ст. 65 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ на основании заключения (листа освобождения от выполнения служебных обязанностей по временной нетрудоспособности) медицинской организации федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а при отсутствии такой медицинской организации по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудника — иной медицинской организации государственной или муниципальной системы здравоохранения.

Приказом МВД России от 8 ноября 2006 г. № 895 утверждено Положение об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России, п. 18 которого предусматривает, что документы, удостоверяющие временную нетрудоспособность лиц, прикрепленных на медицинское обслуживание к медицинским учреждениям системы МВД России, выданные иными медицинскими учреждениями, подлежат регистрации в медицинском учреждении системы МВД России по месту прикрепления указанных лиц на медицинское обслуживание.

Согласно пп. 1, 3 Правил оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения, за исключением медицинских организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, и возмещения расходов указанным организациям, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1232, в случаях отсутствия по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудников медицинских организаций МВД России либо при отсутствии в них соответствующих отделений или специального медицинского оборудования, в том числе при наличии медицинских показаний для оказания экстренной медицинской помощи, предусмотрено направление сотрудников на плановое лечение или обследование (освидетельствование) в медицинские организации государственной или муниципальной системы здравоохранения медицинской организацией МВД России, осуществляющей медицинское обслуживание прикрепленных к ней сотрудников.

Из приведенных нормативных положений следует, что отношения по медицинскому обслуживанию, по освобождению сотрудников органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью регулируются специальным законодательством. Особенности правоохранительной службы и специальным правовым статусом сотрудников органов внутренних дел обусловлено установление им как социальных гарантий, обеспечивающих повышенную социальную защиту, так и дополнительных ограничений, обязанностей и запретов.

В частности, в соответствии с ч. 24 ст. 2 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в случае освобождения сотрудника от выполнения должностных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью ему выплачивается денежное довольствие за весь период временной нетрудоспособности в полном размере.

Вместе с тем на сотрудника органов внутренних дел возложена обязанность в возможно короткие сроки сообщать непосредственному руководителю (начальнику) о происшествии, наступлении временной нетрудоспособности и об иных обстоятельствах, исключающих возможность выполнения сотрудником своих служебных обязанностей (п. 5 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ). При этом механизм реализации сотрудником органов внутренних дел права на освобождение от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью установлен специальными правовыми нормами — ч. 1 ст. 65 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, п. 18 Положения об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России, требования которых в силу п. 1 ч. 1 ст. 12 этого же Закона сотрудник обязан соблюдать.

Таким образом, временная нетрудоспособность сотрудника органов внутренних дел подтверждается документами, выданными медицинскими учреждениями системы МВД России, к которым прикреплен сотрудник, либо документами, выданными иными медицинскими учреждениями, но зарегистрированными в медицинском учреждении системы МВД России по месту прикрепления на медицинское обслуживание.

Суд первой инстанции правильно применил нормативные положения, регулирующие отношения по медицинскому обслуживанию сотрудников органов внутренних дел, освобождению их от исполнения служебных обязанностей на период временной нетрудоспособности, и сделал основанный на этих правовых

нормах вывод о том, что К. не представлено допустимых доказательств, подтверждающих его временную нетрудоспособность на момент издания приказа об увольнении, в связи с чем оспариваемые истцом действия ответчика являются правомерными.

Суд же апелляционной инстанции, не соглашаясь с этим выводом суда первой инстанции, ошибочно полагал, что положения специального законодательства не подлежат применению в данном случае ввиду неотложности медицинской помощи и наличия у истца права на выбор медицинской организации в соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что отношения по медицинскому обслуживанию, освобождению сотрудников органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью регулируются специальным законодательством, которым регламентирован в том числе и порядок оказания сотрудникам при необходимости экстренной медицинской помощи в медицинских организациях, не относящихся к МВД России, а также порядок оформления документов, подтверждающих временную нетрудоспособность и выданных не по месту прикрепления сотрудников на медицинское обслуживание.

Поскольку К., являясь сотрудником территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, прикрепленным на медицинское обслуживание к медицинскому учреждению системы МВД России, и проживая в городе, где оно расположено, обратился за медицинской помощью в медицинское учреждение, относящееся к частной системе здравоохранения, и при этом не принял мер по соблюдению установленной законом и ведомственными нормативными актами процедуры оформления выданных этим учреждением документов для подтверждения права на освобождение от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм специального законодательства пришла к выводу о том, что у суда апелляционной инстанции не имелось оснований для отмены решения суда первой инстанции, правильно разрешившего спор, и для принятия нового решения о признании незаконным приказа об увольнении К. со службы в органах внутренних дел.

Ввиду изложенного Судебная коллегия апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 мая 2016 г. № 18-КГ16-13; аналогичная правовая позиция в отношении сотрудников органов ФСИН России изложена в определении от 14 ноября 2016 г. № 47-КГ16-13)*

#### **6. Сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только в случае установления его вины в нарушении служебной дисциплины.**

П. обратился в суд с иском к федеральному казенному учреждению МВД России (далее — ФКУ МВД России) об отмене и о признании незаконными решения о прекращении допуска к государственной тайне, приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности, об освобождении от замещаемой должности и иными требованиями.

В обоснование исковых требований П. указал на следующее. Он проходил службу в органах внутренних дел, с января 2015 г. занимал должность начальника филиала ФКУ МВД России, имел доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. По результатам служебного расследования, за необеспечение за-

щиты сведений, составляющих государственную тайну, П. прекращен доступ к государственной тайне, он отстранен от выполнения служебных обязанностей и зачислен в распоряжение органа внутренних дел, а также привлечен к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора.

П. считает привлечение к дисциплинарной ответственности незаконным, поскольку секретное дело-производство филиала велось ФКУ МВД России, при назначении на должность руководителя филиала он не принимал документы, содержащие секретные сведения, в связи с их отсутствием в филиале, передача секретных дел в ФКУ МВД России осуществлялась ранее бывшим руководителем филиала, на П. обязанности по ведению секретного делопроизводства контрактом не возложены.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований П. отказано.

Судом установлено, что согласно заключению по результатам служебного расследования от 30 сентября 2016 г., проведенного по фактам, выявленным органами ФСБ России в ходе проверки состояния обеспечения защиты государственной тайны, в ФКУ МВД России имеет место ряд нарушений требований режима секретности: обнаружены незарегистрированные секретные материалы, ненадлежащее хранение документов и иных носителей сведений, составляющих государственную тайну, и др. Указанные секретные документы являлись документами филиала ФКУ МВД России, которые ранее были переданы ответчику для хранения в режимно-секретном подразделении.

В заключении по результатам служебного расследования предложено привлечь П. за нарушения, касающиеся ненадлежащего контроля за хранением и учетом указанных документов, к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора и рассмотреть вопрос о прекращении ему допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Ответчиком П. прекращен доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, П. на основании ст. 73 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ временно отстранен от выполнения служебных обязанностей. Для дальнейшего решения вопроса о прохождении П. службы в органах внутренних дел он был освобожден от замещаемой должности, зачислен в распоряжение органов внутренних дел. П. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора.

Судом также установлено, что при вступлении в должность П. в филиале ФКУ МВД России была проведена проверка секретного делопроизводства за IV квартал 2014 г., по результатам которой документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, в филиале ФКУ МВД России не обнаружено.

По состоянию на 2014 год за филиалом числились секретные дела, находящиеся на хранении в режимно-секретном подразделении ФКУ МВД России.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции исходил из того, что П. как руководителем филиала ФКУ МВД России не должным образом выполнялись возложенные на него служебные обязанности по исполнению требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне, что создало предпосылки к разглашению сведений, составляющих государственную тайну, и утрате их носителей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами суда первой инстанции как основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения сторон, указав следующее.

В соответствии со ст. 23 Закона РФ «О государственной тайне» допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации в названных в данной норме случаях, в частности при однократном нарушении им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Аналогичные положения содержатся в подп. «б» п. 15 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63, и п. 13 Инструкции о порядке допуска сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников органов внутренних дел, военнослужащих и гражданского персонала внутренних войск МВД России к государственной тайне, утвержденной приказом Министра внутренних дел РФ от 20 августа 2010 г. № 600.

Неисполнение сотрудником органа внутренних дел законодательства Российской Федерации и нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в силу ч. 1 ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ является нарушением служебной дисциплины, т.е. дисциплинарным проступком, в случае совершения которого на сотрудника согласно ч. 1 ст. 50 этого Федерального закона могут быть наложены дисциплинарные взыскания, в том числе строгий выговор.

В соответствии с ч. 8 ст. 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ перед наложением дисциплинарного взыскания по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в соответствии со ст. 52 данного Закона может быть проведена служебная проверка.

Приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 утвержден Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России).

Согласно п. 4 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России по фактам разглашения сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации сведений, составляющих государственную тайну, утраты носителей таких сведений, иных нарушений режима секретности в органах, организациях и подразделениях МВД России проводятся служебные расследования в порядке, предусмотренном принятыми во исполнение Закона РФ «О государственной тайне» актами законодательства, регулирующего отношения, связанные с защитой государственной тайны.

В силу подп. 36.3, 35.4, 36.7 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России заключение по результатам служебного расследования должно содержать, в частности, факт совершения сотрудником дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия совершения сотрудником дисциплинарного проступка; материалы, подтверждающие (исключающие) вину сотрудника.

Из приведенных нормативных положений следует, что допуск сотрудника органов внутренних дел к государственной тайне может быть прекращен в случае однократного нарушения им обязательств, связанных с защитой государственной тайны. При этом по фактам разглашения сотрудником органов внутренних дел сведений, составляющих государственную тайну, утраты носителей таких сведений, иных нарушений режи-

ма секретности в органах, организациях и подразделениях МВД России проводится служебное расследование, которым должна быть установлена в том числе вина сотрудника органов внутренних дел в нарушении режима секретности. В случае установления вины сотрудника органов внутренних дел в нарушении режима секретности ему может быть прекращен допуск к государственной тайне и он может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за нарушение служебной дисциплины.

Судом первой инстанции не применены в системной взаимосвязи и совокупности изложенные выше нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, и не дана надлежащая оценка обстоятельствам дела, касающимся установления вины П. во вмененных ему нарушениях.

Также судом первой инстанции не учтено, что выявленные комиссией ФКУ МВД России нарушения законодательства о государственной тайне применимы к руководителям органов внутренних дел и структурных подразделений указанных органов, в которых ведутся работы со сведениями, составляющими государственную тайну. При этом возглавляемый П. филиал ФКУ МВД России такие работы не осуществлял.

Как было установлено судом первой инстанции, возглавляемый П. филиал ФКУ МВД России не имеет лицензии на ведение секретных работ вследствие небольшой площади служебных помещений филиала, режимно-секретное подразделение в филиале отсутствует, секретные дела были обнаружены не в помещении филиала, а в ином помещении в ФКУ МВД России, все работы с носителями и делами, содержащими секретные сведения, велись в режимно-секретном подразделении ФКУ МВД России, при вступлении П. в должность начальника данного филиала каких-либо документов и дел, содержащих секретные сведения, в филиале не находилось, все документы и дела, содержащие секретные сведения, были переданы в режимно-секретное подразделение ФКУ МВД России бывшим руководителем филиала С.

С учетом приведенных обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала необоснованным вывод суда первой инстанции о наличии вины П. как руководителя филиала ФКУ МВД России в нарушении требований законодательства и ведомственных актов МВД России о государственной тайне, вследствие чего признала незаконным и подлежащим отмене решение руководителя ФКУ МВД России о прекращении допуска П. к сведениям, составляющим государственную тайну, отменила решение суда первой инстанции и приняла по делу новое решение об удовлетворении исковых требований П.

*(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)*

**7. Судам при проверке обоснованности увольнения сотрудника в связи с нарушением служебной дисциплины следует принимать во внимание характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, наступившие последствия, прежнее поведение сотрудника, его отношение к службе, знание правил ее несения.**

**В случае установления судом несоразмерности наложенного дисциплинарного взыскания в виде увольнения тяжести совершенного сотрудником проступка сотрудник подлежит восстановлению на службе.**

Е. обратился в суд с иском к органу внутренних дел о признании незаконным и об отмене приказа о наложении дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы, а также о восстановлении на службе.

В обоснование предъявленных требований Е. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел в

связи с нарушением условий контракта сотрудником по п. 15 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Е. полагал, что данное дисциплинарное взыскание является незаконным, поскольку наложено на него без учета тяжести совершенного проступка и его характера, а также отношения Е. к службе и его прежнего поведения.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований Е. отказано.

Судом установлено, что Е. с 2001 года проходил службу в органах внутренних дел, последняя занимаемая им должность — старший оперуполномоченный подразделения собственной безопасности органа внутренних дел, специальное звание — подполковник полиции. В январе 2012 г. с Е. заключен контракт о службе в органах внутренних дел, согласно которому истец обязался в том числе соблюдать служебную дисциплину, ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, не разглашать сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, конфиденциальную информацию (служебную тайну).

Согласно заключению по результатам служебной проверки в период с декабря 2015 г. по март 2016 г. Е. допустил нарушения ведомственного нормативного правового акта об основах организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также нарушение п. 8 ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О полиции», выразившееся в разглашении сведений, ставших ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей.

По результатам служебной проверки в заключении сделан вывод о том, что за нарушение Е. условий заключенного с ним контракта о прохождении службы в органах внутренних дел он подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел по основанию, предусмотренному п. 15 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

В связи с нарушением условий контракта, а именно несоблюдением служебной дисциплины, ограничений и запретов, связанных со службой в органах внутренних дел, разглашением сведений, составляющих служебную тайну, на Е. наложено дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы в органах внутренних дел, контракт с ним расторгнут, и он уволен со службы в органах внутренних дел.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска Е., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что установленные по результатам служебной проверки неправомерные действия Е. свидетельствуют о нарушении истцом контракта о прохождении службы в органах внутренних дел, в связи с чем, по мнению суда первой инстанции, оснований для признания незаконным приказа о привлечении Е. к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел не имеется.

Суд первой инстанции полагал, что при проведении служебной проверки были приняты все меры по объективному и всестороннему установлению фактов и обстоятельств совершения сотрудником дисциплинарного проступка, вины сотрудника, причин и условий, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка, наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в органах внутренних дел. По мнению суда первой инстанции, примененное к истцу дисциплинарное взыскание в виде увольнения соответствует тяжести совершенного им проступка и степени его вины. Сославшись на заключение служебной проверки, суд указал, что при определении вида взыскания ответчиком были приняты во внимание харак-

тер проступка, обстоятельства, при которых он был допущен, прежнее поведение сотрудника, допустившего проступок, его отношение к службе, личные и деловые качества.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с приведенными выводами суда первой инстанции в связи с неправильным применением судом норм материального права, регулирующих спорные отношения сторон, несоответствием выводов суда обстоятельствам дела, указав на следующее.

Согласно ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ правоотношения на службе в органах внутренних дел между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта, заключенного в соответствии с данным Федеральным законом.

Часть 1 ст. 21 названного Закона определяет контракт о прохождении службы в органах внутренних дел как соглашение между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел, или сотрудником органов внутренних дел о прохождении службы в органах внутренних дел и (или) замещении должности в органах внутренних дел. Контрактом устанавливаются права и обязанности сторон.

Гражданин, поступающий на службу в органы внутренних дел, и сотрудник органов внутренних дел при заключении контракта обязуются выполнять служебные обязанности в соответствии с должностным регламентом (должностной инструкцией) и соблюдать ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, а также внутренний служебный распорядок федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа, подразделения (ч. 3 ст. 21 Федерального закона).

Пунктом 15 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ установлено, что контракт о прохождении службы в органах внутренних дел может быть расторгнут, а сотрудник может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с нарушением сотрудником условий контракта.

Неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом, несоблюдение запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел в силу ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, является нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком).

При необходимости выявления причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка в соответствии с ч. 1 ст. 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел проводится служебная проверка.

При проведении служебной проверки в отношении сотрудника органов внутренних дел должны быть приняты меры по объективному и всестороннему установлению фактов и обстоятельств совершения сотрудником дисциплинарного проступка, вины сотрудника, причин и условий, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка, характера и размера вреда, причиненного сотрудником в результате совершения дисциплинарного проступка, наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в органах внутренних дел (ч. 3 ст. 52 Закона).

Организация работы по проведению служебных проверок в органах, организациях и подразделениях МВД России урегулирована Порядком проведения служебной проверки в органах, организациях и под-

разделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161.

В силу подп. 30.6—30.8 указанного Порядка сотрудник (председатель и члены комиссии), проводящий служебную проверку, обязан документально подтвердить дату и время совершения дисциплинарного проступка, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, как отягчающие, так и смягчающие его вину; осуществить сбор документов и материалов, характеризующих личные и деловые качества сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок; изучить материалы проводившихся ранее служебных проверок в отношении сотрудника, информацию о фактах совершения им дисциплинарных проступков.

Согласно п. 34, подп. 36.3, 35.2, 35.4, 36.7, 36.8, п. 37, подп. 37.2 Порядка заключение по результатам служебной проверки составляется на основании имеющихся в материалах служебной проверки данных и должно содержать в том числе сведения об образовании сотрудника, о времени его службы в органах внутренних дел и в замещаемой должности, количестве поощрений, взысканий, наличии (отсутствии) у него неснятых дисциплинарных взысканий, факте совершения сотрудником дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия совершения сотрудником дисциплинарного проступка, а также содержащий материалы, подтверждающие (исключающие) вину сотрудника, обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность сотрудника. С учетом изложенной в заключении информации в его резолютивной части, в частности, указываются предложения о применении (неприменении) к сотруднику, в отношении которого проведена служебная проверка, мер дисциплинарной ответственности, иных мер воздействия.

Статьей 40 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 “О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации”, предусмотрено, что дисциплинарное взыскание должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины. При определении вида дисциплинарного взыскания принимаются во внимание: характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, прежние поведение сотрудника, совершившего проступок, признание им своей вины, его отношение к службе, знание правил ее несения и другие обстоятельства. При малозначительности совершенного дисциплинарного проступка руководитель (начальник) может освободить сотрудника от дисциплинарной ответственности и ограничиться устным предупреждением.

Из приведенных нормативных положений следует, что нарушение сотрудником органов внутренних дел условий контракта о прохождении службы в органах внутренних дел не влечет его безусловного расторжения. Сотрудник может быть уволен со службы в органах внутренних дел, однако его действия, послужившие поводом для такого решения, подлежат оценке с точки зрения их характера, наступивших последствий, значимости для интересов службы, условий их совершения, прежнего отношения сотрудника к исполнению служебных обязанностей и других обстоятельств.

Положение п. 15 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ не предполагает возможности его произвольного применения, поскольку презюмирует, что принятию решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел со службы предшествует объективная оценка совершенного им деяния в

рамках установленной процедуры привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности и предоставления гарантий его защиты от произвольного увольнения, а обоснованность увольнения со службы может быть предметом судебной проверки (Определение Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. № 773-О).

Судом первой инстанции при разрешении спора не применены в системной взаимосвязи и совокупности изложенные выше нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, не дана с их учетом надлежащая оценка обстоятельствам дела, касающимся обоснованности применения в отношении Е. такой крайней меры дисциплинарного взыскания, как увольнение со службы в органах внутренних дел. Поскольку закон предоставляет руководителю органа внутренних дел возможность избрания для сотрудника, допустившего нарушение условий контракта, иной, более мягкой, меры дисциплинарной ответственности, чем увольнение со службы в органах внутренних дел, суду первой инстанции при проверке обоснованности увольнения Е. со службы в органах внутренних дел следовало в соответствии со ст. 40 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации принять во внимание характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, наступившие последствия, прежние поведение сотрудника, его отношение к службе, знание правил ее несения, что судом сделано не было.

Между тем, как следует из текста заключения по результатам служебной проверки, информация о возможных неправомерных действиях Е. подтвердилась частично, при этом наступление каких-либо негативных последствий не установлено.

Согласно материалам дела на день увольнения Е. стаж его непрерывной службы в органах внутренних дел в календарном исчислении превышал 16 лет, за период прохождения службы в органах внутренних дел Е. награжден ведомственными наградами и почетными грамотами МВД России. В представлении к увольнению Е. со службы в органах внутренних дел указано, что за время службы он зарекомендовал себя с положительной стороны как подготовленный сотрудник, способный решать оперативно-служебные задачи на профессиональном уровне; он изучил и правильно применяет в своей практической деятельности нормативные акты, регламентирующие работу органов внутренних дел; имея достаточный практический опыт оперативной работы и теоретические знания, умело организует свою служебную деятельность. К дисциплинарной ответственности в период прохождения службы в органах внутренних дел Е. не привлекался.

Ввиду таких обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала необоснованным вывод суда первой инстанции о том, что примененное к Е. дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы соответствует тяжести совершенного проступка и степени его вины с учетом предшествующего поведения и его отношения к службе в органах внутренних дел. Указанный вывод не основан на обстоятельствах дела и не соответствует положениям ст. 40 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ признан противоречащим материалам дела и вывод суда первой инстанции со ссылкой на заключение по результатам служебной проверки о том, что ответчиком при определении вида взыскания приняты во внимание характер проступка, обстоятельства, при которых он был допущен, прежние поведение сотрудника, допустившего проступок, его отношение к службе, личные и деловые качества, поскольку при проведении служебной проверки в отношении Е. были

не выполнены требования Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России об указании в заключении сведений об образовании сотрудника, о времени его службы в органах внутренних дел и в замещаемой должности, количестве поощрений, взысканий, наличии (отсутствии) у него неснятых дисциплинарных взысканий, о необходимости указания в описательной части заключения последствий совершения сотрудником дисциплинарного проступка и обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность сотрудника, об указании в резолютивной части заключения выводов о причинах и условиях, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ обратила внимание на то, что именно с учетом изложенной в заключении информации в его резолютивной части указываются предложения о применении (неприменении) к сотруднику, в отношении которого проведена служебная проверка, мер дисциплинарной ответственности, иных мер воздействия.

Поскольку судом первой инстанции не была дана соответствующая правовая оценка заключению по результатам служебной проверки в отношении Е. с учетом подлежащих применению в данном случае нормативных положений Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России, Судебная коллегия признала неправомерным вывод суда первой инстанции о том, что при проведении служебной проверки были приняты все меры по объективному и всестороннему установлению фактов и обстоятельств совершения Е. дисциплинарного проступка, и о том, что эти обстоятельства учтены ответчиком при определении вида взыскания, примененного к Е.

Принимая во внимание все обстоятельства и характер совершенного Е. в рамках исполнения служебных обязанностей проступка, в том числе отсутствие с его стороны корыстных целей и мотивов, ненаступление каких-либо негативных последствий в результате этого проступка, а также учитывая прежнее поведение истца, который за период прохождения службы в органах внутренних дел к дисциплинарной ответственности не привлекался, вместе с тем неоднократно был представлен к награждению ведомственными наградами, зарекомендовал себя с положительной стороны как подготовленный сотрудник, способный решать оперативно-служебные задачи на профессиональном уровне, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ сделала вывод о том, что такое дисциплинарное взыскание, как увольнение со службы в органах внутренних дел, не соответствует тяжести совершенного Е. проступка.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила решение суда первой инстанции и приняла по делу новое решение, которым удовлетворила иски требования Е.

*(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)*

**8. Гарантия беременной женщине, установленная ч. 1 ст. 261 ТК РФ (запрет на расторжение трудового договора по инициативе работодателя), распространяется на женщин, проходящих федеральную государственную службу.**

А. обратилась в суд с иском к УФСИН России по субъекту Российской Федерации о признании увольнения незаконным, восстановлении на службе.

В обоснование исковых требований А. указала, что проходила службу в органах уголовно-исполнительной системы и в августе 2016 г. была уволена со службы в связи с нарушением условий контракта по вине сотрудника на основании п. “д” ч. 1 ст. 58 Положения о

службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 “Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации” (далее — Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации). Увольнение полагает незаконным, поскольку за время исполнения должностных обязанностей не совершала действий, которые могли привести к расторжению контракта о службе в уголовно-исполнительной системе.

Решением суда первой инстанции иски требования А. удовлетворены ввиду следующего.

Судом установлено, что после окончания образовательного учреждения приказом начальника УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 4 августа 2016 г. А. назначена со 2 августа 2016 г. на должность начальника отряда отдела по воспитательной работе с осужденными федерального казенного учреждения УФСИН России, не связанную с работой со сведениями, составляющими государственную тайну.

Приказом начальника УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 11 августа 2016 г. А. уволена с замещаемой должности из органов уголовно-исполнительной системы по основанию, предусмотренному п. “к” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (за грубое нарушение служебной дисциплины). Поводом для издания данного приказа явилось заключение по результатам служебной проверки от 28 июля 2016 г., проведенной должностными лицами образовательного учреждения по факту нарушения обязательств перед государством по соблюдению требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 14 ноября 2016 г. в приказ УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 11 августа 2016 г. об увольнении А. были внесены уточнения в части изменения основания ее увольнения из органов уголовно-исполнительной системы на п. “д” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (в связи с нарушением условий контракта по вине сотрудника).

В ходе судебного разбирательства дела по иску А. истцом представлена справка медицинского учреждения от 8 ноября 2016 г., в которой содержались сведения о том, что она беременна и срок беременности составляет 15 недель.

Разрешая спор, суд первой инстанции с учетом положений Трудового кодекса РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, наличия доказательств, подтверждающих, что на момент увольнения А. была беременна, удовлетворил иски требования А. к УФСИН России по субъекту Российской Федерации о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе.

При этом суд первой инстанции исходил из буквального толкования ч. 1 ст. 261 ТК РФ, согласно которому законом установлен запрет на увольнение по инициативе работодателя беременных женщин, кроме единственного исключения — ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем. Названная норма не ставит возможность увольнения беременной женщины в зависимость от того, был ли поставлен работодатель в известность о ее беременности и сообщила ли она ему об этом, поскольку это обстоятельство не должно влиять на соблюдение гарантий, предусмотренных трудовым законодательством для беременных женщин при увольнении по инициативе работодателя.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ решение суда первой инстанции оставлено без изменения в связи со следующим.

Порядок и особенности прохождения службы в уголовно-исполнительной системе установлены специальными нормативными правовыми актами, а именно Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (утверждена приказом Минюста России от 6 июня 2005 г. № 76).

В случаях, не урегулированных специальными нормативными правовыми актами Российской Федерации, к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства (ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ).

Согласно ч. 6 ст. 11 ТК РФ особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников (руководителей организаций, лиц, работающих по совместительству, женщин, лиц с семейными обязанностями, молодежи и других) устанавливаются в соответствии с этим Кодексом.

Поскольку особенности труда беременных женщин при прохождении службы в органах внутренних дел специальным законодательством не определены, то к данным отношениям применяются нормы трудового законодательства, в частности ст. 261 ТК РФ о гарантиях беременной женщине и лицам с семейными обязанностями при расторжении трудового договора.

В силу ч. 1 ст. 261 ТК РФ расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременной женщиной не допускается, за исключением случаев ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

Согласно преамбуле Конвенции Международной организации труда № 183 “О пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства” (заключена в г. Женеве 15 июня 2000 г.) защита беременности, в том числе путем установления гарантий для беременных женщин в сфере труда, является общей обязанностью правительств и общества.

Часть 1 ст. 261 ТК РФ относится к числу специальных норм, закрепляющих для беременных женщин повышенные гарантии по сравнению с другими нормами Трудового кодекса РФ, регламентирующими вопросы расторжения трудового договора, — как общими, так и предусматривающими особенности регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями, — и является по своей сути трудовой льготой, обеспечивающей стабильность положения беременных женщин как работников и их защиту от резкого снижения уровня материального благосостояния, обусловленного тем обстоятельством, что поиск новой работы для них в период беременности затруднителен. Названная норма, предоставляющая женщинам, которые стремятся сочетать трудовую деятельность с выполнением материнских функций, действительно равные с другими гражданами возможности для реализации прав и свобод в сфере труда, направлена на обеспечение поддержки материнства и детства в соответствии с ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2012 г. № 31-П).

В случае однократного грубого нарушения беременной женщиной, проходящей государственную гражданскую службу, обязанностей государственного гражданского служащего представитель нанимателя может привлечь ее к дисциплинарной ответственности, применив иные, помимо увольнения с государственной гражданской службы, дисциплинарные взыска-

ния, соблюдая при этом принципы привлечения к юридической ответственности — соразмерности (и вытекающие из него требования справедливости, адекватности и пропорциональности используемых правовых средств за виновное деяние), а также дифференциации наказания в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания (Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2012 г. № 31-П).

В п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 “О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних” разъяснено, что, поскольку увольнение беременной женщины по инициативе работодателя запрещается, отсутствие у работодателя сведений о ее беременности не является основанием для отказа в удовлетворении иска о восстановлении на работе. Беременная женщина, трудовой договор с которой расторгнут по инициативе работодателя, подлежит восстановлению на работе и в том случае, если к моменту рассмотрения в суде ее иска о восстановлении на работе беременность не сохранилась.

Необходимо также учитывать, что гарантия, закрепленная ч. 1 ст. 261 ТК РФ, распространяется также и на лиц, в отношении которых предусмотрено специальное регулирование. К таким лицам относятся: женщины — руководители организации (глава 43 ТК РФ), спортсмены и тренеры (глава 54<sup>1</sup> ТК РФ), женщины, проходящие государственную гражданскую и муниципальную службу, и др.

По результатам исследования и оценки представленных А. медицинских документов суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что на момент увольнения истца из органов уголовно-исполнительной системы по инициативе руководителя территориального органа уголовно-исполнительной системы (11 августа 2016 г.) она была беременна.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда первой инстанции о незаконности увольнения А. со службы и о восстановлении ее на службе правильными, основанными на приведенных положениях Трудового кодекса РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, сделанными с учетом установленных по делу обстоятельств.

*(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)*

**9. При разрешении спора по иску органа внутренних дел о привлечении сотрудника к материальной ответственности суду следует учитывать нормы ст. 250 ТК РФ о возможности снижения размера ущерба исходя из материального и семейного положения работника.**

Орган внутренних дел обратился в суд с иском к Е. о взыскании в порядке регресса материального ущерба в размере 943 340 руб., указав следующее. Е., являясь сотрудником органа внутренних дел, при исполнении служебных обязанностей совершил дорожно-транспортное происшествие. Управляя служебным автомобилем, Е. выехал на полосу встречного движения, где допустил столкновение с автомобилем под управлением А. В результате этого дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине Е., автомобилю А. причинены технические повреждения, а самому А. — телесные повреждения. Решением районного суда с органа внутренних дел в пользу А. взыскан материальный ущерб, причиненный ему дорожно-транспортным происшествием. Это решение суда органом внутренних дел исполнено.

Орган внутренних дел, ссылаясь на положения ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 г.

№ 342-ФЗ, п. 1 ст. 1068, п. 1 ст. 1081 ГК РФ, просил взыскать в порядке регресса (обратного требования) выплаченную в пользу А. сумму возмещения вреда с Е.

Решением районного суда по иску органа внутренних дел к сотруднику Е., оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования органа внутренних дел удовлетворены, с Е. в пользу органа внутренних дел взыскан материальный ущерб в порядке регресса в полном размере.

Судом установлено, что в результате дорожно-транспортного происшествия, имевшего место по вине сотрудника органа внутренних дел Е., находившегося при исполнении служебных обязанностей, автомобиля, принадлежащего А., причинены механические повреждения, а самому А. — телесные повреждения.

В связи с совершением этого дорожно-транспортного происшествия постановлением судьи районного суда Е. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ (нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого вреда здоровью потерпевшего).

Решением районного суда с органа внутренних дел в пользу А. взыскан ущерб, причиненный ему дорожно-транспортным происшествием. Решение суда исполнено органом внутренних дел в полном объеме.

Разрешая спор, суд пришел к выводу о наличии правовых оснований для взыскания в порядке регресса выплаченной органом внутренних дел в пользу А. суммы материального ущерба в полном размере с сотрудника Е. как непосредственного причинителя вреда. При этом суд исходил из того, что орган внутренних дел выплатил А. денежные средства в размере заявленных исковых требований в счет возмещения вреда, причиненного ему в результате дорожно-транспортного происшествия, виновником которого постановлением судьи районного суда по делу об административном правонарушении признан сотрудник органа внутренних дел Е.

Суд апелляционной инстанции согласился с этим выводом суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала приведенный вывод судов первой и апелляционной инстанций о взыскании в порядке регресса выплаченной органом внутренних дел в пользу А. суммы материального ущерба в полном размере с Е. основанным на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

В силу п. 1 ст. 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Как указано в ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника органов внутренних дел при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. В случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника, федеральный орган исполнительной власти в

сфере внутренних дел имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения, для чего федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим исковым заявлением.

В соответствии с ч. 3 ст. 33 Федерального закона “О полиции” вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

За ущерб, причиненный федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, территориальному органу, подразделению полиции либо организации, входящей в систему указанного федерального органа, сотрудник полиции несет материальную ответственность в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации.

Таким образом, из изложенных выше нормативных положений следует, что к спорным отношениям подлежат применению в том числе нормы Трудового кодекса РФ.

Согласно ст. 250 ТК РФ орган по рассмотрению трудовых споров может с учетом степени и формы вины, материального положения работника и других обстоятельств снизить размер ущерба, подлежащий взысканию с работника. Снижение размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, не производится, если ущерб причинен преступлением, совершенным в корыстных целях.

Как разъяснено в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52 “О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю”, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что работник обязан возместить причиненный ущерб, суд в соответствии с ч. 1 ст. 250 ТК РФ может с учетом степени и формы вины, материального положения работника, а также других конкретных обстоятельств снизить размер сумм, подлежащих взысканию, но не вправе полностью освободить работника от такой обязанности. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 250 ТК РФ снижение размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, не может быть произведено, если ущерб причинен преступлением, совершенным в корыстных целях. Снижение размера ущерба допустимо в случаях как полной, так и ограниченной материальной ответственности. Оценивая материальное положение работника, следует принимать во внимание его имущественное положение (размер заработка, иных основных и дополнительных доходов), его семейное положение (количество членов семьи, наличие иждивенцев, удержания по исполнительным документам) и т.п.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что по смыслу ст. 250 ТК РФ и разъяснений по ее применению, содержащихся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52, правила этой нормы о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, могут применяться судом при рассмотрении требований о взыскании с работника причиненного работодателю ущерба не только по заявлению работника, но и по инициативе суда. В случае, если такого заявления от работника не поступило, суду при рассмотрении дела с учетом ч. 2 ст. 56 ГПК РФ необходимо вынести на обсуждение сторон вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, и для решения этого вопроса оценить обстоятельства, касающиеся материального и семейного положения работника.

Однако судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела не учтены положения ст. 250 ТК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по применению данной нормы, в результате чего вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника (в данном случае с сотрудника органов внутренних дел), на обсуждение сторон не выносился и обстоятельства, связанные с личностью Е., его материальным и семейным положением, при определении размера взыскиваемой с него суммы материального ущерба в пользу органа внутренних дел в порядке регресса не устанавливались. В нарушение ч. 2 ст. 56 и ч. 1 ст. 196 ГПК РФ судебные инстанции не определили эти обстоятельства в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки судов.

При разрешении спора Е. указывал на то, что он проходит службу в органах внутренних дел, оплата его труда фиксирована и ограничена денежным довольствием, иного дохода он не имеет, ежемесячно выплачивает содержание на несовершеннолетнего ребенка, а также вносит плату по кредитному обязательству, имеет семью и пожилых родителей, добровольно за свой счет понес расходы по восстановлению поврежденного служебного транспортного средства.

Между тем судебные инстанции данные доводы Е. не проверили.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 августа 2017 г. № 83-КГ17-12)*

**10. Продление срока службы сотруднику уголовно-исполнительной системы, достигшему предельного возраста пребывания на службе, исключает возможность его увольнения в связи с достижением предельного возраста по инициативе руководителя соответствующего учреждения или органа уголовно-исполнительной системы до истечения этого срока.**

С. обратилась в суд с иском к федеральному казенному учреждению ФСИН России о признании увольнения незаконным и восстановлении на службе.

В обоснование иска она указала на то, что проходила службу в органах уголовно-исполнительной системы, имела специальное звание подполковника внутренней службы и была уволена в декабре 2016 г. по п. “б” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (по достижении предельного возраста). С. полагала увольнение незаконным.

Решением областного суда в удовлетворении иска С. отказано.

Судом установлено, что в сентябре 2011 г. с истцом заключен контракт о службе в уголовно-исполнительной системе на неопределенный срок. В марте 2013 г. ответчиком после достижения С. предельного возраста пребывания на службе (45 лет) срок службы в уголовно-исполнительной системе был продлен С. до 1 марта 2018 г.

В октябре 2016 г. ответчиком С. было направлено предупреждение о предстоящем увольнении из уголовно-исполнительной системы по п. “б” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, в декабре 2016 г. С. была уволена со службы по указанному основанию.

Разрешая спор и отказывая С. в удовлетворении иска о признании увольнения незаконным и о восстановлении на службе в уголовно-исполнительной системе, суд первой инстанции исходил из того, что С. достигла предельного возраста пребывания на службе в органах уголовно-исполнительной системы, следст-

вие чего пришел к выводу о том, что у ответчика имелись основания для ее увольнения, порядок и сроки которого ответчиком соблюдены. При этом суд руководствовался Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и указал на то, что увольнение по достижении предельного возраста (п. “б” ч. 1 ст. 58 данного Положения) к числу оснований увольнения по инициативе начальника соответствующего органа не относится, поскольку осуществляется в силу закона, установившего возрастные ограничения пребывания на службе, и не зависит от воли сторон служебного контракта, наличие же на момент увольнения С. контракта о службе в уголовно-исполнительной системе, заключенного на неопределенный срок, а также оставление ее на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет обстоятельствами, препятствующими ее увольнению в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе, не являются.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ приведенные выводы суда первой инстанции признала не основанными на нормах материального права, подлежащих применению к спорным отношениям, в связи со следующими.

Основания и порядок увольнения сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы урегулированы Положением о порядке прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации и Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (ч. 3 ст. 24 Закона РФ “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”, п. 4 Указа Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. № 1100 “О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации”, ч. 1 ст. 21 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы”).

Согласно п. “б” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы по достижении предельного возраста, установленного ст. 59 данного Положения.

В соответствии с п. “а” ч. 2 ст. 59 Положения сотрудники органов внутренних дел, имеющие специальные звания среднего, старшего и высшего начального состава, в зависимости от присвоенных им специальных званий могут состоять на службе в органах внутренних дел до достижения определенного возраста, в частности подполковники внутренней службы — до достижения возраста 45 лет.

Частью 3 ст. 59 Положения также предусмотрено, что сотрудники органов внутренних дел, достигшие предельного возраста, установленного данной статьей для службы в органах внутренних дел, подлежат увольнению, за исключением случаев, предусмотренных законом и данным положением.

В интересах службы при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний сотрудники органов внутренних дел в персональном порядке и с их согласия могут быть оставлены на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет начальниками, которым предоставлено право назначения на должности этих сотрудников (ч. 4 ст. 59 Положения).

В исключительных случаях срок оставления на службе сотрудников органов внутренних дел из числа лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава может быть продлен в таком же порядке повторно на пять лет (ч. 5 ст. 59 Положения).

Решение о продлении срока оставления на службе не исключает возможности увольнения сотрудника органов внутренних дел по основаниям, предусмотренным Положением (ч. 6 ст. 59 Положения).

Частью 4 ст. 21 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» было установлено, что сотрудники органов внутренних дел, оставленные на службе решением начальника соответствующего органа внутренних дел сверх предельного возраста, предусмотренного ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, продолжают службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы с учетом срока продления.

Из приведенных норм материального права в их системной взаимосвязи следует, что по общему правилу сотрудник учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, достигший предельного возраста пребывания на службе, подлежит увольнению. Вместе с тем в интересах службы по решению начальника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, которому предоставлено право назначения на соответствующие должности, срок службы сотрудника с его согласия при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний может быть продлен на срок до пяти лет. В случае продления сотруднику, достигшему предельного возраста, срока пребывания на службе он продолжает службу в учреждениях или органах уголовно-исполнительной системы с учетом срока продления, что исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе руководителя соответствующего учреждения или органа уголовно-исполнительной системы по п. «б» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (в связи с достижением предельного возраста).

Как установлено судом первой инстанции, после достижения С. предельного возраста пребывания на службе действие контракта о службе в уголовно-исполнительной системе, заключенного с ней на неопределенный срок, ответчиком по п. «б» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (в связи с достижением предельного возраста) прекращено не было, срок службы С. сверх установленного предельного возраста был продлен уполномоченным руководителем в марте 2013 г. до марта 2018 г. и на момент принятия ответчиком решения об увольнении С. по п. «б» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации этот срок не истек.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод суда первой инстанции о том, что оставление С. на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет не препятствовало ее увольнению по п. «б» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (по достижении предельного возраста), не основанным на законе ввиду неправильного толкования судом первой инстанции норм материального права, регулирующих основания увольнения сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, достигших предельного возраста, которым решением начальника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы контракт был продлен.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о незаконности и необоснованности решения суда первой инстанции, отменила его и приняла по делу новое решение об удовлетворении исковых требований С.

*(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)*

**11. Если при рассмотрении спора о восстановлении на службе сотрудника федеральной противопожарной службы, уволенного в связи с несоответствием замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии, суд придет к выводу о допущенном нарушении установленного порядка проведения аттестации, сотрудник подлежит восстановлению на службе.**

Д. обратился в суд с иском к МЧС России о признании незаконными и об отмене приказа об увольнении, протокола аттестационной комиссии, а также о восстановлении на службе в федеральной противопожарной службе.

В обоснование исковых требований Д. ссылался на то, что он проходил службу в федеральной противопожарной службе в должности заместителя начальника управления МЧС России и был уволен со службы приказом ответчика в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 83 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии. По мнению Д., оснований для его увольнения не имелось, поскольку ответчиком нарушен порядок проведения аттестации, с мотивированным отзывом, а также с аттестационным листом (аттестацией) до представления его соответствующему руководителю он ознакомлен не был.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований Д. было отказано.

Судом установлено, что согласно протоколу заседания Центральной аттестационной комиссии МЧС России (далее — ЦАК МЧС России) от 18 января 2017 г. проведена внеочередная аттестация Д., по результатам которой принято решение рекомендовать руководству МЧС России расторгнуть контракт с истцом в связи с несоответствием его замещаемой должности в федеральной противопожарной службе.

Приказом МЧС России Д. уволен со службы в федеральной противопожарной службе в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 83 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ в связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии.

Разрешая спор и отказывая Д. в удовлетворении заявленных исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что порядок и сроки проведения в отношении истца внеочередной аттестации, предусмотренные Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ, ответчиком были соблюдены, аттестационный лист и мотивированный отзыв на Д. подписаны лицом, имеющим для этого полномочия, нарушений при проведении аттестации допущено не было. По мнению суда первой инстанции, ввиду наличия решения аттестационной комиссии о несоответствии Д. замещаемой им должности в федеральной противопожарной службе у ответчика имелись основания для увольнения истца по указанному основанию.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами суда первой инстанции о законности увольнения Д. со службы в федеральной противопожарной службе, указав, что судом неправильно применены нормы материального права, регулирующие спорные отношения сторон, в связи со следующим.

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 83 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ контракт может быть расторгнут и сотрудник федеральной противопожар-

ной службы может быть уволен со службы в федеральной противопожарной службе в связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии.

В силу ч. 1 ст. 33 Закона аттестация сотрудника федеральной противопожарной службы проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 33 указанного Закона внеочередная аттестация сотрудника федеральной противопожарной службы проводится, в частности, при решении вопроса о прекращении сотрудником службы в федеральной противопожарной службе в связи с расторжением контракта в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 83 этого Федерального закона.

В соответствии с ч. 10 ст. 33 названного Закона аттестация проводится, как правило, в присутствии сотрудника федеральной противопожарной службы. В случае неявки на аттестацию без уважительных причин или отказа от аттестации сотрудник привлекается к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст.ст. 49 и 51 данного Федерального закона, а его аттестация переносится.

При проведении аттестации непосредственный руководитель (начальник) сотрудника федеральной противопожарной службы подготавливает мотивированный отзыв о выполнении сотрудником своих служебных обязанностей с предложениями для аттестационной комиссии. С указанным отзывом сотрудник должен быть ознакомлен не менее чем за пять календарных дней до проведения аттестации.

По результатам аттестации сотрудника федеральной противопожарной службы аттестационная комиссия вправе принять рекомендацию, в частности, о том, что сотрудник не соответствует замещаемой должности и подлежит увольнению со службы в федеральной противопожарной службе (п. 6 ч. 13 ст. 33 Закона).

Аттестационный лист сотрудника федеральной противопожарной службы представляется руководителю федерального органа исполнительной власти в области пожарной безопасности или уполномоченному руководителю, которые с учетом рекомендаций аттестационной комиссии не позднее чем через две недели после проведения аттестации сотрудника принимают решение в том числе о расторжении с сотрудником контракта и об увольнении его со службы в федеральной противопожарной службе (п. 7 ч. 16 ст. 33 Закона).

В силу ч. 17 ст. 33 Федерального закона сотрудник федеральной противопожарной службы вправе обжаловать рекомендации аттестационной комиссии и (или) принятое по результатам аттестации решение руководителя в соответствии со ст. 73 указанного Федерального закона.

Разделом IX Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденной приказом МЧС России от 3 ноября 2011 г. № 668 (далее — Инструкция от 3 ноября 2011 г.), определен порядок проведения аттестации сотрудников.

Согласно п. 59 названной Инструкции основными задачами аттестации сотрудников являются: максимально объективная и полная оценка нравственных, деловых, личных и профессиональных качеств, знаний, умений и навыков аттестуемых на основе глубокого и всестороннего их изучения; определение степени соответствия аттестуемых сотрудников занимаемым должностям и перспективы их служебного использования; формирование кадрового резерва на выдвижение и выявление возможности ротации кадров;

формирование стимулов для развития служебной профессиональной активности аттестуемых.

Пунктом 62 Инструкции от 3 ноября 2011 г. установлено, что руководители организаций МЧС России обязаны обеспечивать проведение аттестации на высоком организационном уровне, в обстановке принципиальности и доброжелательности, широкой гласности, при строгом соблюдении объективности в оценке аттестуемых.

В силу п. 66 указанной Инструкции руководители, готовящие аттестации на сотрудников, обязаны: проанализировать прохождение службы аттестуемыми, состояние дел на порученном им участке служебной деятельности, условия, в которых они проходят службу; провести предварительную беседу с аттестуемыми сотрудниками; дать оценку качествам, определяющим нравственный облик, профессиональное мастерство аттестуемых, а также состояние их подготовленности к выполнению должностных обязанностей с учетом итогов профессиональной подготовки; отметить качества, на которые необходимо обратить особое внимание аттестуемых в целях устранения недостатков, выявленных в их деятельности и поведении; подготовить согласованный с представителями кадрового подразделения текст аттестации с указанием о степени соответствия аттестуемого занимаемой должности и перспективе его дальнейшего использования, подписать аттестацию; не позднее чем в трехдневный срок до проведения аттестации ознакомить под роспись аттестуемого с текстом аттестации и заключением по ней. При несогласии аттестуемого с ее содержанием или заключением по ней аттестуемый собственноручно пишет об этом в соответствующем разделе аттестации.

Абзацем 4 п. 69 Инструкции от 3 ноября 2011 г. также определено, что аттестуемый имеет право предоставить в аттестационную комиссию дополнительные сведения о своей служебной деятельности за период, предшествующий аттестации, а также рапорт о своем несогласии с представленным текстом аттестации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, учитывая приведенные нормативные положения, указала, что в системе действующего правового регулирования аттестация сотрудников федеральной противопожарной службы является специальным правовым инструментом (процедурой), использование которого позволяет определить соответствие сотрудника федеральной противопожарной службы замещаемой должности с точки зрения его деловых и личных качеств. При этом внеочередная аттестация является обязательным элементом порядка досрочного увольнения сотрудника с федеральной противопожарной службы, поскольку при соблюдении оснований, правил и сроков ее проведения способна обеспечить необходимую степень полноты, объективности и всесторонности при оценке невозможности продолжения с сотрудником служебных отношений и обоснованности его досрочного увольнения со службы.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П отмечено, что объективность выводов аттестационной комиссии, равно как и соблюдение прав и законных интересов лица, подлежащего аттестации, обеспечивается помимо прочего предоставлением ему возможности ознакомиться с аттестационным листом, заявить в письменной форме о своем несогласии с отзывом о своей служебной деятельности, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии (в установленных случаях), обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации как вышестоящему руководителю, так и в суд, что позволяет избежать принятия произвольного, необоснованного решения о досрочном увольнении со службы.

Суд первой инстанции при разрешении спора по требованиям истца не применил в системной взаимосвязи и совокупности изложенные выше нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, не дал с их учетом надлежащую оценку обстоятельствам дела, касающимся порядка проведения аттестации и последовавшего увольнения Д. со службы в федеральной противопожарной службе, регламентированного Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ.

Как установлено судом первой инстанции, основанием к проведению внеочередной аттестации Д. послужило решение коллегии МЧС России от 18 января 2017 г., которым постановлено рассмотреть на заседании ЦАК МЧС России служебную деятельность Д. за 2016 год.

Мотивированный отзыв (без указания даты его составления) о выполнении Д. своих служебных обязанностей с предложением для ЦАК МЧС России о рассмотрении вопроса о соответствии его замещаемой должности по результатам служебной деятельности за 2016 год, а также аттестация (аттестационный лист) подготовлены заместителем начальника управления — начальником отдела управления МЧС России.

В аттестационном листе и мотивированном отзыве указано на серьезные и систематические недостатки в служебной деятельности Д.

Согласно извещению от 13 января 2017 г. департаментом кадровой политики МЧС России было направлено уведомление на имя начальника управления — непосредственного руководителя Д. о проведении заседания ЦАК МЧС России 18 января 2017 г. и рассмотрении вопроса о результатах служебной деятельности Д. за 2016 год. При этом начальнику управления было указано прибыть лично и организовать прибытие Д. в установленном порядке. Сведений о том, что на заседании ЦАК МЧС России будет рассматриваться вопрос об аттестации истца, указанное извещение не содержит.

Между тем в нарушение требований ч. 11 ст. 33 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ Д. не был ознакомлен с мотивированным отзывом о выполнении им своих служебных обязанностей и с предложениями для аттестационной комиссии не менее чем за пять календарных дней до проведения аттестации, чем существенно нарушены его права, связанные с предоставлением возможности подготовиться к заседанию аттестационной комиссии, предоставить дополнительные сведения о своей служебной деятельности за период, предшествующий аттестации, а также рапорт о своем несогласии с представленным текстом аттестации.

В заседании ЦАК МЧС России 18 января 2017 г., на котором рассматривался вопрос о внеочередной аттестации Д., он не участвовал, поскольку в указанный период находился на стационарном лечении в медицинском учреждении.

В соответствии с протоколом заседания ЦАК МЧС России от 18 января 2017 г. причины неявки Д. на заседание аттестационной комиссии не выяснились, вопрос о привлечении истца к дисциплинарной ответственности в соответствии с ч. 10 ст. 33 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ, а также о переносе аттестации не обсуждался.

Кроме того, Д. не был ознакомлен в трехдневный срок с утвержденной аттестацией, в связи с чем был лишен возможности в силу ч. 17 ст. 33 указанного Закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ обжаловать выводы по утвержденной аттестации.

Вследствие этого Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что внеочередная аттестация Д. как противоречащая требованиям нормативных положений, регули-

рующих порядок ее проведения, не может быть признана законной, равно как и увольнение со службы истца по результатам аттестации, что судом первой инстанции не принято во внимание.

Выводы суда первой инстанции о соблюдении ответчиком порядка проведения аттестации Д. и его увольнения со службы в федеральной противопожарной службе в связи с несоответствием замещаемой должности признаны Судебной коллегией ошибочными и основанными на неправильном применении и толковании норм материального права.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводам о том, что увольнение Д. со службы в федеральной противопожарной службе не соответствует требованиям Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ и имеются основания для признания незаконными и отмены приказов МЧС России об увольнении Д. со службы на основании рекомендации аттестационной комиссии, в связи с чем отменила решение суда первой инстанции и приняла по делу новое решение об удовлетворении исковых требований Д.

*(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)*

**12. Сотрудник может быть уволен со службы в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при условии, что на него ранее наложено дисциплинарное взыскание в письменной форме и на момент повторного неисполнения им без уважительных причин должностных обязанностей оно не снято и не погашено.**

П. обратился в суд с иском к УФСИН России по субъекту Российской Федерации о признании незаконными и об отмене заключения служебной проверки, приказов о привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы, восстановлении на службе в ранее занимаемой должности.

В обоснование требований П. указал, что проходил службу в должности начальника филиала федерального казенного учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации (далее — учреждение УФСИН России по субъекту Российской Федерации).

Приказом ответчика от 28 августа 2013 г. П. объявлен выговор за допущенные нарушения служебной дисциплины.

На основании приказов ответчика от 28 и 29 августа 2013 г. П. был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения и уволен с занимаемой должности по п. “о” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, наложение которого осуществлено в письменной форме). По мнению П., при привлечении его к дисциплинарной ответственности ответчиком нарушен порядок применения дисциплинарного взыскания.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований П. отказано.

Судом установлено, что в ходе служебной проверки, проведенной учреждением УФСИН России по субъекту Российской Федерации в связи с поступлением 30 января 2013 г. представления прокуратуры об устранении нарушений уголовно-исполнительного законодательства в деятельности филиала данного учреждения, были выявлены факты неисполнения П. указания руководителя учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации.

14 февраля 2013 г. на имя начальника учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации поступил рапорт старшего инспектора филиала названного учреждения, в котором было указано, что 13 февраля 2013 г. П. осуществил несанкционированное изъятие и вынос личных дел осужденных, за которыми он осуществляет контроль.

По данному факту УФСИН России по субъекту Российской Федерации была проведена служебная проверка, в заключении по результатам которой установлены обстоятельства неисполнения П. должностных обязанностей и игнорирования требований приказа Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 “Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества”. За нарушение П. служебной дисциплины рекомендовано привлечь его к дисциплинарной ответственности после выхода на службу и рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего прохождения им службы.

В период с февраля по август 2013 г. П. не исполнял должностные обязанности в связи с временной нетрудоспособностью, приступил к их исполнению 24 августа 2013 г., 26 августа 2013 г. по указанному факту П. были даны объяснения.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 августа 2013 г. за нарушение служебной дисциплины, выразившееся в неисполнении указания руководителя учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации и требований должностной инструкции, П. был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 августа 2013 г. за допущенное 13 февраля 2013 г. нарушение служебной дисциплины при исполнении наказаний в отношении осужденных без изоляции их от общества, неисполнение требований должностной инструкции, приказа Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 П. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы из органов уголовно-исполнительной системы.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 29 августа 2013 г. П. уволен со службы из органов уголовно-исполнительной системы по п. “о” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, наложение которого осуществлено в письменной форме).

Отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции исходил из того, что порядок привлечения истца к дисциплинарной ответственности ответчиком соблюден, увольнение П. произведено в соответствии с требованиями вышеназванного Положения.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда решение районного суда отменено в части отказа П. в удовлетворении исковых требований о признании незаконными приказов об привлечении к дисциплинарной ответственности, об увольнении со службы и о восстановлении на службе, принято новое решение об удовлетворении указанных требований.

Суд апелляционной инстанции признал незаконными приказы УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 и 29 августа 2013 г. и восстановил П. в занимаемой должности.

Отменяя решение суда первой инстанции в указанной части и принимая новое решение об удовлетворении указанных требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что оснований для увольнения П. за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания у ответчика не имелось, поскольку на момент издания приказа УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 августа 2013 г. о привлечении П. к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы и приказа УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 29 августа 2013 г. об увольнении его со службы по п. “о” ч. 1 ст. 58 Положения о службе

в органах внутренних дел Российской Федерации у П. не имелось неснятых и непогашенных дисциплинарных взысканий.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала приведенные выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном применении норм материального права, указав следующее.

В соответствии со ст. 38 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации за нарушение служебной дисциплины на сотрудников могут налагаться следующие виды взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, понижение в должности, снижение в специальном звании на одну ступень, лишение нагрудного знака, увольнение.

В силу ч. 15 ст. 39 Положения дисциплинарное взыскание, наложенное на сотрудника органов внутренних дел приказом, считается снятым, если в течение года со дня его наложения этот сотрудник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию.

Пунктом “о” ч. 1 ст. 58 названного Положения установлено, что сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, наложение которого осуществлено в письменной форме.

Из содержания приведенных нормативных положений, в частности, следует, что сотрудник органов уголовно-исполнительной системы может быть уволен со службы в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при условии, что к нему ранее было применено дисциплинарное взыскание и на момент повторного неисполнения им без уважительных причин должностных обязанностей оно не снято и не погашено.

Судом установлено, что П. 14 августа 2012 г. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде замечания за осуществление слабого контроля за работой подчиненных сотрудников, недобросовестное исполнение требований должностной инструкции.

13 февраля 2013 г. имел место факт совершения П. дисциплинарного проступка в виде осуществления несанкционированного изъятия и выноса из служебного помещения личных дел осужденных.

В период с февраля по август 2013 г. П. не исполнял должностные обязанности по причине временной нетрудоспособности. К исполнению должностных обязанностей П. приступил 24 августа 2013 г. и 28 августа 2013 г. был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что суду апелляционной инстанции для правильного разрешения спора следовало установить юридически значимые обстоятельства, а именно, являлось ли ранее наложенное на истца дисциплинарное взыскание в виде замечания 14 августа 2012 г. погашенным на момент повторного неисполнения П. без уважительных причин должностных обязанностей 13 февраля 2013 г.

Однако суд апелляционной инстанции в результате неправильного толкования норм материального права, регулирующих спорные отношения, эти обстоятельства при разрешении дела не устанавливал, не определил их в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки суда.

С учетом указанных обстоятельств Судебная коллегия признала неправомерным вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии у ответчика оснований для увольнения П. по п. “о” ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Феде-

рации за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, отменила апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда и направила дело на новое апелляционное рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 октября 2015 г. № 19-КГ15-22)*

**13. При проведении организационно-штатных мероприятий в территориальном органе федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделении сотрудников органов внутренних дел подлежит зачислению в распоряжение органа внутренних дел. Вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел или о расторжении с ним контракта при проведении организационно-штатных мероприятий относится к компетенции уполномоченного руководителя.**

Г. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконными приказов о зачислении его в распоряжение органа внутренних дел и об увольнении со службы в органах внутренних дел, а также о восстановлении на службе.

В обоснование иска Г. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, занимал должность заместителя начальника отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, в связи с реорганизацией подразделений территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации был зачислен в его распоряжение и уволен со службы на основании п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником). Г. полагал, что у ответчика не имелось законных оснований для его зачисления в распоряжение и увольнения, поскольку его должность сокращена не была, на нее назначен другой сотрудник.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, исковые требования Г. удовлетворены частично. Приказ территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации в части зачисления Г. в распоряжение органа внутренних дел и приказ об увольнении Г. из органов внутренних дел признаны незаконными. Истец восстановлен в ранее занимаемой должности.

Судом установлено, что во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 300 “О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации” об осуществлении организационно-штатных изменений в системе МВД России ответчиком издан приказ о сокращении должностей в подразделениях территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации.

Согласно данному приказу подразделение, в котором проходил службу истец, подлежало реорганизации, а все должности данного подразделения подлежали сокращению. В указанном подразделении введено новое штатное расписание.

Приказом руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации Г. зачислен в распоряжение органа внутренних дел в соответствии с п. 1 ч. 10 ст. 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (зачисление сотрудника органов внутренних дел в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения в случае упразднения (ликвидации) территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделения либо сокращения замещаемой сотрудником должности в органах внутренних дел).

Заключением аттестационной комиссии Г. признан не соответствующим замещаемой должности в органах внутренних дел, внесено предложение о его увольнении со службы. Приказом руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации Г., находящийся в распоряжении органа внутренних дел, уволен из органов внутренних дел по п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Г., суд первой инстанции исходил из того, что сокращения должности, которую занимал истец до зачисления в распоряжение органов внутренних дел, не проведено, в связи с этим, по мнению суда первой инстанции, не имелось оснований для зачисления истца в распоряжение органа внутренних дел и для последующего увольнения Г. со службы по указанному основанию.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что при рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций допущены нарушения норм материального права, которые выразились в следующем.

Согласно ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ назначение на должности рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава осуществляется руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем в порядке, определяемом этим Федеральным законом, Федеральным законом “О полиции” и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Частью 2 ст. 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ предусмотрено, что при реорганизации федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения либо изменении их структуры правоотношения с сотрудником органов внутренних дел, замещающим должность в федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальном органе или подразделении, могут быть прекращены в случае сокращения должности в органах внутренних дел.

В соответствии с ч. 9 ст. 36 указанного Закона для решения вопроса об условиях дальнейшего прохождения сотрудником органов внутренних дел службы в органах внутренних дел или о ее прекращении Президент Российской Федерации, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель может освободить сотрудника от замещаемой должности в органах внутренних дел. Сотрудник, освобожденный от замещаемой должности, может быть зачислен в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения. При этом сохраняются установленные названным Федеральным законом правовое положение (статус), гарантии социальной защиты сотрудника и правоотношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел, за исключением выполнения сотрудником обязанностей и наделения его правами, которые установлены должностным регламентом (должностной инструкцией).

Частью 2 ст. 10 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ предусмотрено, что сотрудник органов внутренних дел может проходить службу в органах внутренних дел в случае его зачисления в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа, подразделения. При этом сотрудник не замещает должность в органах внутренних дел.

Порядок зачисления в распоряжение и нахождения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в распоряжении органов внутренних дел Российской Федерации утвержден приказом МВД России от 31 января 2013 г. № 54.

В соответствии с п. 3 названного Порядка зачисление сотрудников в распоряжение МВД России, территориальных органов, организаций, подразделений МВД России допускается в случаях, предусмотренных ч. 10 ст. 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

Согласно п. 1 ч. 10 ст. 36 указанного Закона зачисление сотрудника органов внутренних дел в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения допускается в случае упразднения (ликвидации) территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделения либо сокращения замещаемой сотрудником должности в органах внутренних дел.

В силу ч. 18 ст. 36 Закона руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель в срок, установленный для нахождения сотрудника органов внутренних дел в распоряжении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, после уведомления сотрудника о сокращении или о возможном расторжении контракта и увольнении со службы в органах внутренних дел решает вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел в соответствии со ст. 30 Закона либо о расторжении с ним контракта в соответствии со ст. 82 Закона.

Пунктом 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ предусмотрено, что контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником.

Из приведенных положений Закона следует, что при проведении организационно-штатных мероприятий в территориальном органе федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделении сотрудник органов внутренних дел подлежит зачислению в распоряжение органа внутренних дел, такой сотрудник считается продолжающим службу в органах внутренних дел. При этом сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в связи с сокращением его должности в органах внутренних дел, вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел либо о расторжении с ним контракта решается руководителем федерального органа исполнительной власти или уполномоченным руководителем.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что, поскольку на основании Указа Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 300 “О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации” и приказа территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации об организационно-штатных изменениях в подразделениях органов внутренних дел в подразделении, где Г. проходил службу, произошли структурные изменения, в соответствии с которыми все имеющиеся в этом подразделении должности подлежали сокращению, а сотрудники — зачислению в распоряжение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что долж-

ность истца не была сокращена, противоречит установленным по делу обстоятельствам.

Зачисление истца в распоряжение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации произведено во исполнение названного выше Указа Президента Российской Федерации, а также приказа территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации и соответствует положениям чч. 2, 9, 10, 18 ст. 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, регулирующих возникшие отношения.

Судебная коллегия пришла к выводу о том, что судебные инстанции, признавая приказ о зачислении истца в распоряжение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации незаконным, не учли указанные правовые нормы, подлежащие применению в данном случае в их взаимосвязи и совокупности.

Поскольку на руководителей подразделений территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации была возложена обязанность произвести комплектование должностей по новому штатному расписанию и принимая во внимание, что Г. заключением аттестационной комиссии признан не соответствующим замещаемой должности в органах внутренних дел, руководитель территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации принял решение об увольнении истца со службы и о принятии на новую должность заместителя начальника отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации другого сотрудника. Эти действия руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации соответствуют положениям пп. 1, 3 ч. 1, п 3 ч. 2 ст. 75 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, закрепляющей принципы и основные направления формирования кадрового состава органов внутренних дел, в том числе обязательный профессиональный отбор при равном доступе граждан к службе в органах внутренних дел; назначение сотрудников органов внутренних дел на должности с учетом уровня их квалификации, заслуг в служебной деятельности, личных и деловых качеств; оценку результатов служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел путем проведения аттестации.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что у судов первой и апелляционной инстанций не имелось правовых оснований для признания приказа об увольнении Г. незаконным и о восстановлении истца на службе, в связи с чем отменила состоявшиеся по делу судебные акты и приняла новое решение, которым Г. отказано в удовлетворении исковых требований.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 сентября 2015 г. № 20-КГ15-9)*

**14. В случае сокращения должности, замещаемой сотрудником органов внутренних дел, на федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган или подразделение возложена обязанность предлагать такому сотруднику равноценную или нижестоящую должность.**

**Перевод сотрудника органа внутренних дел на вышестоящую должность, в том числе в связи с сокращением замещаемой сотрудником должности, является правом, а не обязанностью органа внутренних дел.**

П. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации о восстановлении на службе.

В обоснование заявленных требований П. указал, что проходил службу в органах внутренних дел в

должности начальника отдела территориального органа внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Приказом ответчика П. был уволен со службы по п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником. По мнению П., увольнение являлось незаконным ввиду нарушения процедуры его увольнения, выразившегося в том, что ему ответчиком не были предложены имевшиеся на тот момент равнозначные занимаемой или вышестоящие должности.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, исковые требования П. удовлетворены, он восстановлен на службе в органах внутренних дел.

Судом установлено, что в результате проведения организационно-штатных мероприятий замещаемая истцом должность была сокращена.

20 октября 2014 г. П. был предупрежден о предстоящем увольнении из органов внутренних дел по п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, и с 1 января 2015 г. П. освобожден от замещаемой должности и зачислен в распоряжение органа внутренних дел.

П. была предложена для замещения должность начальника реорганизованного отделения территориального органа внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, однако от предложенной должности П. отказался. Также П. был ознакомлен со списками вакантных должностей руководителей территориальных органов и подразделений органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, согласия на замещение которых П. выражено не было.

Приказом ответчика от 29 июля 2015 г. П. уволен со службы по п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования П. о восстановлении его на службе в органах внутренних дел, суд первой инстанции исходил из того, что в период с 20 октября 2014 г. по 29 июля 2015 г. в территориальном органе внутренних дел по субъекту Российской Федерации имелись вакантные должности, равнозначные занимаемой истцом, и вышестоящие вакантные должности, которые не были предложены П., в связи с чем пришел к выводу о нарушении процедуры увольнения П. со службы в органах внутренних дел по п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. При этом суд указал на то, что ст. 36 названного Закона предусмотрена обязанность руководителя решить вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел, и того, что эта иная должность должна быть равнозначной или нижестоящей по отношению к ранее занимаемой, данная норма Закона не содержит.

Суд апелляционной инстанции согласился с этими выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ нашла указанные выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные правоотношения, указав следующее.

В соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в органах внутренних дел является сокращение

должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником.

Пунктом 1 ч. 1 и ч. 4 ст. 36 этого Федерального закона установлено, что при сокращении должностей в органах внутренних дел правоотношения с сотрудником органов внутренних дел, замещающим сокращаемую должность, продолжают существовать в случае предоставления сотруднику с учетом уровня его квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности возможности замещения иной должности в органах внутренних дел. Сотрудник органов внутренних дел в случае отказа от предложенной ему для замещения иной должности в органах внутренних дел либо от направления на обучение по дополнительным профессиональным программам освобождается от замещаемой должности и увольняется со службы в органах внутренних дел. В этом случае контракт с сотрудником расторгается в соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 82 данного Закона.

Согласно чч. 1, 2 ст. 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ перевод сотрудника органов внутренних дел в случаях, установленных федеральным законом, на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел, в другую местность либо в связи с его зачислением в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел допускается с согласия сотрудника, выраженного в письменной форме, если иное не предусмотрено поименованным Федеральным законом.

Должностью в органах внутренних дел считается вышестоящей, если для нее предусмотрено более высокое специальное звание, чем специальное звание по прежней должности в органах внутренних дел, а при равенстве специальных званий — более высокий должностной оклад.

Должностью в органах внутренних дел считается равнозначной, если для нее предусмотрены специальное звание и должностной оклад, равные специальному званию и должностному окладу по прежней должности в органах внутренних дел (ч. 4 ст. 30 Федерального закона).

Должностью в органах внутренних дел считается нижестоящей, если для нее предусмотрено более низкое специальное звание, чем специальное звание по прежней должности в органах внутренних дел, а при равенстве специальных званий — более низкий должностной оклад (ч. 6 ст. 30 Закона).

В соответствии с ч. 3 ст. 30 указанного Закона перевод сотрудника органов внутренних дел на вышестоящую должность рядового состава, младшего, среднего или старшего начальствующего состава осуществляется по результатам аттестации и (или) конкурса, за исключением случаев, если назначение сотрудника на вышестоящую должность в органах внутренних дел осуществляется из кадрового резерва, в котором он состоял в соответствии со ст. 78 данного Закона.

Как следует из содержания п. 4 ч. 5, п. 3 ч. 7 ст. 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, перевод сотрудника органов внутренних дел на равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел осуществляется в том числе в связи с сокращением замещаемой сотрудником должности.

Для решения вопроса об условиях дальнейшего прохождения сотрудником органов внутренних дел службы в органах внутренних дел или о ее прекращении Президент Российской Федерации, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель может освободить сотрудника от замещаемой должности в органах внутренних дел. Сотрудник, освобожден-

денный от замещаемой должности, может быть зачислен в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения. При этом сохраняются установленные данным Федеральным законом правовое положение (статус), гарантии социальной защиты сотрудника и правоотношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел, за исключением выполнения сотрудником обязанностей и наделения его правами, которые установлены должностным регламентом (должностной инструкцией) (ч. 9 ст. 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ).

Руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель в срок, установленный для нахождения сотрудника органов внутренних дел в распоряжении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, после уведомления сотрудника о сокращении или о возможном расторжении контракта и увольнении со службы в органах внутренних дел решает вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел в соответствии со ст. 30 названного Федерального закона либо о расторжении с ним контракта в соответствии со ст. 82 данного Федерального закона (ч. 18 ст. 36 Закона).

Из приведенных норм Закона следует, что контракт с сотрудником органов внутренних дел подлежит расторжению по п. 11 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником), если сотрудник был уведомлен о расторжении контракта не позднее чем за два месяца до увольнения, отсутствует возможность перевода сотрудника органа внутренних дел с учетом уровня его квалификации, образования, стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет), стажа (опыта) работы по специальности на другую должность или сотрудник органа внутренних дел отказался от перевода на другую должность.

При этом на федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган или подразделение законом возложена обязанность предложить сотруднику имеющиеся у него и отвечающие указанным выше требованиям вакантные равнозначные замещаемой сотрудником органов внутренних дел должности или нижестоящие должности.

Обязанности предлагать сотруднику органов внутренних дел в случае сокращения замещаемой им должности все имеющиеся в распоряжении органа внутренних дел вакантные должности, включая вышестоящие должности, законом на федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган или подразделение не возложено, что соответствует положениям ст. 75 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, закрепляющей принципы и основные направления формирования кадрового состава органов внутренних дел.

Перевод сотрудника органа внутренних дел на вышестоящую должность, в том числе в связи с сокращением замещаемой сотрудником должности, является правом, а не обязанностью федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. При этом такой перевод осуществляется в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что для решения вопроса о законности увольнения П. со службы в органах внутренних дел по п. 11 ч. 2 ст. 82 названного Закона юридически значимым, подлежащим выяснению и доказыванию с учетом содержания спорных правоотношений

сторон и основания заявленного П. иска являлось установление обстоятельств соблюдения ответчиком процедуры увольнения П. со службы, в частности, исполнена ли должным образом обязанность по предложению П. имеющихся в распоряжении органа внутренних дел вакантных равнозначных или нижестоящих должностей, соответствующих уровню квалификации, образованию и стажу службы, опыту работы П. по специальности.

Между тем суд первой инстанции, разрешая спор по требованиям П. о восстановлении его на службе в органах внутренних дел, неправильно применил и истолковал нормы материального права, регулирующие спорные отношения, вследствие чего пришел к ошибочному выводу о том, что при увольнении сотрудника органа внутренних дел по указанному основанию орган внутренних дел обязан предлагать сотруднику все имеющиеся вакантные должности, в том числе и вышестоящие по отношению к замещаемой сотрудником органов внутренних дел.

Судом первой инстанции также не принято во внимание и не дана оценка тому обстоятельству, что П. неоднократно предлагались для замещения вакантные должности, на замещение которых он согласия не выразил со ссылкой на обязанность ответчика предлагать ему только равнозначные или вышестоящие должности. П. предлагалась вакантная должность начальника отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, которая является вышестоящей по отношению к ранее занимаемой П. должности, согласия на ее замещение П. также не дал.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала незаконными состоявшиеся по делу судебные постановления, отменила их и направила дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 октября 2016 г. № 14-КГ16-15)*

**15. В связи с прекращением допуска сотрудника органов внутренних дел к сведениям, составляющим государственную тайну, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель обязан предложить такому сотруднику перевод на вакантные равнозначные или нижестоящие должности, не требующие допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.**

В. обратился в суд с иском к управлению территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации о восстановлении на службе.

В обоснование заявленных требований В. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, по роду своей служебной деятельности и должностным обязанностям был допущен к сведениям, составляющим государственную тайну. Ответчиком ему прекращен доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, и он временно отстранен от занимаемой должности. Контракт с В. был расторгнут, и он уволен со службы в органах внутренних дел по п. 21 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в связи с прекращением допуска сотрудника к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей требует допуска к таким сведениям). В. полагал, что в связи с прекращением ему необходимого для выполнения служебных обязанностей допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, он подлежал переводу на равнозначную или нижестоящую должность в отделе внутренних дел и мог быть уволен только при невозможности его перевода на иную должность в органах внутренних дел или его отказе от такого перевода.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной колле-

гии по гражданским делам краевого суда, в удовлетворении исковых требований В. отказано.

Судом установлено, что ответчиком В. за допущенные им нарушения режима секретности прекращен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, и он отстранен от занимаемой должности, в связи с чем В. неоднократно обращался с рапортами к руководству управления, в которых просил перевести его на равнозначную должность, для занятия которой не требуется допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, а при невозможности такого перевода — на нижестоящую должность.

В ответ на указанные обращения В. предложено самостоятельно изыскать должность для перевода и предоставить соответствующий рапорт в территориальный орган внутренних дел Российской Федерации. Кроме того, истцу разъяснено, что при увольнении по п. 21 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ не предусмотрено обязанности руководства органа внутренних дел по предложению вакантных должностей увольняемому сотруднику, после чего В. был уволен со службы по указанному основанию.

Разрешая спор и отказывая В. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о законности его увольнения ответчиком со службы по п. 21 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, признав соблюденным установленный законом порядок увольнения. Суд исходил из того, что при решении вопроса о расторжении контракта в связи с прекращением допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не предусмотрена возможность перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность, в силу чего к возникшим отношениям не применимы положения ст. 30 этого Закона, регламентирующие перевод сотрудника органов внутренних дел.

Суд также указал, что перечень оснований увольнения, при которых сотруднику органов внутренних дел должна предлагаться другая работа, предусмотренный в ч. 7 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (пп. 8, 11 и 12 ч. 2 данной статьи), расширительному толкованию не подлежит.

С приведенными выводами согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ нашла указанные выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения сторон.

Статьей 23 Закона РФ «О государственной тайне» предусмотрено, что допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации в случаях, перечисленных в названной норме, в том числе в случае однократного нарушения им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

При этом в соответствии с этой же нормой Закона прекращение допуска должностного лица или гражданина к государственной тайне является дополнительным основанием для расторжения с ним трудового договора (контракта), если такие условия предусмотрены в трудовом договоре (контракте).

Статья 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ устанавливает основания прекращения или расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел. Частями 1—2 указанной статьи Закона (в ред. Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ) определены основания, при которых контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов

внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел (т.е. возможно увольнение со службы), чч. 3—4 соответственно — основания, при которых контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел (т.е. увольнение со службы обязательно).

Согласно п. 21 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с прекращением допуска сотрудника к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей требует допуска к таким сведениям.

Таким образом, из содержания ст. 82 Закона следует, что п. 21 ч. 2 ст. 82 данного Федерального закона не предусматривает безусловного расторжения контракта и увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы в органах внутренних дел в связи с прекращением необходимого для выполнения служебных обязанностей допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну.

В соответствии с п. 7 ч. 5 и п. 6 ч. 7 ст. 30 указанного Федерального закона сотрудник органов внутренних дел в связи с прекращением необходимого для выполнения служебных обязанностей допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, может быть переведен на равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел.

Согласно ч. 10 ст. 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ при невозможности перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность в органах внутренних дел или его отказе от такого перевода сотрудник подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел, за исключением случаев отказа от перевода по основаниям, предусмотренным ч. 3, пп. 1, 3 и 6 ч. 5, п. 2 ч. 7 и ч. 9 данной статьи. При этом контракт с сотрудником расторгается в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел, если иное не предусмотрено поименованным Федеральным законом. О невозможности перевода сотрудника кадровым подразделением федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения подготавливается соответствующее заключение. Отказ сотрудника от перевода оформляется рапортом. В случае отказа сотрудника подать рапорт составляется соответствующий акт.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с учетом приведенных положений Закона пришла к выводу о том, что при решении вопроса о возможности увольнения В. со службы в связи с прекращением ему допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, ответчик был обязан предложить В. перевод на вакантные равнозначные или нижестоящие должности, не требующие допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Поскольку п. 21 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ не предполагает возможности его произвольного применения, обоснованность увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы по основанию, предусмотренному им, должна быть предметом судебной проверки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что судебные инстанции, разрешая спор, не применили положений приведенных норм в их системной взаимосвязи, не проверили соблюдение ответчиком при увольнении В. следующей из предписаний закона указанной выше обязанности, несмотря на то, что от перевода на иную должность в

органах внутренних дел истец не отказывался, неоднократно обращался к руководству с соответствующими рапортами, выражая согласие на перевод как на равнозначную, так и нижестоящую должность, его контракт о прохождении службы содержал условие о согласии с возможностью перевода на другую равнозначную должность, в том числе в другую местность, а в случае отказа — с возможностью перевода в установленном порядке на нижестоящую должность или увольнения со службы.

В связи с изложенным Судебная коллегия признала состоявшиеся по делу судебные акты об отказе в удовлетворении требований В. незаконными, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 марта 2015 г. № 56-КГ14-13)*

**16. В случае совершения сотрудником органов внутренних дел проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, он подлежит безусловному увольнению со службы в органах внутренних дел, а контракт с ним — расторжению.**

А. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании увольнения незаконным и восстановлении на службе.

В обоснование требований А. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, был уволен из органов внутренних дел по п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. А. считал увольнение незаконным, поскольку подобного проступка он не совершал. При увольнении А. ответчиком не учтены соразмерность примененного взыскания совершенному проступку, отношение А. к исполнению служебных обязанностей, его характеристика.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, исковые требования А. удовлетворены.

Судом установлено, что основанием к увольнению А. со службы в органах внутренних дел послужило заключение служебной проверки территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, из которого следует, что 20 августа 2013 г. сотрудниками полиции задержан находившийся в отпуске А., который в грубой форме, выражаясь нецензурной бранью, требовал от наряда полиции не задерживать граждан Республики Узбекистан для проверки соблюдения правил въезда в Российскую Федерацию и режима проживания в Российской Федерации, угрожая принять меры к сотрудникам полиции после выхода из отпуска. По заключению служебной проверки А., нарушив положения Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138 (действовавшего в период возникновения спорных отношений), совершил проступок, порочащий честь сотрудника полиции, в связи с чем подлежит увольнению.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные А. требования, суд первой инстанции исходил из того, что совершенный истцом проступок порочит честь сотрудника правоохранительных органов, однако ответчиком при проведении служебной проверки в нарушение требований Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации не установлены объективно и всесторонне обстоятельства совершения проступка, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность сотрудника органов внутренних дел, мера ответственности в виде

увольнения применена к А. без учета тяжести совершенного проступка, степени вины, прежнего поведения истца и его отношения к службе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ нашла приведенные выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Согласно ч. 4 ст. 7 Федерального закона “О полиции” сотрудник полиции как в служебное, так и во внеслужебное время должен воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности или нанести ущерб авторитету полиции.

В соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ сотрудник органов внутренних дел обязан не допускать злоупотреблений служебными полномочиями, соблюдать установленные федеральными законами ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, а также соблюдать требования к служебному поведению сотрудника.

В силу п. 2 ч. 1 ст. 13 данного Федерального закона, предусматривающего требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел, при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти.

Согласно ч. 1 ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел законодательства Российской Федерации, дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 50 названного Закона на сотрудника органов внутренних дел в случае нарушения им служебной дисциплины может налагаться дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы в органах внутренних дел по соответствующим основаниям. Порядок и сроки применения к сотрудникам органов внутренних дел дисциплинарных взысканий установлены ст. 51 данного Федерального закона.

Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по

обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (Определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 566-О-О).

В силу п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

Из содержания приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи следует, что в случае совершения сотрудником органов внутренних дел проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, он подлежит безусловному увольнению, а контракт с ним — расторжению. Применение других мер ответственности в данном случае невозможно, поскольку закон не предоставляет руководителю органа внутренних дел права избрания для такого сотрудника иной, более мягкой, меры ответственности, чем увольнение из органов внутренних дел.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод судебных инстанций о несоразмерности примененного к А. дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы в органах внутренних дел не соответствующим положениям Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Факт совершения истцом проступка, порочащего честь сотрудника полиции, подтвержден заключением служебной проверки, порядок привлечения истца к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы ответчиком соблюден, поэтому оснований не применять к спорным отношениям п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ у судов первой и апелляционной инстанций не имелось.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

*(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 февраля 2015 г. № 45-КГ14-13; аналогичная правовая позиция содержится в определениях от 12 сентября 2014 г. № 45-КГ14-7, от 16 марта 2015 г. № 19-КГ14-25, от 4 июля 2015 г. № 70-КГ16-13, от 18 января 2016 г. № 74-КГ15-145, от 11 июля 2016 г. № 30-КГ16-4)*

*(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2017 г.)*

## **ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ “О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАССМОТРЕНИИ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 14 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ”**

**1. Осуществление обществом деятельности по реализации лекарственных препаратов (в том числе ветеринарного применения) в отсутствие лицензии и с грубым нарушением лицензионных требований подлежит квалификации по чч. 2 и 4 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.**

Прокурор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности, установленной чч. 2 и 4 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), предусматривающими административную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) и с грубым нарушением лицензионных требований.

В ходе проверки прокурор установил, что общество реализует лекарственные препараты без соответствующей лицензии и с нарушением правил их отпуска — без рецепта врача.

В отзыве на заявление общество указывало на то, что по смыслу положений Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности” (далее — Закон № 99-ФЗ) и п. 5 Положения о лицензировании фармацевтической деятельности, утвержденного постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1081 (далее — Положение о лицензировании № 1081), лицензионные требования являются обязательными исключительно для лиц, имеющих лицензию. Учитывая, что общество осуществляло свою деятельность без лицензии, его действия не могут быть квалифицированы по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за грубое нарушение лицензионных требований.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования прокурора, отметив следующее.

В силу п. 7 ст. 3 Закона № 99-ФЗ под лицензионными требованиями понимается совокупность требований, которые установлены положениями о лицензировании конкретных видов деятельности, основаны на соответствующих требованиях законодательства Российской Федерации и направлены на обеспечение достижения целей лицензирования.

Данное понятие в отличие от предусмотренного в ст. 2 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности” (утратил силу в связи с принятием Закона № 99-ФЗ) распространяется на лиц, которые обязаны иметь соответствующую лицензию при осуществлении деятельности, подлежащей лицензированию.

Пункт 5 Положения о лицензировании № 1081 содержит лишь перечень обязательных для осуществления фармацевтической деятельности требований, которым должен соответствовать лицензиат.

Вместе с тем это не означает, что данные требования не должны применяться к другим лицам, осуществляющим фармацевтическую деятельность.

Иное понимание Закона № 99-ФЗ приведет к ситуации, при которой лицо, осуществляющее лицензируемый вид деятельности, но не исполнившее обязанность по получению лицензии на ее ведение и совершившее нарушение лицензионных требований, будет освобождено от наказания. При этом общественная опасность совокупности совершенных лицом нарушений лицензионных требований может в значительной степени превышать общественную опасность действий, связанных с осуществлением деятельности без лицензии.

В такой ситуации освобождение лица от административной ответственности за нарушение лицензионных требований будет противоречить принципам со-

размерности наказания и его неотвратимости, равенства всех перед законом.

В соответствии с подп. “г” п. 5 и п. 6 Положения о лицензировании № 1081 нарушение правил отпуска лекарственных препаратов является грубым нарушением лицензионных требований.

Таким образом, учитывая, что общество осуществляло деятельность без лицензии и одновременно с грубым нарушением лицензионных требований, требования прокурора подлежат удовлетворению.

Арбитражный суд апелляционной инстанции оставил решение арбитражного суда без изменения.

**2. Осуществление лицом запрещенной для него лицензируемой деятельности с нарушением установленных правил ее ведения не препятствует квалификации данного деяния как по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ за осуществление деятельности без специального разрешения (лицензии), так и по статье Кодекса, предусматривающей ответственность за нарушение правил ее осуществления.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ и ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ, за хранение алкогольной продукции без лицензии и сопроводительных документов.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленного требования, указав следующее.

В силу положений п. 2 ст. 18 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” (далее — Закон № 171-ФЗ) хранение этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции подлежит лицензированию.

Законом прямо предусмотрен запрет на оборот алкогольной продукции без соответствующей лицензии и сопроводительных документов (абз. 7 и 8 п. 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ).

Кроме того, согласно п. 1 ст. 10<sup>2</sup> Закона № 171-ФЗ оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции осуществляется только при наличии сопроводительных документов, удостоверяющих легальность их производства и оборота.

В соответствии с п. 1 ст. 11 и п. 1 ст. 16 Закона № 171-ФЗ индивидуальные предприниматели вправе осуществлять только розничную продажу пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи и ни при каких обстоятельствах не могут получить лицензию на осуществление видов деятельности из числа указанных в п. 2 ст. 18 Закона № 171-ФЗ.

Следовательно, распространение действия на индивидуального предпринимателя требований этого Закона к осуществлению такой деятельности, в частности о наличии сопроводительных документов на хранящуюся алкогольную продукцию, является недопустимым.

Часть 2 ст. 14.1 КоАП РФ предусматривает ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (лицензия) обязательно (обязательна).

Частью 2 ст. 14.17.1 КоАП РФ (введена Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 265-ФЗ) административная ответственность индивидуального предпринимателя установлена только за незаконную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции.

Учитывая, что Законом № 171-ФЗ не предусмотрена возможность получения индивидуальным предпринимателем лицензии на хранение алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, а положениями КоАП РФ не установлено специальной ответственности

за ее незаконное хранение, заявление административного органа не подлежит удовлетворению.

Арбитражный суд апелляционной инстанции отменил решение арбитражного суда первой инстанции, привлек индивидуального предпринимателя к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.1 и ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ и назначил наказание с учетом ст. 4.4 КоАП РФ, отметив следующее.

В соответствии с разъяснениями п. 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2014 г. № 47 “О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” в том случае, если индивидуальный предприниматель в нарушение п. 1 ст. 11 и п. 1 ст. 16 Закона № 171-ФЗ осуществляет какой-либо иной вид деятельности из числа перечисленных в п. 2 ст. 18 Закона, он может быть привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ за осуществление предпринимательской деятельности без соответствующей лицензии.

То обстоятельство, что для индивидуального предпринимателя установлен запрет на осуществляемую им деятельность, не может служить основанием для освобождения его от ответственности за ее ведение с нарушением установленных Законом № 171-ФЗ требований и правил.

Следует обратить внимание, что с 30 июля 2017 г. за хранение алкогольной продукции без лицензии индивидуальные предприниматели могут быть привлечены к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ (в ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 265-ФЗ).

**3. Осуществление юридическим лицом деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов без лицензии свидетельствует о нарушении требований промышленной безопасности и может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 9.1 КоАП РФ.**

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к административному органу о признании незаконным постановления о назначении ему административного наказания по ч. 1 ст. 9.1 КоАП РФ за осуществление деятельности по эксплуатации производственного объекта с нарушением требований промышленной безопасности или лицензионных требований на осуществление видов деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов.

Решением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Суд исходил из того, что административным органом доказано наличие события и состава вмененного обществу административного правонарушения, объективная сторона которого состоит в несоблюдении установленных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, а также утвержденными с ними нормативными техническими документами условий, запретов, ограничений и других обязательных требований, обеспечивающих промышленную безопасность или условий лицензий на осуществление видов деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов. Суд сделал вывод о том, что ч. 1 ст. 9.1 КоАП РФ допускает применение административной ответственности к лицу и в случае отсутствия у него лицензии на осуществление указанной деятельности.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, постановление по делу об административном правонарушении признано недействительным в связи с отсутствием оснований для квалификации правона-

рушения по ч. 1 ст. 9.1 КоАП РФ и необходимостью квалифицировать правонарушение, объективная сторона которого состоит в осуществлении предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если таковое для данного вида деятельности обязательно, по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

Суд счел, что осуществление подлежащей лицензированию предпринимательской деятельности независимо от ее вида и сферы, в которой она осуществляется, посягает на отношения, возникающие в связи с лицензированием отдельных видов деятельности, регулируемые Законом № 99-ФЗ и принятыми на его основе иными нормативными правовыми актами.

Отменяя постановление арбитражного суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение арбитражного суда первой инстанции, суд округа основывал свой вывод на следующем.

Одним из требований, предусмотренных ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 21 июня 1997 г. № 116-ФЗ “О промышленной безопасности опасных производственных объектов” (далее — Закон № 116-ФЗ), к организации, эксплуатирующей опасный производственный объект, является обязанность иметь лицензию на осуществление конкретного вида деятельности в области промышленной безопасности, подлежащего лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В связи с этим осуществление обществом деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов без лицензии само по себе свидетельствует о нарушении требований промышленной безопасности, установленных Законом № 116-ФЗ, и, следовательно, наличии в действиях общества признаков состава административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 1 ст. 9.1 КоАП РФ.

**4. Осуществление лицом деятельности по присмотру и уходу за детьми с организацией их досуга без реализации образовательных программ не образует состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.**

Прокурор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, так как индивидуальный предприниматель оказывает услуги по дошкольному образованию, не имея лицензии на осуществление образовательной деятельности в соответствии с п. 40 ч. 1 ст. 12 Закона № 99-ФЗ.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований на основании следующего.

Индивидуальный предприниматель организовал группы кратковременного пребывания детей (мини-сад), для занятий с которыми привлечены педагоги, имеющие специальное профессиональное образование, на основании заключенных с ними договоров возмездного оказания услуг. В рамках мини-сада проводятся занятия по ознакомлению детей с окружающим миром, музыке, конструированию, физкультуре, рисованию, действиям с предметами, развитию речи, лепке. Индивидуальным предпринимателем и родителями были заключены договоры оказания услуг, согласно которым индивидуальный предприниматель совместно с педагогическими работниками осуществляют присмотр и уход за детьми с организацией их досуга в виде развивающих занятий с учетом их возрастных особенностей (лепка, рисование, игры, игрушки и др.).

Суд исходил из того, что образовательной считается деятельность по реализации образовательных программ в системе образования (п. 9 ст. 2, пп. 1 и 7 ст. 10, п. 17 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г.

№ 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”, далее — Закон об образовании).

Суд счел, что деятельность индивидуального предпринимателя направлена на присмотр и уход за детьми с организацией их досуга и не связана с реализацией образовательных программ, поэтому не является образовательной деятельностью в смысле Закона об образовании, а довод прокурора о том, что индивидуальный предприниматель предоставляет услуги по дошкольному образованию, следует признать ошибочным.

Суд также указал на то, что Закон о лицензировании содержит исчерпывающий перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, осуществление мероприятий и организаций досуга детей не названы в числе этих видов деятельности.

Учитывая, что в мини-саду образовательная деятельность не осуществлялась, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для привлечения индивидуального предпринимателя к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции решение арбитражного суда первой инстанции оставлено без изменения.

**5. Осуществление мероприятий по дезинфектологии в рамках медицинской деятельности не влечет применение административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

Арбитражный суд первой инстанции установил, что в отношении общества, осуществляющего медицинскую деятельность по оказанию первичной стоматологической медико-санитарной помощи в амбулаторных условиях, административным органом была проведена плановая выездная проверка, в ходе которой выявлен факт выполнения обществом работ по дезинфекции, предстерилизационной очистке и стерилизации изделий медицинского назначения. При этом у общества отсутствовало специальное разрешение (лицензия) на осуществление деятельности по дезинфектологии и не содержалось в предоставленной обществу лицензии на осуществление медицинской деятельности такого вида работ, как дезинфектология.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, заявленные требования удовлетворены по следующим основаниям.

Суды сочли, что Закон № 99-ФЗ, а также Положение о лицензировании медицинской деятельности, утвержденное постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291 (далее — Положение № 291), обозначают дезинфектологию в качестве самостоятельного вида работ (услуг), для осуществления которой необходима лицензия.

Арбитражный суд кассационной инстанции, отменяя решение арбитражного суда первой инстанции и постановление арбитражного апелляционного суда и отказывая административному органу в удовлетворении требования, отметил, что из системного толкования норм Закона № 99-ФЗ и Положения № 291 следует, что работы (услуги) по дезинфектологии подлежат лицензированию как вид медицинской деятельности лишь в тех случаях, когда они оказываются в качестве самостоятельных работ (услуг).

Суд округа указал, что суды не приняли во внимание нормы санитарно-эпидемиологических правил, согласно которым проведение мероприятий по дезинфектологии является обязательным для организаций, осуществляющих медицинскую деятельность (санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.1.3.2630-10 “Санитарно-эпидемиологиче-

ские требования к организациям, осуществляющим медицинскую деятельность”, утвержденные постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 мая 2010 г. № 58 (далее — СанПиН 2.1.3.2630-10)).

Таким образом, выводы арбитражных судов первой и апелляционной инстанций в отношении деятельности общества являются ошибочными, ввиду того что общество не оказывает медицинских услуг по дезинфектологии, выраженных в медицинском вмешательстве и имеющих самостоятельное значение, не предоставляет услуг по медицинской помощи в области дезинфектологии, а проведение дезинфекционных мероприятий по дезинфекции, предстерилизационной очистке и стерилизации изделий медицинского назначения, используемых в работе общества, является его обязанностью в соответствии с положениями СанПиН 2.1.3.2630-10.

На этом основании суд кассационной инстанции не усмотрел в действиях общества признаков состава административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

**6. Осуществление обществом фармацевтической деятельности с грубым нарушением лицензионных требований может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ.**

Прокурор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ за осуществление предпринимательской деятельности с грубым нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией).

В ходе проведенной прокуратурой проверки установлено, что общество, осуществляя в аптеке фармацевтическую деятельность (хранение, розничная торговля и отпуск лекарственных препаратов для медицинского применения), нарушает условия хранения лекарственных препаратов и не имеет минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи.

Арбитражный суд первой инстанции в связи с неподведомственностью данного спора арбитражному суду прекратил производство по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), указав, что в рассматриваемой ситуации действия общества должны быть квалифицированы не по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ, а по ч. 1 ст. 14.4.2 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за нарушение правил оптовой торговли лекарственными средствами и порядка розничной торговли лекарственными препаратами.

Арбитражный суд апелляционной инстанции по протесту прокурора отменил определение арбитражного суда первой инстанции и направил дело для рассмотрения по существу в суд первой инстанции, указав на следующее.

Исходя из смысла ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ и примечания к ней независимо от вида подлежащей лицензированию деятельности нарушение лицом лицензионных требований, имеющее грубый характер, подлежит квалификации по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ.

Перечень грубых нарушений устанавливается Правительством РФ в отношении конкретного лицензируемого вида деятельности.

В соответствии с п. 47 ч. 1 ст. 12 Закона № 99-ФЗ фармацевтическая деятельность подлежит лицензированию.

Согласно п. 6 Положения о лицензировании № 1081 под грубым нарушением понимается невыполнение лицензиатом требований, предусмотренных подп. “а” — “з” п. 5 указанного Положения.

На основании подп. “г” п. 5 этого Положения лицензиат для осуществления фармацевтической деятельности должен соблюдать требования ч. 6 ст. 55 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ “Об обращении лекарственных средств”, в соответствии с которой аптечные организации, имеющие лицензию на фармацевтическую деятельность, обязаны обеспечивать утвержденный Правительством РФ и формируемый в установленном им порядке минимальный ассортимент лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи.

По правилам абз. 1 подп. “з” п. 5 Положения о лицензировании № 1081 лицензиат для осуществления фармацевтической деятельности должен соответствовать следующему лицензионному требованию — соблюдение лицензиатом, осуществляющим хранение лекарственных средств для медицинского применения, правил их хранения.

В связи с этим действия общества, связанные с нарушением условий хранения лекарственных препаратов и требований к минимальному ассортименту лекарственных препаратов, установленных указанным Положением о лицензировании № 1081, являются грубыми нарушениями лицензионных требований и образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ.

**7. Органы местного самоуправления в рамках предоставленных им законом субъекта Российской Федерации полномочий на осуществление контрольных мероприятий вправе составлять протоколы только в отношении тех административных правонарушений, которые прямо предусмотрены ч. 7 ст. 28.3 КоАП РФ (в том числе по ст.ст. 7.22 и 14.1.3 КоАП РФ).**

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене постановления Департамента государственного жилищного надзора субъекта Российской Федерации о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 7.22 КоАП РФ, за несоблюдение положений Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных постановлением Госстроя России от 27 сентября 2003 г. № 170 (далее — Правила № 170).

Решением арбитражного суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено, постановление административного органа о привлечении общества к административной ответственности отменено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Муниципальной жилищной инспекцией мэрии города в отношении общества, осуществляющего деятельность по управлению многоквартирным домом на основании лицензии, проведена внеплановая выездная проверка, в ходе которой установлены факты нарушения обществом требований Правил № 170.

По фактам выявленных нарушений должностным лицом муниципальной жилищной инспекции в отношении общества составлен протокол об административном правонарушении по ст. 7.22 КоАП РФ, на основании которого Департаментом вынесено оспариваемое постановление о привлечении общества к административной ответственности.

Право должностных лиц органов местного самоуправления на составление протоколов по ст. 7.22

КоАП РФ предусмотрено законом субъекта Российской Федерации.

Однако на основании ч. 7 ст. 28.3 КоАП РФ должностным лицам органов местного самоуправления такое право не предоставлено.

Кроме того, действия общества, связанные с несоблюдением им Правил № 170, являются нарушением лицензионных требований к оказанию услуг и (или) выполнению работ по управлению многоквартирным домом, содержанию общего имущества в нем.

По ст. 7.22 КоАП РФ наказуемо нарушение лицами, ответственными за содержание жилых домов и (или) жилых помещений, правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений либо порядка и правил признания их непригодными для постоянного проживания и перевода их в нежилые, а равно переустройство и (или) перепланировка жилых домов и (или) жилых помещений без согласия нанимателя (собственника), если переустройство и (или) перепланировка существенно изменяют условия пользования жилым домом и (или) жилым помещением.

Частью 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ административная ответственность установлена за осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований.

Обществу выдана лицензия на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами. Следовательно, общество, допустившее нарушение Правил № 170 в рамках предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, могло быть привлечено к административной ответственности только по ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ, являющейся в рассматриваемом случае специальной по отношению к ст. 7.22 КоАП РФ.

При этом по ст. 7.22 КоАП РФ могут быть привлечены к административной ответственности иные субъекты, ответственные за содержание жилых домов и (или) жилых помещений.

Полномочием на составление протокола по ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ в силу п. 69 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ обладают должностные лица органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих региональный государственный жилищный надзор, а дела об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ в соответствии с ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ рассматривают суды.

**8. Реклама метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации является надлежащей и не влечет административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 14.3 КоАП РФ, если не раскрывает содержание указанных методов (способов, приемов) и распространяется в составе рекламы медицинских услуг при соблюдении требований, установленных ч. 7 ст. 24 Федерального закона “О рекламе”.**

Антимонопольный орган, усмотрев нарушение положений ч. 8 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ “О рекламе” (далее — Закон № 38-ФЗ) в действиях общества, привлек его к административной ответственности по ч. 5 ст. 14.3 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за нарушение установленных законодательством о рекламе требований к рекламе лекарственных средств, медицинских изделий и медицинских услуг, в том числе методов лечения, а также биологически активных добавок.

По мнению антимонопольного органа, размещение в газете “Ставропольский бизнес” рекламы об использовании врачами общества метода диагностики (ЭКГ-исследования) является нарушением, поскольку в соответствии с ч. 8 ст. 24 Закона № 38-ФЗ реклама методов диагностики допускается только в местах про-

ведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий и в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к антимонопольному органу о признании незаконным данного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Требования к рекламе лекарственных средств, медицинской техники, изделий медицинского назначения и медицинских услуг, а также методов лечения установлены ч. 7 ст. 24 Закона № 38-ФЗ, согласно которой реклама лекарственных средств, медицинских услуг, в том числе методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, медицинских изделий, должна сопровождаться предупреждением о наличии противопоказаний к их применению и использованию, необходимости ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов. Эти требования не касаются рекламы, распространяемой в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий, а также в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях, и иной рекламы, потребителями которой являются исключительно медицинские и фармацевтические работники.

Частью 8 ст. 24 Закона № 38-ФЗ установлено, что реклама лекарственных препаратов в формах и дозировках, отпускаемых по рецептам на лекарственные препараты, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, а также медицинских изделий, для использования которых требуется специальная подготовка, не допускается иначе как в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий и в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях.

Из приведенных положений следует, что ч. 7 ст. 24 Закона № 38-ФЗ допускает рекламу методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации в составе видов (перечня) медицинских услуг, оказываемых соответствующим медицинским учреждением, предусматривая необходимость предупреждения о наличии противопоказаний к их применению и использованию, ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов.

Вместе с тем реклама, в которой раскрывается содержание того или иного метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации, подпадает под запрет, установленный ч. 8 ст. 24 Закона № 38-ФЗ.

В рассматриваемом случае объектом рекламирования была не реклама конкретного метода диагностики и лечения (ЭКГ) с раскрытием преимуществ данного метода и его эффективности, а реклама медицинской услуги с указанием на предупреждение о наличии противопоказаний к использованию, необходимость ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов.

Таким образом, рассматриваемые действия общества не нарушают положений Закона № 38-ФЗ и, сле-

довательно, не влекут административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 14.3 КоАП РФ.

**9. Бездействие лица, выразившееся в недоведении до потребителей на интернет-сайте обязательной для размещения и не связанной с качеством оказываемых организацией услуг информации, подлежит квалификации по ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ.**

Индивидуальный предприниматель, предоставляющий населению платные медицинские услуги, обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене постановления о привлечении его к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.4 КоАП РФ.

Основанием для привлечения административным органом индивидуального предпринимателя к административной ответственности послужил факт отсутствия на его сайте в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” информации об адресах органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан, территориального органа Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и его территориальных органов, что, по мнению административного органа, является нарушением требований подп. “з” п. 11 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 (далее — Правила № 1006).

Решением арбитражного суда в удовлетворении заявленных требований отказано.

Частью 1 ст. 14.4 КоАП РФ установлена административная ответственность за осуществление деятельности по продаже товаров, не соответствующих образцам по качеству, выполнение работ либо оказание населению услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, устанавливающих порядок (правила) выполнения работ либо оказания населению услуг.

Учитывая содержание указанной нормы, суд счел произведенную административным органом квалификацию совершенного предпринимателем деяния верной, поскольку требования Правил № 1006, устанавливающие порядок выполнения работ (оказания услуг) для организаций, оказывающих платные медицинские услуги, являются обязательными и их невыполнение влечет административную ответственность.

Арбитражный суд апелляционной инстанции отменил решение арбитражного суда первой инстанции, признал незаконным и отменил решение административного органа о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности, указав на следующее.

Пунктом 1 ст. 10 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I “О защите прав потребителей” (далее — Закон № 2300-I) предусмотрена обязанность изготовителя (исполнителя, продавца) своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством РФ.

Отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, п. 7 ст. 84 которого предусмотрено, что порядок и условия предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг пациентам устанавливаются Правительством РФ.

Согласно подп. “з” п. 11 Правил № 1006 исполнитель обязан предоставить посредством размещения на сайте медицинской организации в информацион-

но-телекоммуникационной сети “Интернет”, а также на информационных стендах (стойках) медицинской организации в том числе информацию, содержащую адреса и телефоны органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан, территориального органа Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и территориального органа Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

В данном случае для привлечения предпринимателя к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.4 КоАП РФ, необходимо установить как факт оказания услуг, так и нарушение при этом конкретных требований нормативных правовых актов, устанавливающих порядок (правила) выполнения работ либо оказания населению услуг.

Вместе с тем информация, не доведенная индивидуальным предпринимателем до потребителя посредством ее размещения на интернет-сайте, не имеет отношения к качеству оказываемых индивидуальным предпринимателем платных медицинских услуг.

Таким образом, бездействие индивидуального предпринимателя, выразившееся в недоведении на интернет-сайте до потребителей платных медицинских услуг обязательной для размещения информации, не связано с качеством оказываемых организацией услуг и, следовательно, не образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.4 КоАП РФ.

Данные действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг организацией, а равно гражданином, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, при отсутствии установленной информации об изготовителе (исполнителе, продавце) либо иной информации, обязательность предоставления которой предусмотрена законодательством Российской Федерации.

**10. Утрата статуса должностного лица, в том числе в связи с изменением места работы, не препятствует привлечению лица к административной ответственности за правонарушение, совершенное им при наличии указанного статуса.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении мэра города к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.9 КоАП РФ за совершение недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством действий, способных привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленного требования, сославшись на следующее.

В силу ч. 2 ст. 14.9 КоАП РФ действия должностных лиц, указанных в ч. 1 данной статьи, которые недопустимы в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации и приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, а равно к ограничению свободного перемещения товаров (работ, услуг), свободы экономической деятельности, если такие должностные лица были ранее подвергнуты административному наказанию за аналогичное административное правонарушение, влекут их дисквалификацию на срок до трех лет.

Исходя из содержания указанной нормы, к административной ответственности может быть привлечено только должностное лицо.

Поскольку на момент подачи рассматриваемого заявления гражданин, занимавший должность мэра города, утратил данный статус, его привлечение к адми-

нистративной ответственности в виде дисквалификации неисполнимо и противоречит КоАП РФ.

Арбитражный суд апелляционной инстанции отменил решение арбитражного суда первой инстанции и привлек гражданина, ранее занимавшего должность мэра города, к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.9 КоАП РФ, указав на следующее.

Согласно ч. 1 ст. 3.11 КоАП РФ дисквалификация заключается в лишении на будущее физического лица права замещать определенную должность. Следовательно, значение имеет наличие статуса должностного лица у гражданина на момент совершения им административного правонарушения, а последующее прекращение указанного статуса не влияет на возможность его привлечения к административной ответственности.

В другом деле арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявление административного органа о привлечении лица, утратившего статус арбитражного управляющего, к административной ответственности, предусмотренной ч. 8 ст. 14.13 КоАП РФ, в виде дисквалификации сроком на один год.

Исследовав обстоятельства дела, суд пришел к выводу о том, что прекращение гражданином своей профессиональной деятельности в качестве арбитражного управляющего не может являться причиной освобождения его от административной ответственности по ч. 8 ст. 14.13 КоАП РФ, поскольку не является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении (ст. 24.5 КоАП РФ).

Арбитражный суд также указал, что административное наказание в виде дисквалификации отвечает названной в ст. 3.1 КоАП РФ цели предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, поскольку заключается в лишении права физического лица замещать соответствующую должность в будущем.

**11. Рассмотрение судом первой инстанции дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ, без привлечения к участию в деле правообладателя средства индивидуализации товара (работ, услуг) само по себе не является безусловным основанием для отмены судебного акта.**

Таможенный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности на основании ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, требования удовлетворены в полном объеме, учитывая доказанность таможенным органом события совершенного правонарушения и наличия признаков контрафактности представленных на таможенное оформление товаров.

В кассационной жалобе общество сослалось на то, что иностранная компания — правообладатель, признанная потерпевшей по делу об административном правонарушении, в нарушение п. 2 ч. 4 ст. 288 АПК РФ не уведомлена судом о месте и времени рассмотрения дела, в связи с чем обжалуемые судебные акты подлежат отмене.

Общество также указало, что административное дело возбуждено в нарушение ст. 28.1 КоАП РФ при отсутствии со стороны правообладателя заявления о нарушении его исключительных прав на товарный знак.

Суд по интеллектуальным правам отверг указанные доводы общества и не усмотрел оснований для отмены обжалуемых судебных актов и освобождения общества от административной ответственности ввиду следующего.

Дело об административном правонарушении возбуждено с соблюдением требований ст. 28.1 КоАП РФ,

поскольку таможенный орган располагал достаточными данными, указывающими на наличие события административного правонарушения. Наличие заявления правообладателя товарного знака не является необходимым условием для возбуждения дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.

Основания для отмены обжалуемых судебных актов по причине неизвещения иностранной компании — правообладателя товарного знака о месте и времени рассмотрения настоящего дела, в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 288 АПК РФ, отсутствуют, поскольку правообладатель не привлекался судом первой инстанции к участию в настоящем деле в качестве потерпевшего применительно к ч. 1 ст. 51 АПК РФ ни по инициативе общества, ни по инициативе суда.

При этом сам правообладатель ни с апелляционной, ни с кассационной жалобой на основании ст. 42 АПК РФ не обращался, о нарушении своих процессуальных прав не заявлял.

Следовательно, непривлечение судом первой инстанции правообладателя к участию в деле не является основанием для отмены решения арбитражного суда, поскольку принятие судебного акта о привлечении к административной ответственности лица, совершившего административное правонарушение, предусмотренное ст. 14.10 КоАП РФ, не привело и не могло привести к нарушению прав правообладателя (ч. 3 ст. 288 АПК РФ). При этом нарушение его прав может повлечь именно отмена такого судебного акта.

**12. При рассмотрении заявления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ, суд устанавливает цель незаконного использования средств индивидуализации.**

Таможенный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.

В отзыве на данное заявление общество указало, что сведения о марках автомобилей, нанесенные на спорный товар, носят информационный характер и не обладают признаками товарного знака, указанными в ст. 1477 ГК РФ.

Арбитражный суд первой инстанции установил, что в таможенной декларации, поданной обществом в таможенный орган для помещения товаров, прибывших в его адрес на теплоходе, под таможенную процедуру “Выпуск для внутреннего потребления”, обществом заявлены сведения о наименовании ввозимого на территорию России немаркированного товарным знаком товара — колодки тормозные дисковые, изготовителем которой указана иностранная фирма. В акте таможенного досмотра, проведенного должностным лицом таможенного поста таможни, отмечено, что товар, а также его упаковка маркированы обозначением.

Спорное обозначение является имеющим расширение на территорию России международным товарным знаком, правообладатель которого — иностранная транспортная компания — не передавал обществу право его использования. Словесный элемент данного товарного знака, размещенный на транспортной и индивидуальной упаковках, а также непосредственно на самом товаре, сходен до степени смешения с товарным знаком.

Суд удовлетворил заявление таможенного органа и привлек общество к административной ответственности, применив положения ст. 14.10 КоАП РФ с учетом разъяснений, содержащихся в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 11, о том, что названная статья охватывает в числе прочих такие нарушения, как введение товара, на котором (а равно на этикетках, упаковке, документации которого) содержится незаконное воспроизве-

дение средства индивидуализации, в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также ввоз на территорию Российской Федерации такого товара с целью его введения в гражданский оборот на территории Российской Федерации.

В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ размещение товарного знака на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, производится для целей введения товаров в гражданский оборот.

Поэтому суд отклонил довод общества о том, что обозначение, указанное на товаре, носило информационный характер и не служило целям его индивидуализации, поскольку действия общества свидетельствовали о том, что цель размещения спорного обозначения на товаре заключалась в привлечении внимания потребителей к указанному товару, т.е. для его индивидуализации и введения в гражданский оборот, а не для информирования потребителей о транспортной продукции иностранной транспортной компании.

Таким образом, учитывая доказанность факта наличия цели индивидуализации ввезенного обществом товара и введения его в гражданский оборот, суды пришли к выводу, что размещение обозначения, сходного до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком иностранной транспортной компании, без разрешения его правообладателя является нарушением исключительного права данного правообладателя и незаконным использованием его товарного знака, влекущим применение административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.

**13. Ввоз на территорию Российской Федерации товара с законно нанесенным на нем в стране происхождения товара его правообладателем обозначением (товарным знаком), сходным до степени смешения с товарным знаком, имеющим международную регистрацию, не является нарушением, предусмотренным ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.**

Таможенный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности на основании ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.

Арбитражные суды первой и апелляционной инстанций, удовлетворяя требование о привлечении общества к административной ответственности, исходили из доказанности наличия в действиях ответчика состава административного правонарушения, поскольку на основании акта таможенного досмотра выявлен факт ввоза обществом на территорию Российской Федерации товара (чулочно-носовые изделия), маркированного обозначением, сходным до степени смешения с товарным знаком по международной регистрации, правообладателем которого является иностранная компания.

Суды сочли, что регистрация в Китайской Народной Республике товарного знака, содержащего спорное обозначение, на имя иностранной фирмы — продавца, с согласия которой произведены ввезенные обществом товары, имеет силу только на территории Китайской Народной Республики, а при вводе в гражданский оборот этих товаров на территории Российской Федерации правовая охрана названного товарного знака не действует, поэтому наличие правовой охраны указанного обозначения на территории иностранного государства не имеет правового значения для рассматриваемого дела.

Руководствуясь правовым подходом, сформулированным в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 11, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о наличии в действиях общества, выразившихся во ввозе на территорию Российской Федерации контрафактных товаров, индивидуализированных без согласия правообладателя товарного знака, признаков состава административного правонарушения, ответст-

венность за совершение которого предусмотрена ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.

Суд по интеллектуальным правам, удовлетворяя кассационную жалобу общества и отменяя принятые по делу судебные акты, указал, что суды первой и апелляционной инстанций пришли к неправильному выводу о том, что обстоятельства правомерности (неправомерности) нанесения в стране происхождения товара товарного знака, зарегистрированного в этой стране, не имеют правового значения при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ.

Суд отметил, что суды не приняли во внимание правовую позицию Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенную в постановлении от 3 февраля 2009 г. № 10458/08, обстоятельства правомерности нанесения на ввезенный товар спорного обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака в стране происхождения товара, а также то, что оценка правомерности нанесения обозначения на товар дается исходя из норм законодательства страны происхождения товара.

При таких обстоятельствах факт сходства до степени смешения обозначения, которым маркирован ввезенный обществом товар, с иным товарным знаком, имеющим международную регистрацию, правообладателем которого является иностранная компания, правового значения для установления наличия признаков состава административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ, не имеет.

Учитывая, что таможенным органом обстоятельства неправомерности нанесения на ввезенный товар спорного обозначения, послужившие основанием для составления протокола об административном правонарушении, не доказаны (ч. 5 ст. 205 АПК РФ), административная ответственность не может быть возложена на общество.

**14. Несвоевременное опубликование арбитражным управляющим на сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве информации, предусмотренной законодательством о несостоятельности (банкротстве), влечет применение к нему административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, а не по ч. 6 ст. 14.25 КоАП РФ.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности на основании ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ за несвоевременное опубликование на сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве сообщения о введении процедуры внешнего управления.

В отзыве на заявление арбитражный управляющий ссылался на то, что в связи с принятием Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» совершенные им действия подлежат квалификации по ч. 6 ст. 14.25 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за несвоевременное представление (внесение) сведений о юридическом лице в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц.

Арбитражный суд первой инстанции отклонил указанные доводы и удовлетворил требование административного органа исходя из следующего.

Объективной стороной административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, является неисполнение обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Кроме того, субъектом правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, является лицо, на которое возложены обязанности в рамках дела о несо-

стоятельности (банкротстве), в том числе арбитражный управляющий, в то время как субъектом правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 14.25 КоАП РФ, является любое должностное лицо.

Таким образом, учитывая субъектный состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, данная норма является специальной по отношению к ч. 6 ст. 14.25 КоАП РФ.

Суд счел, что вмененное арбитражному управляющему деяние является нарушением требований законодательства о несостоятельности (банкротстве). Следовательно, действия арбитражного управляющего подлежат квалификации по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Арбитражный суд апелляционной инстанции оставил решение арбитражного суда первой инстанции без изменения.

**15. Арбитражный управляющий, не представивший в арбитражный суд первой инстанции доказательства наличия у него статуса члена территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, является субъектом административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требование удовлетворено в связи с доказанностью факта совершения арбитражным управляющим административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

В кассационной жалобе арбитражный управляющий просил отменить принятые по делу судебные акты, поскольку он обладает иммунитетом от административной юрисдикции, так как является членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, в отношении которого установлена специальная процедура привлечения к административной ответственности — получение согласия прокурора субъекта Российской Федерации (п. 18 ст. 29 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”).

Арбитражный суд кассационной инстанции отклонил указанный довод арбитражного управляющего и не усмотрел оснований для отмены обжалуемых судебных актов в связи со следующим.

В данном случае арбитражным судом первой инстанции рассматривался вопрос о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в связи с выявленными нарушениями осуществления им функций арбитражного управляющего, а не члена избирательной комиссии.

Ни при составлении протокола об административном правонарушении, ни при рассмотрении дела в арбитражном суде первой инстанции арбитражный управляющий не заявлял о том, что он является членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса.

В материалах дела доказательства, свидетельствующие об избрании арбитражного управляющего членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, отсутствовали. При этом избрание арбитражного управляющего членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса не является общеизвестным фактом.

Документ, подтверждающий наличие указанного специального статуса, арбитражный управляющий представил в арбитражный суд первой инстанции после вынесения решения и по истечении срока, установленного судом в соответствии с ч. 3 ст. 228 АПК РФ.

Доказательств невозможности представления указанных документов в суд первой инстанции арбитражным управляющим не предъявлено.

При таких обстоятельствах арбитражный управляющий несет риск наступления последствий несовершения им процессуальных действий (ч. 2 ст. 9 АПК РФ) и подлежит привлечению к административной ответственности, установленной ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

**16. Неисполнение или ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим обязанности по принятию решения о допуске лица к участию в торгах не является длящимся правонарушением.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности на основании ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Суд установил, что по заявлению индивидуального предпринимателя административный орган провел административное расследование, в ходе которого выявил факт ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим как организатором торгов обязанности по принятию решения о допуске индивидуального предпринимателя к участию в торгах по результатам рассмотрения представленной им заявки и прилагаемых к ней документов, предусмотренных Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (ст. 110).

По факту выявленного нарушения в отношении арбитражного управляющего составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований со ссылкой на пропуск срока давности привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности, установленного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ.

Обжалуя решение суда, административный орган в обоснование соблюдения им срока давности привлечения к административной ответственности арбитражного управляющего указал, что данное нарушение совершено арбитражным управляющим в период проведения процедуры банкротства (конкурсного производства) и является длящимся. Арбитражный суд апелляционной инстанции отклонил довод административного органа и оставил без изменения решение суда первой инстанции, учитывая следующее.

Согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, содержащимся в абз. 2 п. 19 постановления от 27 января 2003 г. № 2 “О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”, под длящимся административным правонарушением следует понимать действие (бездействие), выражающееся в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении возложенных на лицо обязанностей и характеризующееся непрерывным осуществлением противоправного деяния, за исключением случаев, охватываемых абз. 3 настоящего пункта.

Совершенное арбитражным управляющим противоправное деяние не предполагает длительного непрерывного ненадлежащего выполнения арбитражным управляющим своих обязанностей, а является однократным действием, совершенным в конкретный срок (день).

Днем совершения административного правонарушения арбитражным управляющим является день, когда им принято решение об отказе в допуске индивидуального предпринимателя к участию в торгах.

Следовательно, на момент принятия арбитражным судом первой инстанции решения о привлечении арбитражного управляющего к административной ответ-

ственности срок давности, установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, истек.

**17. Осуществление лицом розничной продажи алкогольной продукции в ночное время в нарушение п. 9 ст. 16 Закона № 171-ФЗ подлежит квалификации по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ.**

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением об оспаривании решения административного органа о привлечении общества к административной ответственности на основании ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ за нарушение особых требований и правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции, лицензионных требований, предусмотренных законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции в связи с осуществлением обществом розничной продажи алкогольной продукции в магазине в 23 час. 19 мин.

Решением арбитражного суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено, постановление административного органа признано незаконным и отменено.

Суд счел, что действия общества подлежат квалификации по ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ за нарушение лицензионных требований, предусмотренных законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции, поскольку, будучи особым требованием к розничной продаже алкогольной продукции, запрет на розничную продажу алкогольной продукции в ночное время является одновременно и лицензионным требованием.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления общества, арбитражный суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

В соответствии с п. 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции запрещается в том числе розничная продажа алкогольной продукции с нарушением требований ст. 16 данного Закона.

Пунктом 9 ст. 16 Закона № 171-ФЗ установлено, что не допускается розничная продажа алкогольной продукции с 23 час. до 8 час. по местному времени, за исключением розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой организациями, и розничной продажи пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, осуществляемой индивидуальными предпринимателями, при оказании такими организациями и индивидуальными предпринимателями услуг общественного питания, а также розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой магазинами беспосредственной торговли.

Суд отметил, что исходя из положений подп. 1 п. 9 ст. 19, п. 4 ст. 23<sup>2</sup> Закона № 171-ФЗ установленные ст. 16 Закона № 171-ФЗ требования, в том числе запрет на розничную продажу алкогольной продукции в ночное время, являются одновременно особыми требованиями к розничной продаже алкогольной продукции и лицензионными требованиями.

Следовательно, любое нарушение указанных требований Закона № 171-ФЗ или правил одновременно будет являться нарушением лицензионных требований и подлежит квалификации по соответствующей статье (части статьи) КоАП РФ.

Вместе с тем ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ предусматривает самостоятельную административную ответственность за нарушение особых требований и правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции. В связи с этим действия общества по реализации алкогольной продукции в ночное время сви-

детельствуют о нарушении им правил розничной продажи алкогольной продукции и подлежат квалификации по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, которой предусмотрена административная ответственность за нарушение иных правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции.

**18. Действия общества, осуществившего фиксацию в Единой государственной автоматизированной информационной системе учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции сведений об объемах оборота (закупки) алкогольной продукции не в полном объеме, подлежат квалификации по ст. 14.19 КоАП РФ.**

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением об оспаривании решения административного органа о привлечении общества, осуществившего фиксацию в Единой государственной автоматизированной информационной системе учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее — ЕГАИС) сведений об объемах оборота (закупки) алкогольной продукции не в полном объеме, к административной ответственности по ст. 14.19 КоАП РФ за нарушение порядка учета алкогольной продукции при ее производстве и обороте.

Решением арбитражного суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено, постановление административного органа признано незаконным и отменено.

Арбитражный суд первой инстанции установил, что в декларациях общества имеется несоответствие сведений об объеме закупленной алкогольной продукции сведениям об объеме закупленной алкогольной продукции, зафиксированным в ЕГАИС, и счел, что в нарушение норм ст.ст. 25 и 26 Закона № 171-ФЗ обществом не зафиксированы в ЕГАИС сведения о закупленной алкогольной продукции в указанном объеме. Кроме того, сведения в ЕГАИС были зафиксированы обществом по товарно-транспортным накладным, которые не значатся в реестре товарно-транспортных накладных.

Суд счел, что действия общества подлежат квалификации по ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ за нарушение лицензионных требований, предусмотренных законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции, поскольку запрет на производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, информация о которых не зафиксирована в ЕГАИС, будучи требованием к порядку учета алкогольной продукции при ее производстве и обороте, является одновременно и лицензионным требованием.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления общества, арбитражный суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

При осуществлении производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции лицензиат обязан соблюдать предусмотренные законодательством Российской Федерации лицензионные требования и условия, несоблюдение которых является основанием для применения мер государственного принуждения, в том числе в виде административной ответственности, приостановления действия или аннулирования лицензии.

Объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ, образует в том числе осуществление оборота алкогольной продукции с нарушением лицензионных требова-

Из подп. 1 п. 9 ст. 19 и п. 4 ст. 23<sup>2</sup> Закона № 171-ФЗ (в редакции, действующей с 31 марта 2017 г.) следует, что применительно к деятельности, связанной с производством и оборотом алкогольной продукции, лицензионными признаются требования, установленные в ст.ст. 2, 8, 9, 10<sup>1</sup>, 11, 14<sup>1</sup>, 16, 19, 20, 25 и 26 данного Закона.

Пунктом 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ установлен запрет на производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, информация о которых не зафиксирована в ЕГАИС.

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 25 Закона № 171-ФЗ алкогольная и спиртосодержащая продукция в случае, если ее производство и (или) оборот осуществляются без фиксации и передачи информации об объеме производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в ЕГАИС, подлежит изъятию из незаконного оборота на основании решений уполномоченных органов.

Согласно п. 1 ст. 14 Закона № 171-ФЗ организации, осуществляющие производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, а также спиртосодержащей непищевой продукции с содержанием этилового спирта более 25% объема готовой продукции, обязаны осуществлять учет и декларирование объема их производства и (или) оборота.

При этом учет объема производства, оборота и (или) использования для собственных нужд этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции осуществляется с использованием оборудования, отвечающего требованиям ст. 8 Закона № 171-ФЗ (п. 2 ст. 14 Закона).

Из взаимосвязанных положений ст. 14 Закона № 171-ФЗ, Правил учета объема производства, оборота и (или) использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также учета использования производственных мощностей, объема собранного винограда и винограда, использованного для производства винодельческой продукции, утвержденных постановлением Правительства РФ от 19 июня 2006 г. № 380, пп. 4—7, 15, 24 Правил функционирования единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, утвержденными постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2015 г. № 1459, следует, что несоблюдение требований данных норм (в части учета оборота алкогольной продукции) означает нарушение установленного порядка учета алкогольной продукции при ее производстве или обороте.

Таким образом, противоправные действия общества, осуществившего фиксацию в ЕГАИС сведений об объемах оборота (закупки) алкогольной продукции не в полном объеме, являются нарушениями порядка учета алкогольной продукции при ее производстве и обороте и подлежат квалификации по ст. 14.19 КоАП РФ, а не по ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ.

**19. Жилищно-строительный кооператив, созданный после 1 декабря 2011 г., является субъектом административной ответственности по ч. 1 ст. 14.28 КоАП РФ в случае привлечения денежных средств граждан для строительства многоквартирного дома, если у такого кооператива отсутствуют статус застройщика, разрешение на строительство и правоустанавливающие документы на земельный участок.**

Административный орган привлек жилищно-строительный кооператив (далее — кооператив) к ответственности по ч. 1 ст. 14.28 КоАП РФ за нарушение порядка привлечения денежных средств граждан для строительства многоквартирного дома в связи с отсутствием у кооператива (застройщика) разрешения на

строительство и правоустанавливающих документов на земельный участок.

Кооператив обратился в арбитражный суд с заявлением об отмене постановления административного органа о привлечении его к административной ответственности, сославшись на отсутствие прямого законодательного запрета на принятие граждан в члены кооператива в отсутствие статуса застройщика и прав на земельный участок.

Арбитражный суд первой инстанции в удовлетворении требования отказал, сославшись на то, что согласно ч. 3 ст. 110 ЖК РФ (в ред. Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 349-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О содействии развитию жилищного строительства” и отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 349-ФЗ) жилищно-строительный кооператив по правилам законодательства о градостроительной деятельности выступает в качестве застройщика и обеспечивает на принадлежащем ему земельном участке строительство, реконструкцию многоквартирного дома на основании выданного такому кооперативу разрешения на строительство.

Закон № 349-ФЗ в соответствии со ст. 5 вступил в силу со дня официального опубликования — 1 декабря 2011 г. Требования указанной нормы распространяются на жилищные кооперативы и жилищно-строительные кооперативы, созданные после дня вступления названного Закона в силу.

То есть создаваемые после 1 декабря 2011 г. кооперативы обязаны оформить права на застраиваемый земельный участок, а также получить разрешение на строительство как застройщики.

В рассматриваемом деле судом установлено, что кооператив создан после вступления в силу Закона № 349-ФЗ.

**20. Привлечение рекламодателя к ответственности, предусмотренной ст. 14.37 КоАП РФ за эксплуатацию рекламной конструкции без разрешения на ее установку и эксплуатацию, является неправомерным.**

Прокурор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности по ст. 14.37 КоАП РФ за установку и (или) эксплуатацию рекламной конструкции без предусмотренного законодательством разрешения на ее установку и эксплуатацию.

Арбитражный суд первой инстанции, установив, что общество, являясь рекламодателем, в нарушение чч. 9 и 10 ст. 19 Закона № 38-ФЗ эксплуатирует рекламную конструкцию, размещенную на стене многоквартирного дома, без соответствующего на то разрешения, удовлетворил заявленные требования.

В апелляционной жалобе общество указало, что рекламную конструкцию не эксплуатирует и, следовательно, не является субъектом ответственности за вмененное административное правонарушение.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение арбитражного суда отменил, отказал прокурору в привлечении общества к административной ответственности, сославшись на следующее.

Из положений ч. 9 ст. 19 Закона № 38-ФЗ следует, что относительно установления обязанности получения разрешения на установку и эксплуатацию рекламной конструкции данные положения распространяются на собственника или иного указанного в чч. 5, 6, 7 данной статьи законного владельца соответствующего недвижимого имущества либо владельца рекламной конструкции.

В силу ч. 1 ст. 19 Закона № 38-ФЗ под владельцем рекламной конструкции (физическое или юридическое лицо) понимается собственник рекламной конструкции либо иное лицо, обладающее вещным правом на рекламную конструкцию или правом владения и

пользования рекламной конструкцией на основании договора с ее собственником.

Рекламодатель, разместивший свою рекламу на рекламной конструкции, владельцем которой по смыслу ч. 1 ст. 19 Закона № 38-ФЗ он не является, не подлежит привлечению к административной ответственности по ст. 14.37 КоАП РФ за эксплуатацию рекламной конструкции без соответствующего разрешения.

При этом необходимо отметить, что совпадение в одном лице рекламодателя и рекламораспространителя возможно, но в каждом случае подлежит доказыванию при установлении состава административного правонарушения.

**21. Действия общества по реализации продукции без сопроводительной документации, в которой должны содержаться сведения о сертификате соответствия или декларации о соответствии реализуемой продукции, подлежат квалификации по ст. 14.45 КоАП РФ.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности по ст. 14.45 КоАП РФ за реализацию им пищевой продукции без сопроводительной документации, содержащей сведения о сертификате соответствия реализуемой продукции.

Решением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано со ссылкой на следующее.

В силу п. 4 ст. 7 Закона № 2300-1, если на товары (работы, услуги) законом или в предусмотренном им порядке установлены обязательные требования, обеспечивающие их безопасность для жизни, здоровья потребителя, окружающей среды и предотвращение причинения вреда имуществу потребителя, соответствие товаров (работ, услуг) указанным требованиям подлежит обязательному подтверждению в порядке, предусмотренном законом и иными правовыми актами.

Не допускается продажа товара (выполнение работы, оказание услуги), в том числе импортного товара (работы, услуги), без информации об обязательном подтверждении его соответствия требованиям, указанным в п. 1 ст. 7 данного Закона.

Объективная сторона правонарушения, установленного ст. 14.45 КоАП РФ, представляет собой действия по реализации продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, без указания в сопроводительной документации сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии.

Вместе с тем в данном случае выявлено иное нарушение, связанное с отсутствием сопроводительной документации, а не с пороком ее содержания — отсутствием в ней необходимых сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии реализуемой продукции.

Таким образом, арбитражный суд пришел к выводу о том, что действия общества по реализации пищевой продукции в отсутствие сопроводительной документации не образуют объективную сторону административного правонарушения, административная ответственность за которое предусмотрена ст. 14.45 КоАП РФ.

Арбитражный апелляционный суд решение суда первой инстанции отменил и привлек общество к административной ответственности по ст. 14.45 КоАП РФ, указав следующее.

В целях установления события административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.45 КоАП РФ, административному органу необходимо доказать наличие факта реализации обществом продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, в сопроводительной документации которой отсутствуют сведения о сертификате соответствия или о декларации о соответствии.

Поскольку у общества отсутствует сопроводительная документация и, следовательно, невозможно установить факт наличия (отсутствия) в ней сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии, действия общества по реализации продукции, которая подлежит обязательному подтверждению соответствия требованиям технических регламентов, без сопроводительной документации следует квалифицировать по ст. 14.45 КоАП РФ.

При этом причина отсутствия указанных сведений правового значения не имеет.

**22. Несоблюдение лицом требований технического регламента Таможенного союза при выполнении на основании государственного контракта в качестве подрядчика работ по содержанию действующей сети автомобильных дорог подлежит квалификации как административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ и ст. 12.34 КоАП РФ.**

Территориальное управление государственного автодорожного надзора Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (далее — управление) обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении акционерного общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ.

Арбитражным судом первой инстанции установлено, что в результате проведенного обследования автомобильной дороги общего пользования федерального значения административным органом выявлены и отражены в акте проверки и протоколе об административном правонарушении следующие нарушения: наличие снежно-ледяных отложений внутри трубы до начала паводка (слева, справа), повреждение дорожных сигнальных столбиков, наличие несанкционированных съездов, дефектов дорожных ограждений, снижающее их удерживающую способность, наличие занижения обочины, не отделенной от проезжей части бордюром, ниже уровня прилегающей кромки проезжей части более чем на 4 см, наличие видимых разрушений открытой поверхности бортового камня, отсутствие остановочных комплексов, отсутствие дорожных знаков.

Полагая, что допущенные акционерным обществом нарушения Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 014/2011 “Безопасность автомобильных дорог” (далее — технический регламент Таможенного союза) подлежат квалификации как административное правонарушение по ст. 12.34 КоАП РФ, которое согласно ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ не отнесено к подведомственности арбитражного суда, арбитражный суд первой инстанции производство по делу прекратил, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Постановлениями арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ удовлетворила заявление административного органа, отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции по следующим основаниям.

Непосредственным объектом посягательства вмененного административным органом обществу административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, выступают общественные отношения, связанные с соблюдением требований технических регламентов, устанавливающих минимально необходимые требования безопасности к автомобильным дорогам и процессам их проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта и эксплуатации, а также формы и порядок оценки соответствия этим требованиям (п. 2 ст. 1 технического регламента Таможенного союза).

Учитывая диспозицию ст. 14.43 КоАП РФ и примечания к ней, административная ответственность по указанной статье установлена за сам факт нарушения норм и требований технических регламентов или подлежащих применению до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации либо выпуск в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям, безотносительно к последствиям действия (бездействия) правонарушителя и ущерба.

Выполняя на основании государственного контракта в качестве подрядчика работы по содержанию действующей сети автомобильных дорог общего пользования федерального назначения, акционерное общество нарушило требования технического регламента Таможенного союза.

В связи с этим квалификация административным органом совершенного акционерным обществом деяния по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ является надлежащей.

При этом управление действовало в рамках предоставленных ему ст. 13<sup>1</sup> Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановлением Правительства РФ от 19 марта 2013 г. № 236 «О федеральном государственном транспортном надзоре» полномочий по осуществлению федерального государственного надзора в области транспортной безопасности и установленных п. 44 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях.

Вместе с тем совершенное акционерным обществом деяние посягает не только на отношения, связанные с соблюдением требований технических регламентов, но и на безопасность дорожного движения, т.е. на такое его состояние, которое отражает степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий (абз. 3 ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»).

Непосредственным объектом посягательства административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.34 КоАП РФ, являются общественные отношения по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо принятии мер по своевременному устранению помех в дорожном движении, по осуществлению временного ограничения или прекращения движения транспортных средств на отдельных участках дорог в случаях, если пользование такими участками угрожает безопасности дорожного движения.

Таким образом, общественные отношения, связанные с содержанием автомобильных дорог, являются составной частью данного объекта административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.34 КоАП РФ. Нарушив требования технического регламента Таможенного союза при выполнении на основании государственного контракта работ по содержанию действующей сети автомобильных дорог, акционерное общество совершило два административных правонарушения, предусмотренных ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ и ст. 12.34 КоАП РФ, вследствие чего, применительно к ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ, возможно привлечение к ответственности как по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, так и по ст. 12.34 КоАП РФ.

В рассматриваемом случае протокол об административном правонарушении в отношении совершенных акционерным обществом деяний составлен не должностными лицами МВД России или Минобороны России как органов по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения (п. 2 ст. 30 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», п. 2 постановления Правительства РФ от 19 августа 2013 г. № 716 «О федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения») в рамках полномочий, предусмотренных п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, а управлением.

Поэтому акционерное общество в данном случае подлежит привлечению к административной ответственности только по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ.

**23. Выдача сертификата соответствия на продукцию иностранного изготовителя по заявлению уполномоченного изготовителем лица сама по себе не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении организации, являющейся органом по сертификации, к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, организация привлечена к указанной административной ответственности с назначением наказания в виде штрафа.

Суды исходили из следующего.

В ходе внеплановой документарной проверки организации административный орган установил, что подтверждающий соответствие продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза сертификат соответствия был выдан организацией обществу, которое является представителем изготовителя продукции — иностранной компании, по обеспечению соответствия продукции требованиям технических регламентов на территории Таможенного союза на основании соглашения от 25 июля 2014 г. (далее — уполномоченное изготовителем лицо).

Процедура соответствия продукции проводилась по предусмотренной Положением о порядке применения типовых схем оценки (подтверждения) соответствия в технических регламентах Таможенного союза, утвержденным решением Комиссии Таможенного союза от 7 апреля 2011 г. № 621, схеме сертификации 1С, которая устанавливает, что в качестве заявителя на проведение сертификации продукции на соответствие требованиям технических регламентов может выступать изготовитель, в том числе иностранный, при наличии уполномоченного изготовителем лица на территории Таможенного союза.

Поскольку в нарушение схемы сертификации 1С заявителем, обратившимся в организацию за подтверждением соответствия продукции, являлось уполномоченное изготовителем лицо, а не сам изготовитель продукции, административный орган сделал вывод о выдаче организацией сертификата соответствия продукции ненадлежащему лицу и составил в отношении организации протокол от 4 марта 2015 г. об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

Учитывая указанные обстоятельства, суды пришли к выводу о наличии в действиях организации состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, согласно которой нарушение правил выполнения работ по сертификации либо выдача сертификата соответствия с нарушением требований законодательства о техническом регулировании влечет наложение административного штрафа на

должностных лиц в размере от двадцати тысяч до сорока тысяч рублей или дисквалификацию на срок до одного года; на юридических лиц — от четырехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.

Арбитражный суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление арбитражного апелляционного суда оставил в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ рассмотрела кассационную жалобу организации, отменила принятые по делу судебные акты, в удовлетворении заявления административного органа о привлечении организации к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ отказала в связи со следующим.

С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.).

Согласно п. 1 ст. 99 Договора международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу данного Договора, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей Договору.

В соответствии с разделом X «Техническое регулирование» Договора о Евразийском экономическом союзе разработан Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору), который определяет порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках Союза (далее — Протокол о техническом регулировании).

Согласно п. 2 Протокола о техническом регулировании уполномоченное изготовителем лицо — это зарегистрированные в установленном законодательством государства-члена порядке на его территории юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, которые на основании договора с изготовителем, в том числе иностранным изготовителем, осуществляют действия от имени этого изготовителя при оценке соответствия и выпуске в обращение продукции на территории Союза, а также несут ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов Союза.

Пункт 5 Протокола о техническом регулировании устанавливает, что при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства-члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом.

Таким образом, указанные положения Договора о Евразийском экономическом союзе с 1 января 2015 г. изменили круг лиц, которые могут выступать в качестве заявителей при сертификации продукции, и установили, что при оценке соответствия требованиям технических регламентов продукции иностранного изготовителя заявителем на проведение работ по сертификации может быть только уполномоченное таким изготовителем лицо.

Поскольку на момент составления административным органом протокола об административном правонарушении, а также на момент вынесения арбитражным судом первой инстанции решения о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ действия организации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранному изготовителю лицу не являлись нарушением законодательства о техническом регулировании и, соответственно, не образовывали состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, а также учитывая норму ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, привлечение ор-

ганизации к указанной административной ответственности является неправомерным.

**24. Необоснованная выдача органом по сертификации или отказ в выдаче сертификата соответствия либо необоснованное приостановление или прекращение действия сертификата соответствия, административная ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 14.47 КоАП РФ, не являются длящимися административными правонарушениями.**

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества, являющегося органом по сертификации, к установленной ч. 3 ст. 14.47 КоАП РФ административной ответственности.

Арбитражный суд первой инстанции установил, что в ходе внеплановой проверки административный орган выявил необоснованную выдачу обществом сертификата соответствия.

По факту выявленного административного правонарушения в отношении общества 26 мая 2015 г. составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 14.47 КоАП РФ.

Суд отказал в удовлетворении заявленного требования со ссылкой на пропуск срока давности привлечения общества к административной ответственности (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ).

Обжалуя вынесенное арбитражным судом решение, административный орган ссылался на соблюдение срока давности привлечения общества к административной ответственности, указав, что данное административное правонарушение является длящимся, поэтому срок давности следует исчислять со дня его обнаружения.

Арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций решение арбитражного суда первой инстанции оставлено без изменений.

Административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 14.47 КоАП РФ, представляющее собой необоснованную выдачу органом по сертификации или отказ в выдаче сертификата соответствия либо необоснованное приостановление или прекращение действия сертификата соответствия, является однократным действием, совершаемым в конкретный срок (день).

Учитывая, что административные правонарушения, выражающиеся в невыполнении обязанности к конкретному сроку, не могут быть рассмотрены в качестве длящихся (п. 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 января 2003 г. № 2), совершенное обществом административное правонарушение длящимся не является.

Следовательно, днем совершения противоправного деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 14.47 КоАП РФ, является день необоснованной выдачи или отказа в выдаче сертификата соответствия, необоснованного приостановления или прекращения действия сертификата соответствия.

Исходя из положений ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 14.47 КоАП РФ, не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Дата необоснованной выдачи обществу сертификата соответствия от 30 апреля 2014 г. является датой совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.47 КоАП РФ.

Таким образом, установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ для данной категории дел годичный срок давности привлечения к административной ответственности истек на момент составления административным органом протокола об административном правонарушении.

*(Обзор утвержден Президиумом  
Верховного Суда Российской Федерации  
6 декабря 2017 г.)*

## ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ДОГОВОРАМИ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА И ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, вытекающих из договоров перевозки грузов и транспортной экспедиции, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

### **Ответственность перевозчика за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза**

**1. Перевозчик отвечает за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза независимо от наличия либо отсутствия вины и несет ответственность за случай, если иное не предусмотрено законом.**

Компания приняла к перевозке автомобильным транспортом груз общества.

В процессе перевозки произошло столкновение автомобиля третьего лица и автомобиля перевозчика, в результате которого груз был поврежден. Виновным в дорожно-транспортном происшествии признано третье лицо, которое с нарушением скоростного режима выехало на встречную полосу.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании реального ущерба.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

По смыслу п. 1 ст. 796 ГК РФ профессиональный перевозчик несет ответственность независимо от наличия вины и основанием для освобождения перевозчика от обязанности по возмещению реального ущерба ввиду утраты, недостачи или повреждения (порчи) груза является наличие обстоятельств, которые являются объективно непредвидимыми (чрезвычайными) и непреодолимыми, т.е. перевозчик несет ответственность за случайное причинение вреда.

В рассматриваемой ситуации перевозчик являлся коммерческой организацией, осуществлявшей на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Как профессиональный перевозчик он не мог не знать о рисках, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, следовательно, указанное обстоятельство не является непредвидимым и перевозчик несет риск убытков, связанных с его наступлением.

В другом деле во исполнение договора перевозки груза автомобильным транспортом компания приняла груз общества. Во время перевозки у автомобиля лопнула передняя правая покрышка колеса, в результате экстренного торможения произошел пожар, автомобиль и груз полностью сгорели.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании реального ущерба.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции руководствовался ст. 796 ГК РФ и исходил из того, что утрата груза произошла вследствие пожара, который является чрезвычайным и непреодолимым событием. Перевозчик не мог его избежать и предотвратить.

Суд апелляционной инстанции поддержал выводы суда первой инстанции.

Арбитражный суд округа отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и удовлетворил исковые требования по следующим основаниям.

Согласно правовой позиции, содержащейся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от

24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей.

Возгорание груза, произошедшее при описанных обстоятельствах, связано с эксплуатацией транспортного средства перевозчика, и он несет риск возникновения убытков, связанных с наступлением обстоятельств, не носящих внешний характер по отношению к его деятельности.

В рамках другого дела суд пришел к выводу о том, что перевозчик обязан возместить грузоотправителю убытки, причиненные тем, что в процессе перевозки груз был похищен третьим лицом.

Исходя из буквального толкования п. 1 ст. 785 ГК РФ в содержание обязательства перевозчика входит обеспечение сохранности переданного ему груза. Поскольку груз вверяется в сферу контроля перевозчика, на нем лежит риск утраты груза вследствие неправомерных действий третьих лиц.

**2. Перевозчик не несет ответственности за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза, произошедшие ввиду ненадлежащей упаковки груза грузоотправителем, за исключением случаев, когда перевозчик принял на себя обязанность упаковать груз.**

Обществом (грузоотправителем) и компанией (перевозчиком) заключен договор перевозки груза (легковых автомобилей). Условиями договора предусмотрено, что перевозка будет осуществляться на открытых автобусах.

Легковые автомобили были переданы обществом к перевозке без упаковки.

При приемке товара грузополучателем было установлено наличие повреждений на одном из перевозимых автомобилей: в результате попадания камня разбито лобовое стекло.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании стоимости восстановительного ремонта автомобиля и провозной платы.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

В силу п. 2 ст. 10 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ “Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта” (далее — Устав автомобильного транспорта) грузоотправитель обязан подготовить груз к перевозке таким образом, чтобы обеспечить безопасность перевозки и сохранность груза, а также не допустить повреждение транспортного средства, контейнера.

Следовательно, по общему правилу риск ненадлежащей упаковки груза лежит на грузоотправителе, если договором обязанность упаковать груз не была возложена на перевозчика.

Поскольку перевозчиком представлены соответствующие доказательства того, что наличие упаковки исключило бы возникшие повреждения, суды пришли к выводу об отсутствии оснований для возложения на него ответственности за порчу груза.

**3. Перевозчик не освобождается от ответственности за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза в соответствии со ст. 118 Федерального закона “Устав же-**

лезнодорожного транспорта Российской Федерации”, если грузоотправителем (грузополучателем) будет доказана вина перевозчика в наступлении данных обстоятельств.

Заводом (грузополучателем) и перевозчиком заключен договор железнодорожной перевозки грузов, согласно которому перевозчик обязался доставить вверенный ему отправителем груз (лом и отходы стальные негабаритные). Заключение договора перевозки груза массой 55 250 кг подтверждается транспортной железнодорожной накладной и квитанцией о приеме груза на повагонную отправку.

На станции назначения перевозчиком была произведена контрольная проверка массы груза в вагонах, в результате выявлена недостача 37 728 кг, о чем были составлены коммерческие акты.

Сославшись на то, что груз перевозился в сопровождении охраны, перевозчик отказал в удовлетворении претензии завода о возмещении реального ущерба.

Завод обратился в арбитражный суд с иском к перевозчику о взыскании соответствующих сумм.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды руководствовались ст. 118 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации” (далее — Устав железнодорожного транспорта) и пришли к выводу, что перевозка груза в сопровождении охраны является основанием для освобождения перевозчика от ответственности за недостачу груза.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты и удовлетворил исковые требования по следующим основаниям.

В силу ст.ст. 307, 309 ГК РФ перевозчик должен исполнять свои обязательства исходя из требований разумности и добросовестности.

Статьей 118 Устава железнодорожного транспорта установлено, что перевозчик освобождается от ответственности за утрату, недостачу или повреждение (порчу) принятого для перевозки груза в случае, если перевозка груза осуществлялась в сопровождении представителя грузоотправителя (отправителя) или грузополучателя (получателя). Исключение составляют случаи, когда груз был утрачен по вине перевозчика.

В соответствии с п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

По смыслу правовой позиции, содержащейся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, не проявление должником хотя бы минимальной степени заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства признается умышленным нарушением обязательства.

В рамках настоящего дела завод представил убедительные доказательства того, что перевозимый груз по своим характеристикам являлся габаритным и тяжеловесным и без ведома работников перевозчика уменьшить его массу на 37,7 т (68,2%; т.е. больше чем на половину в каждом вагоне) в подвижном составе невозможно. Профессиональный перевозчик мог и должен был предотвратить недостачу груза при таких обстоятельствах. Таким образом, перевозчиком не были проявлены даже минимальные заботливость и осмотрительность, которые полагается проявить при перевозке вверенного груза. При этом перевозчик в соответствии с требованиями процессуального законодательства не опроверг доводы истца.

**4. При установлении факта утраты, недостачи или повреждения (порчи) груза по обстоятельствам, за которые отвечает перевозчик, суд не может освободить его от обязанности возместить грузоотправителю реальный ущерб лишь по тому основанию, что его размер невозможно достоверно установить.**

Обществом (грузоотправителем) и компанией (перевозчиком) был заключен договор перевозки груза.

Ссылаясь на то, что груз не был доставлен, общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании его стоимости.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что стоимость груза невозможно достоверно установить. Как следует из представленных доказательств, груз с наименованием “запчасти” был принят компанией по местам. В качестве доказательства стоимости груза общество представило договор поставки запчастей, заключенный с третьим лицом, и товарную накладную, однако в перевозочных документах ссылка на них отсутствует.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Признавая факт того, что груз доставлен не был, компания не привела доказательств, что утрата груза возникла по обстоятельствам, которые она не могла предотвратить и устранение которых от нее не зависело. Суды первой и апелляционной инстанций, установив факт нарушения компанией договорных обязательств, освободили ее от неблагоприятных последствий такого нарушения. Вместе с тем согласно разъяснениям, содержащимся в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, в силу п. 5 ст. 393 ГК РФ суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства. Само по себе отсутствие указания в транспортных документах стоимости груза не может служить основанием для освобождения перевозчика от ответственности при установлении факта неисполнения им обязательства.

**Ответственность грузоотправителя за искажение сведений о массе груза в транспортной накладной**

**5. При разном способе определения грузоотправителем и перевозчиком массы груза, в том числе перевозимого навалом или насыпью, грузоотправитель несет ответственность за искажения сведений о массе груза в случае, когда указание такой массы груза грузоотправителем, с учетом допустимых погрешностей, привело либо к занижению размера стоимости перевозки груза (ст. 98 Устава железнодорожного транспорта), либо к превышению грузоподъемности вагона, контейнера (ст. 102 Устава).**

Перевозчик обратился в арбитражный суд с иском к грузоотправителю о взыскании штрафа в размере пяти провозных плат за искажение сведений в железнодорожной накладной, ссылаясь на то, что на станции назначения им было проведено контрольное взвешивание, в соответствии с результатами которого мас-

са груза оказалась больше на 8%, чем указано в железнодорожной накладной.

Грузоотправитель ссылался на то, что при погрузке масса груза была определена им расчетным способом, а следовательно, он несет ответственность за искажение сведений в железнодорожной накладной только при условии превышения грузоподъемности вагона.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано, поскольку, несмотря на завышение массы груза на 8%, грузоподъемность вагона превышена не была.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 27 Устава железнодорожного транспорта перевозчик имеет право проверять достоверность массы грузов, указанной грузоотправителями (отправителями) в транспортных железнодорожных накладных.

За искажение сведений о грузах и об их свойствах, в результате которого снижается стоимость перевозок или возможно возникновение обстоятельств, влияющих на безопасность движения и эксплуатацию железнодорожного транспорта, грузоотправители (отправители) несут ответственность, предусмотренную ст. 98 Устава железнодорожного транспорта.

В соответствии со ст. 98 Устава за искажение в транспортной железнодорожной накладной наименований грузов, особых отметок, сведений о грузах, об их свойствах, в результате чего снижается стоимость перевозок грузов или возможно возникновение обстоятельств, влияющих на безопасность движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, а также за отправление запрещенных для перевозок железнодорожным транспортом грузов грузоотправители уплачивают перевозчику штраф в размере пятикратной платы за перевозку таких грузов на все расстояние их перевозки независимо от возмещения вызванных данным обстоятельством убытков перевозчика.

Статьей 102 Устава железнодорожного транспорта предусмотрено, что за превышение грузоподъемности (перегруз) вагона, контейнера грузоотправитель (отправитель) уплачивает перевозчику штраф в размере пятикратной платы за перевозку фактической массы данного груза (грузобагажа).

В соответствии с п. 35 Правил приема грузов, пороженных вагонов к перевозке железнодорожным транспортом, утвержденных приказом Минтранса России от 7 декабря 2016 г. № 374 (далее — Правила), общая масса груза в вагоне, контейнере, предъявляемого к перевозке, может быть определена путем взвешивания вагона, в том числе загруженного контейнерами на вагонных весах, либо взвешивания каждого грузового места или части груза на сертифицированных средствах измерения массы с последующим их суммированием, либо суммирования массы, указанной на каждом грузовом месте согласно трафарету, стандартной массе, а также расчетным путем и посредством обмера. Суммарная масса груза нетто при способе по “стандарту” определяется путем умножения количества мест на массу брутто одного грузового места.

Положения ст. 26 Устава железнодорожного транспорта и п. 34 Правил не устанавливают общего запрета на определение грузоотправителем на основании п. 35 Правил массы груза расчетным способом.

Таким образом, если масса груза, в том числе перевозимого навалом или насыпью, определенная грузоотправителем расчетным способом, не соответствует массе груза, определенной перевозчиком путем взвешивания, грузоотправитель несет ответственность за искажение сведений о массе груза, в том числе в слу-

чае, когда указание такой массы груза грузоотправителем, с учетом допустимых погрешностей, привело к занижению размера стоимости перевозки груза.

Вместе с тем судами не установлена допустимая погрешность расхождения массы груза, определенной грузоотправителем и перевозчиком разными способами, применительно к конкретным обстоятельствам дела.

В другом деле суд применил данный подход к международной железнодорожной перевозке грузов, поскольку ст.ст. 16, 19 Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении от 1 ноября 1951 г. (в редакции, действующей с 1 июля 2016 г., далее — СМГС) и п. 4.7 Правил перевозки грузов, являющихся Приложением 1 к указанному Соглашению, содержат аналогичное регулирование.

**6. Масса груза считается правильной, если разница между массой груза, определенной грузоотправителем на станции отправления, и массой, установленной перевозчиком при соответствующей проверке, не превышает значения допустимой погрешности. Величина погрешности устанавливается исходя из сложившихся обычаев, свойств груза, а также обстоятельств конкретной перевозки и подлежит доказыванию сторонами по общим правилам, предусмотренным процессуальным законодательством.**

На станции отправления, расположенной в Российской Федерации, перевозчиком от грузоотправителя принят к железнодорожной перевозке вагон с грузом “пиломатериалы” до станции назначения, расположенной в Китае. Масса груза определена грузоотправителем расчетным способом (по обмеру) и составила 55 272 кг.

На станции назначения на электронных весах перевозчиком произведена контрольная перевеска вагона, составлен коммерческий акт, которым зафиксировано превышение массы груза против указанной в транспортной накладной на 4717 кг, повлекшее занижение провозной платы на 474 руб.

Перевозчик обратился в арбитражный суд с иском к грузоотправителю о взыскании 167 680 руб. штрафа за искажение сведений о массе груза в транспортной накладной, повлекшее занижение размера провозных платежей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены. Суды руководствовались ст.ст. 9, 16, 23, 30, 31 СМГС и исходили из наличия оснований для взыскания указанной неустойки в качестве меры ответственности. Суды пришли к выводу, что поскольку в силу подп. 35.4 Правил перевозки груза, являющихся приложением к СМГС (далее — Правила), составление коммерческого акта, являющегося основанием для привлечения к ответственности, может иметь место только в том случае, когда уменьшение массы груза или увеличение превышает нормы, установленные ст. 43 “Ограничение ответственности при недостатке массы груза” СМГС (0,2%), то в любом случае при расхождении массы груза, превышающей 0,2%, грузоотправитель несет ответственность за искажение сведений в транспортной накладной.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Указанные в ст. 43 СМГС и п. 35.4 Правил коэффициенты установлены в целях исключения случаев составления коммерческих актов по незначительным расхождениям массы груза. Само по себе превышение этих коэффициентов не свидетельствует о том, что грузоотправитель действовал недобросовестно и должен нести ответственность за искажение сведений о массе груза.

О нарушении грузоотправителем Правил в данном случае будет свидетельствовать то обстоятельство, что перевозчик при проверке массы груза использовал тот

же способ, что и отправитель, либо иной предусмотренный законом способ, однако выявленные расхождения превысили допустимые погрешности.

Допустимая погрешность, не являясь абсолютной и неизменной величиной, определяется исходя из сложившихся коммерческих обычаев, свойств груза, а также обстоятельств конкретной перевозки и подлежит доказыванию сторонами по общим правилам, предусмотренным процессуальным законодательством.

В частности, при доказывании размера допустимого расхождения массы груза может использоваться утвержденная Федеральным государственным унитарным предприятием «ВНИИМС» Ростехрегулирования 20 мая 2008 г. Рекомендация МИ 3115-2008 «Масса грузов, перевозимых железнодорожным транспортом. Измерения и учет массы груза при взаиморасчетах между грузоотправителем и грузополучателем». При этом стороны не лишены возможности доказывать, что применение названной Рекомендации не является обоснованным в данном случае (ст. 65 АПК РФ).

Наличие указанных обстоятельств судами при рассмотрении настоящего дела в нарушение ст.ст. 168, 170 АПК РФ не проверялось, действия перевозчика по применению и (или) неприменению в ходе проверки достоверности указанных в накладной сведений о массе груза допустимых погрешностей не оценивались.

В другом деле арбитражный суд округа применил аналогичный подход к отношениям, возникшим из договора перевозки груза, права и обязанности по которой регулируются Уставом железнодорожного транспорта.

#### **7. Штрафы, предусмотренные Уставом железнодорожного транспорта за искажение сведений о массе груза в транспортной накладной, могут быть снижены судом на основании положений ст. 333 ГК РФ при доказанности соответствующих обстоятельств.**

Перевозчик обратился в арбитражный суд с иском к грузоотправителю о взыскании 450 050 руб. штрафа за превышение грузоподъемности вагона на основании ст. 102 Устава железнодорожного транспорта и 450 050 руб. штрафа за искажение сведений в транспортной железнодорожной накладной, приведшее к занижению стоимости провозной платы, на основании ст. 98 Устава железнодорожного транспорта.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены частично по следующим основаниям.

Материалами дела подтверждено, что грузоотправитель допустил нарушение в виде искажения сведений в транспортной накладной о массе груза, погруженного в два вагона. В первом вагоне с учетом допустимых расхождений определения массы груза излишек составил 21 572 кг, грузоподъемность в размере 69,5 т превышена на 8287 кг, во втором вагоне излишек — 21 222 кг, грузоподъемность в размере 70,3 т превышена на 7137 кг. Размер провозной платы должен был составлять 89 694 руб., но был уплачен грузоотправителем в размере 82 936 руб., т.е. занижен на 6758 руб.

Суд пришел к выводу, что грузоотправитель обязан уплатить штраф, предусмотренный ст. 98 Устава железнодорожного транспорта, поскольку факт указания недостоверных сведений о массе перевозимого груза подтверждается материалами дела, и в результате внесения недостоверных сведений обнаружена разница в тарифе на перевозимый груз, повлекшая за собой снижение стоимости перевозок груза.

Суд также нашел основания для привлечения грузоотправителя к ответственности в силу ст. 102 Устава железнодорожного транспорта ввиду превышения грузоподъемности вагона.

Вместе с тем грузоотправитель заявил о необходимости применения ст. 333 ГК РФ из-за явного несоот-

ветствия размера штрафов последствиям нарушения обязательства.

В соответствии с п. 78 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» правила о снижении размера неустойки на основании ст. 333 ГК РФ применяются также в случаях, когда неустойка определена законом, например положениями Устава железнодорожного транспорта.

Оценив в совокупности представленные в дело доказательства, суд счел, что исчисленная истцом неустойка (штраф) несоразмерна последствиям совершенного правонарушения, и уменьшил общую сумму штрафов, подлежащих взысканию с грузоотправителя, до 538 164 руб.

#### **Ответственность экспедитора за неисполнение договора транспортной экспедиции**

**8. Экспедитор несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза на основании ст. 7 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности», если он фактически осуществлял перевозку своими собственными транспортными средствами (фактический перевозчик), выписал свой транспортный документ или иным образом выразил намерение взять на себя ответственность перевозчика (договорный перевозчик).**

Обществом (клиентом) и компанией (экспедитором) был заключен договор транспортной экспедиции, по условиям которого компания обязалась лично или с привлечением третьих лиц обеспечивать доставку груза общества автомобильным транспортом по соответствующим заявкам, а общество — оплачивать оказанные услуги.

В ответ на заявку общества компания сообщила о времени прибытия автомобиля под управлением конкретного физического лица для принятия груза.

Общество передало груз лицу, указанному компанией.

Ссылаясь на то, что груз не был доставлен грузополучателю, по факту кражи груза возбуждено уголовное дело, а лицо, принявшее груз, находится в федеральном розыске, общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании стоимости утраченного груза.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении требования общества отказано. Суды пришли к выводу, что исходя из положений ст. 801 ГК РФ экспедитор обязан организовать перевозку груза и не отвечает за утрату груза, возникшую по вине перевозчика. Общество должно обратиться с требованием к физическому лицу, фактически выполнявшему перевозку.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Квалифицируя правоотношения участников спора, необходимо исходить из признаков договора, предусмотренных в соответствующих статьях Гражданского кодекса РФ, независимо от наименования договора, названия его сторон и т.п.

Как установлено судами, общество не согласовывало кандидатуры конкретных перевозчиков, цена оказываемых компанией услуг сопоставима с рыночными ценами за перевозку соответствующих грузов, на сайте компании в сети «Интернет», через который был заключен договор, указано, что компания обеспечивает доставку груза. Компания указала обществу конкретного перевозчика, общество передало ему груз, по сути, от имени компании как лицу, привлеченному экспедитором к исполнению своего обязательства по доставке груза (ст. 403 ГК РФ).

Таким образом, на основании абз. 2 ст. 803 ГК РФ и п. 1 ст. 7 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (далее — Закон о транспортной экспедиции) компания приняла на себя обязательство по доставке груза и должна нести ответственность за его утрату в процессе перевозки. Однако эти обстоятельства не были проверены судами первой и апелляционной инстанций. Вывод судов о том, что законодательная конструкция договора транспортной экспедиции не предполагает ответственности экспедитора за утрату, недостачу и повреждение груза в процессе перевозки, противоречит названным положениям Кодекса и Закона о транспортной экспедиции.

**9. На экспедитора не может быть возложена ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза перевозчиком, если в силу договора экспедитор обязан выполнять лишь функцию агента грузоотправителя, за исключением случаев, когда экспедитор не проявил необходимой осмотрительности в выборе перевозчика или принял на себя ручательство за исполнение договора перевозки.**

В соответствии с заключенным компанией (экспедитором) и обществом (клиентом) договором компания обязалась по заявкам общества осуществлять оказание следующих услуг, связанных с организацией перевозки груза общества железнодорожным транспортом: согласование планов на железнодорожные перевозки и осуществление расчетов с железнодорожным перевозчиком через лицевой счет экспедитора, открытый у перевозчика.

На основании заявки общества и от его имени компания осуществила указанные действия в отношении конкретного груза. Компания указала обществу время и место отправки груза, а также осуществила оплату перевозки через свой лицевой счет.

Груз был передан обществом перевозчику и принят им к перевозке, что подтверждается квитанцией о приеме груза и железнодорожной накладной.

В пути следования произошел сход вагонов, в результате чего груз был утрачен.

Со ссылкой на то, что ответственность за утрату груза должен нести железнодорожный перевозчик, компания в ответ на претензию отказала обществу в возмещении стоимости утраченного груза.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о возмещении стоимости утраченного груза.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования общества удовлетворены. Суды исходили из того, что сторонами заключен договор транспортной экспедиции и компания на основании абз. 2 ст. 803 ГК РФ и ст. 7 Закона о транспортной экспедиции отвечает перед обществом за транспортировку и обеспечение сохранности груза в пути следования. Суд отклонил довод компании о том, что перевозка осуществлялась другим лицом, указав на то, что железнодорожный перевозчик является лицом, привлеченным компанией к исполнению ее обязательства, и она на основании ст. 403 ГК РФ несет ответственность за ненадлежащее исполнение им обязательства.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены и в удовлетворении искового требования отказано по следующим основаниям.

По смыслу п. 1 ст. 801 ГК РФ обязательства экспедитора могут иметь разное содержание (заключение договоров перевозки от имени клиента, оформление провозных документов, обеспечение отправки или получения груза и т.п.). На основании абз. 1 ст. 803 ГК РФ суд при возложении ответственности на экспедитора должен установить содержание его обязанностей и их ненадлежащее исполнение.

Поскольку в настоящем деле условия договора транспортной экспедиции предусматривали только обя-

занности экспедитора согласовать планы железнодорожной перевозки и осуществить расчеты с перевозчиком, но не обеспечить доставку груза, вывод суда первой инстанции со ссылкой на положения ст.ст. 803, 805 ГК РФ о том, что экспедитор является ответственным за утрату груза вне зависимости от того, что перевозка груза исполнялась третьим лицом, является ошибочным.

**10. Наличие права грузоотправителя требовать возмещения ущерба, причиненного утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, с перевозчика само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении требования грузоотправителя к экспедитору, если последний также несет ответственность за сохранность груза.**

Обществом (клиентом) и компанией (экспедитором) заключен договор транспортной экспедиции. По заявке общества, принятой компанией к исполнению в рамках этого договора, она обязалась доставить конкретный груз общества автомобильным транспортом. Для исполнения данного обязательства компания привлекла индивидуального предпринимателя (перевозчика). Путем передачи груза и подписания транспортной накладной обществом и индивидуальным предпринимателем был заключен договор перевозки груза.

В процессе перевозки произошло возгорание транспортного средства и груз был утрачен.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании и индивидуальному предпринимателю о взыскании стоимости утраченного груза в солидарном порядке.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано. Суд исходил из того, что солидарная ответственность экспедитора и перевозчика не установлена законом.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, удовлетворены исковые требования к перевозчику. Суд пришел к выводу, что обстоятельства, освобождающие перевозчика от ответственности, последним не доказаны.

Арбитражный суд округа изменил постановление суда апелляционной инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований к экспедитору по следующим основаниям.

Из условий договора транспортной экспедиции и заявки общества следовало, что компания обязалась доставить груз общества автомобильным транспортом. Следовательно, экспедитор принял на себя обязательство отвечать за обеспечение сохранности груза наряду с перевозчиком, и в соответствии с абз. 2 ст. 803 ГК РФ и п. 1 ст. 7 Закона о транспортной экспедиции экспедитор несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза.

Таким образом, наличие требования к перевозчику не исключает возможности грузоотправителя-клиента обратиться с требованием к экспедитору. При этом во избежание неосновательного обогащения грузоотправителя к требованиям к экспедитору и к перевозчику о возмещении одного вреда применяются нормы Гражданского кодекса РФ о солидарных обязательствах.

**11. Третье лицо, привлеченное перевозчиком к исполнению своих обязательств и фактически осуществившее перевозку, вправе взыскать плату за выполненные работы только с перевозчика, но не с грузоотправителя, если иное не предусмотрено соглашением между ними.**

Общество (клиент-грузоотправитель) заключило договор на транспортно-экспедиционное обслуживание с компанией. В соответствии с условиями сделки компания обязалась доставить вверенный груз самостоятельно или с привлечением третьих лиц. На основании этого договора общество обратилось к компании с заявкой об организации перевозки конкретного груза.

В целях исполнения указанной заявки компания (клиент) заключила с предпринимателем (перевозчи-

ком) договор о перевозке грузов автомобильным транспортом. Компания направила предпринимателю заявку на перевозку того же груза.

Груз принят к перевозке от общества предпринимателем и доставлен в срок, что подтверждается транспортной накладной.

Общество оплатило оказанные услуги компании.

Ссылаясь на то, что он осуществил перевозку в интересах общества, предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании перевозной платы.

Решением суда первой инстанции иски удовлетворены. Суд указал на то, что транспортная накладная подписана обществом и предпринимателем, а следовательно, на основании п. 2 ст. 785 ГК РФ и п. 1 ст. 8 Устава автомобильного транспорта стороны заключили договор перевозки груза.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что сам по себе факт подписания транспортной накладной не может служить доказательством заключения договора перевозки при названных обстоятельствах.

Общество представило доказательства того, что оно не состоит в правоотношениях с предпринимателем, предприниматель осуществлял перевозку на основании договора, заключенного с компанией, и являлся третьим лицом, привлеченным к исполнению обязательств компании перед обществом, перевозка оплачена обществом компании, выступившей грузоотправителем. Общество передавало груз предпринимателю по указанию компании. Таким образом, в силу п. 3 ст. 308 ГК РФ общество не является обязанным лицом по отношению к предпринимателю.

### **Страхование ответственности экспедитора и перевозчика**

**12. Заявление страховщика о ничтожности договора страхования ответственности перевозчика или экспедитора не имеет правового значения, если страховщик действует недобросовестно, в частности если его поведение давало основание страхователю полагаться на действительность этой сделки.**

Обществом (страховщиком) и компанией (страхователем) заключен договор страхования ответственности компании как экспедитора за утрату груза, в том числе вследствие кражи, грабежа, разбоя.

При наступлении страхового случая (кража груза) компания, возместив своему клиенту стоимость груза, обратилась к обществу о выплате страхового возмещения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что в силу п. 1 ст. 932 и п. 2 ст. 168 ГК РФ договор страхования является ничтожным, поскольку Закон о транспортной экспедиции не содержит нормы, допускающей страхование ответственности по договору экспедитором.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, иски удовлетворены по следующим основаниям.

Согласно п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Договор страхования ответственности заключен на предложенных обществом условиях, согласно утвержденным обществом правилам страхования ответст-

венности экспедиторов/перевозчиков, являющихся общими для всех лиц, обращающихся за страхованием рисков, связанных с перевозочной деятельностью. Общество, являясь профессиональным участником рынка страховых услуг и считая себя добросовестным контрагентом, осознает правовые последствия данных договоров. Заключение подобных договоров соответствует интересам как страховщика, получающего вознаграждение, так и страхователя, осуществляющего предпринимательскую деятельность с повышенным риском и в определенных случаях несущего ответственность за утрату груза без вины. Заключение подобных договоров не нарушает права третьих лиц и публичные интересы, распространено в международной практике и прямо предусмотрено законодательством для перевозок определенными видами транспорта (ст. 134 Воздушного кодекса РФ, ст. 249 Кодекса торгового мореплавания РФ).

По другому делу суд признал действительным договор страхования ответственности перевозчика автомобильным транспортом, отклонив довод страховой компании, являющейся ответчиком, о том, что заключение подобных договоров не предусмотрено Уставом автомобильного транспорта.

### **Споры, возникающие из договоров на подачу и уборку вагонов**

**13. В силу ч. 3 ст. 58 Устава железнодорожного транспорта условие договора о подаче и уборке вагонов о внесении платы за пользование принадлежащим перевозчику путем необщего пользования не противоречит действующему законодательству.**

Железнодорожным перевозчиком и обществом (заказчиком) заключен договор. Предметом договора является осуществление локомотивом перевозчика подачи, расстановки на месте выгрузки вагонов и уборки вагонов с железнодорожного пути необщего пользования.

Согласно договору за оказываемую услугу предусмотрена уплата владельцем перевозчику сбора за подачу и уборку вагонов по ставкам таблицы 10 Тарифного руководства № 3 за каждый выход локомотива и договорной платы за пользование железнодорожным путем необщего пользования, начисляемой из расчета 2411 руб./км в сутки за развернутую длину пути перевозчика в размере 0,635 км.

Считая, что в период с апреля по июнь 2017 г. общество не выполнило обязанность по внесению платы за использование железнодорожного пути, перевозчик обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании 163 448 руб. 88 коп. задолженности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что цена в договоре на эксплуатацию пути необщего пользования является регулируемой и не может быть определена соглашением сторон, а соответствующий тариф уполномоченным органом не установлен.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты и удовлетворил иски в полном объеме по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 3 ст. 58 Устава железнодорожного транспорта перевозчик за подачу и уборку вагонов, осуществляемые им на принадлежащих ему железнодорожных путях необщего пользования, взимает с грузоотправителей (отправителей), грузополучателей (получателей), владельцев других железнодорожных путей необщего пользования сбор, включающий в себя плату за работу локомотива, принадлежащего перевозчику, и плату за использование железнодорожного пути необщего пользования, принадлежащего перевозчику.

Размеры указанных сбора и платы устанавливаются соглашением сторон, если иное не установлено законодательством Российской Федерации (ч. 6 ст. 58 Устава железнодорожного транспорта).

Таким образом, из буквального толкования названных норм Устава железнодорожного транспорта следует, что подобные условия договора сами по себе не противоречат действующему законодательству.

Вместе с тем стороны договора не лишены возможности оспаривать данное условие по другим основаниям, в частности ссылаясь на то, что сделка совершена на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (п. 3 ст. 179 ГК РФ), данное условие явно обременительно для присоединившейся стороны и она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы его при наличии возможности участвовать в его оп-ределении (п. 2 ст. 428 ГК РФ).

**14. Владелец вагона, являющийся оператором подвижного состава, вправе взыскать штраф, предусмотренный ч. 6 ст. 62 Устава железнодорожного транспорта, за задержку принадлежащего ему вагона под погрузкой или выгрузкой.**

Компанией (экспедитором) и обществом (клиентом) заключен договор транспортной экспедиции, в соответствии с которым экспедитор принял на себя обязательства оказывать клиенту транспортно-экспедиционные услуги, в том числе по предоставлению железнодорожного подвижного состава или контейнеров для организации транспортировки.

Ссылаясь на задержку обществом вагонов под погрузкой компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании штрафа за сверхнормативный простой вагонов.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что компания не является субъектом, указанным в ст.ст. 62, 99, 100 Устава железнодорожного транспорта, и не может обращаться с требованием о взыскании штрафа.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 6 ст. 62 Устава железнодорожного транспорта за задержку вагонов, контейнеров, принадлежащих перевозчику, под погрузкой, выгрузкой на местах общего и необщего пользования, в том числе на железнодорожных путях необщего пользования, более чем на двадцать четыре часа по истечении установленных договорами на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования или договорами на подачу и уборку вагонов технологических сроков оборота вагонов, контейнеров либо по истечении тридцати шести часов с момента подачи вагонов под погрузку, выгрузку локомотивами, принадлежащими перевозчику, грузоотправители, грузополучатели, владельцы железнодорожных путей необщего пользования несут перед перевозчиком ответственность в соответствии со ст. 99 данного Устава.

Согласно ч. 2 ст. 99 Устава железнодорожного транспорта за задержку вагонов, контейнеров, принадлежащих перевозчикам, под погрузкой, выгрузкой грузов в местах общего и необщего пользования, включая железнодорожные пути необщего пользования, более чем на двадцать четыре часа по истечении технологических сроков оборота вагонов, контейнеров, установленных договорами на подачу и уборку вагонов или договорами на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования, либо по истечении тридцати шести часов с момента подачи вагонов, контейнеров под погрузку, выгрузку грузов локомотивами перевозчика грузоотправители, грузополучатели, владельцы железно-

рожных путей необщего пользования уплачивают перевозчику в десятикратном размере штрафы, установленные ст.ст. 100 и 101 указанного Устава, без внесения при этом платы за пользование вагонами, контейнерами.

В результате реформы, произошедшей после принятия Устава железнодорожного транспорта, перевозчик перестал быть единственным владельцем вагонов. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ “О железнодорожном транспорте в Российской Федерации” оператор железнодорожного подвижного состава — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие вагоны, контейнеры на праве собственности или ином праве, участвующие на основе договора с перевозчиком в осуществлении перевозочного процесса с использованием указанных вагонов, контейнеров. Компания является оператором подвижного состава, и ее права при использовании принадлежащих ей вагонов не должны отличаться от прав перевозчика (ПАО “Российские железные дороги”).

**15. В случае задержки вагонов, не принадлежащих перевозчику, на железнодорожных путях общего пользования по причинам, зависящим от грузоотправителей, грузополучателей или владельцев железнодорожных путей необщего пользования, указанные лица вносят перевозчику плату за занятие путей общего пользования, в том числе при отсутствии соответствующего условия в договоре.**

Железнодорожным перевозчиком и обществом (владельцем) заключен договор от 9 августа 2016 г., по условиям которого осуществляется эксплуатация принадлежащего владельцу железнодорожного пути необщего пользования.

На путях общего пользования имели случаи простоя не принадлежавших перевозчику вагонов, прибывших в адрес общества, по причине занятости путей необщего пользования, которая обусловлена несоблюдением технологических сроков обработки вагонов.

Перевозчик обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании платы за время нахождения вагонов, не принадлежащих перевозчику, на железнодорожном пути общего пользования.

В возражениях на иск общество ссылалось на то, что соответствующая плата не предусмотрена договором.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

В соответствии с ч. 12 ст. 39 Устава железнодорожного транспорта в случае задержки вагонов в пути следования, если вагоны находились на железнодорожных путях общего пользования по причинам, зависящим от владельцев железнодорожных путей необщего пользования, указанные лица вносят перевозчику плату за нахождение на железнодорожных путях общего пользования железнодорожного подвижного состава, которая включает в себя плату за предоставление железнодорожных путей в перевозочном процессе и другие затраты и расходы перевозчика, связанные с таким нахождением.

Таким образом, названной нормой прямо установлена обязанность вносить плату за нахождение на путях общего пользования вагонов независимо от их принадлежности.

В настоящее время размер платы за нахождение на железнодорожных путях общего пользования железнодорожного подвижного состава установлен уполномоченным органом.

**16. В случае нарушения перевозчиком сроков отправки вагонов, предусмотренных договором на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования, владелец этого пути вправе взыскать с перевозчика причиненные этим убытки.**

Обществом (владельцем) и железнодорожным перевозчиком заключен договор на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования общества.

Ссылаясь на то, что перевозчик в апреле 2016 г. нарушил срок отправления поездов после окончания их формирования, общество обратилось в арбитражный суд с иском к перевозчику о взыскании штрафа в соответствии со ст. 63 Устава железнодорожного транспорта.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 63 Устава железнодорожного транспорта при использовании железнодорожного пути необщего пользования для выполнения маневровых работ и (или) временного размещения вагонов без согласования с владельцем железнодорожного пути необщего пользования перевозчик несет ответственность в размере, равном установленному ст. 99 Устава размеру ответственности за использование вагонов без согласия владельцев, т.е. в десятикратном размере штрафа, установленного ст. 100 Устава.

Эта норма подлежит применению при отсутствии договора между перевозчиком и владельцем железнодорожного пути необщего пользования, когда перевозчик использует железнодорожный путь самовольно, без соответствующего правового основания. Опасность таких действий обуславливает высокий размер штрафа.

Вместе с тем в рамках настоящего дела между владельцем и перевозчиком был заключен договор. Следовательно, перевозчик нарушил условия заключенного договора и в отсутствие специальных законодательных положений несет ответственность за нарушение договорного обязательства в виде возмещения убытков.

Согласно правовой позиции, содержащейся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Таким образом, суду первой инстанции следовало вынести на обсуждение сторон вопрос о возможной правовой квалификации названного требования.

### **Исковая давность по требованиям к перевозчикам и экспедиторам**

**17. Течение срока исковой давности по требованию к перевозчику/экспедитору приостанавливается на срок, установленный законом для соблюдения претензионного порядка разрешения спора.**

Общество (заказчик) и компания (перевозчик-экспедитор) заключили договор на оказание транспортно-экспедиционных услуг по перевозке грузов автомобильным транспортом.

Согласно товарно-транспортным накладным груз был принят к перевозке компанией, однако обязательство по доставке груза не исполнено, груз утрачен.

Предъявленная обществом компании претензия с требованием возместить понесенные убытки оставлена последним без ответа.

Общество обратилось с иском к компании о возмещении причиненного вреда.

Удовлетворяя иск, суд первой инстанции исходил из доказанности ненадлежащего оказания компанией услуг по перевозке груза и отсутствия оснований для освобождения ее от ответственности за его утрату. Доводы ответчика о пропуске срока исковой давности суд признал необоснованными.

Применяя исковую давность и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

Согласно п. 3 ст. 797 ГК РФ срок исковой давности по требованиям, вытекающим из перевозки грузов, устанавливается в один год с момента, определяемого в соответствии с транспортными уставами и кодексами.

В силу ст. 42 Устава автомобильного транспорта срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договоров перевозок, составляет один год и исчисляется со дня наступления события, послужившего основанием для предъявления претензии или иска, в том числе в отношении возмещения ущерба, причиненного утратой груза, — со дня признания груза утраченным. Аналогичные положения содержатся в ч. 7 ст. 7, ч. 4 ст. 12 и ст. 13 Закона о транспортной экспедиции.

При этом суд указал, что время предъявления претензии входит в срок исковой давности, не приостанавливает и не продлевает его, поскольку такие основания приостановления или перерыва не предусмотрены законодательством.

Арбитражный суд округа постановлением отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 3 ст. 202 ГК РФ, если стороны прибегли к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке (процедура медиации, посредничество, административная процедура и т.п.), течение срока исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения такой процедуры, а при отсутствии такого срока — на шесть месяцев со дня начала соответствующей процедуры.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», течение срока исковой давности приостанавливается, если стороны прибегли к несудебной процедуре разрешения спора, обращение к которой предусмотрено законом, в том числе к обязательному претензионному порядку. В этих случаях течение исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения этой процедуры, а при отсутствии такого срока — на шесть месяцев со дня начала соответствующей процедуры.

Таким образом, период, в который стороны соблюдали предусмотренный законом претензионный порядок, в срок исковой давности не засчитывается.

Из положений п. 1 ст. 797 ГК РФ, ч. 2 ст. 39 Устава автомобильного транспорта и Закона о транспортной экспедиции следует, что до предъявления к перевозчику иска, вытекающего из перевозки груза, обязательно предъявление ему претензии в порядке, предусмотренном названными законами.

Следовательно, в период соблюдения обществом обязательного претензионного порядка течение исковой давности по настоящему требованию в силу действующего законодательства приостанавливалось. При изложенных обстоятельствах суд первой инстанции правомерно отклонил доводы ответчика о пропуске срока исковой давности, рассмотрев спор по существу.

**18. Исковая давность по требованию экспедитора к перевозчику о взыскании ущерба, причиненного утратой или порчей груза, начинается теч с момента, определенно-го в транспортных уставах и кодексах.**

Обществом (клиентом) и компанией (экспедитором — договорным перевозчиком) заключен договор на транспортно-экспедиционное обслуживание. По заявке к этому договору компания обязалась доставить конкретный груз общества автомобильным транспортом. Для исполнения этого обязательства компания привлекла к исполнению фирму (фактического перевозчика). По указанию компании общество передало груз фирме.

В результате дорожно-транспортного происшествия часть вверенного фирме груза была повреждена.

Общество обратилось с требованием к компании о возмещении стоимости утраченного груза.

Отказ компании в удовлетворении претензии послужил основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском к компании о взыскании реального ущерба. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования общества удовлетворены.

Компания исполнила вступившее в законную силу решение суда и обратилась с претензией к фирме о возмещении причиненного несохранной перевозкой реального ущерба. Фирма отказала компании в удовлетворении претензии, указав на то, что с момента утраты груза прошло полтора года.

Данные обстоятельства послужили основанием для обращения компании в арбитражный суд с соответствующим исковым требованием к фирме.

В возражениях на иск фирма сослалась на пропуск истцом сокращенного (годового) срока исковой давности, исчисляемого в соответствии со ст. 42 Устава автомобильного транспорта со дня признания груза утраченным.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. Суд указал на то, что годичный срок исковой давности в данном случае необходимо исчислять с момента, когда компания возместила реальный ущерб обществу, поскольку именно в этот момент у нее образовались убытки и ее право было нарушено (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано в связи с пропуском истцом срока исковой давности. Суды исходили из того, что сокращенный срок исковой давности и момент начала его исчисления по требованию к перевозчику о возмещении стоимости утраченного груза императивно установлены транспортными уставами и кодексами и не могут произвольно продлеваться в зависимости от действий истца. Своевременное возмещение компанией обществу возникших убытков позволило бы компании обратиться в арбитражный суд с настоящим требованием в установленный срок. Таким образом, исковая давность по требованию экспедитора к перевозчику о взыскании ущерба, причиненного утратой или порчей груза, начинает течь с момента, определенного в транспортных уставах и кодексах.

#### **19. К требованию о возврате необоснованно списанной с лицевого счета истца, открытого у перевозчика, платы за перевозку применяется сокращенный (годовой) срок исковой давности.**

Общество 7 сентября 2017 г. обратилось в арбитражный суд с иском к железнодорожному перевозчику о взыскании 100 тыс. рублей неосновательного обогащения, обосновав свои требования тем, что 10 июля 2016 г. перевозчик неправомочно списал с лицевого счета общества названную денежную сумму в отсутствие встречного предоставления (перевозка груза не осуществлялась), претензия общества отклонена перевозчиком.

В возражениях на иск перевозчик сослался на пропуск истцом сокращенного (годового) срока исковой давности, установленного ст. 125 Устава железнодорожного транспорта.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. Отклоняя довод ответчика о пропуске истцом срока исковой давности, суд исходил из того, что в данном случае заявлен иск о взыскании неосновательного обогащения, который не связан с осуществлением перевозки, поэтому подлежит применению общий (трехлетний) срок исковой давности.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитра-

жного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано ввиду пропуска истцом срока исковой давности.

Согласно ст. 797 ГК РФ и ст. 125 Устава железнодорожного транспорта иски к перевозчикам, возникающие в связи с осуществлением перевозок грузов, предъявляются в течение года со дня наступления событий, послуживших основанием для предъявления претензий.

Устав железнодорожного транспорта в силу ст. 1 регулирует отношения, возникающие между перевозчиками, пассажирами, грузоотправителями (отправителями), грузополучателями (получателями), владельцами инфраструктур железнодорожного транспорта общего пользования, владельцами железнодорожных путей необщего пользования, другими физическими и юридическими лицами при пользовании услугами железнодорожного транспорта общего пользования и железнодорожного транспорта необщего пользования.

Согласно определению, содержащемуся в ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации», перевозочный процесс — это совокупность организационно и технологически взаимосвязанных операций, выполняемых при подготовке, осуществлении и завершении перевозок пассажиров, грузов, багажа и грузобагажа железнодорожным транспортом.

По смыслу изложенных норм отношения контрагентов, связанные с организацией расчетов и оплатой провозных платежей и сборов, являются неотъемлемой частью процесса по организации перевозок, а плательщики, имеющие единые лицевые счета в Центре фирменного транспортного обслуживания, являются участниками отношений, предусмотренных ст. 1 Устава железнодорожного транспорта.

Обязательственные отношения сторон настоящего спора носят договорный характер и касаются вопросов организации расчетов и уплаты провозных платежей, следовательно, они регулируются положениями п. 3 ст. 797 ГК РФ и ст. 125 Устава железнодорожного транспорта.

#### **20. К требованию исполнителя по договору о предоставлении в пользование вагонов и их обслуживании к заказчику о взыскании установленной договором неустойки за простой вагонов на станции отправления или назначения применяется общий (трехлетний) срок исковой давности.**

Общество (заказчик) и компания (исполнитель) заключили договор, согласно которому исполнитель обязался предоставлять вагоны для участия в процессе перевозки грузов, обеспечивать наличие на станции погрузки пригодных в техническом и коммерческом отношении вагонов, осуществлять диспетчерский контроль за продвижением вагонов. Общество обязалось обеспечивать простой вагонов на станциях погрузки/выгрузки не более определенного срока, за превышение которого договором установлена неустойка.

Ссылаясь на то, что обществом допущен простой вагонов сверх сроков, установленных в договоре, компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании суммы неустойки.

В возражениях на иск общество указало на пропуск компанией срока исковой давности, установленного ст. 797 ГК РФ и ст. 125 Устава железнодорожного транспорта.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано ввиду пропуска срока исковой давности.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 196 ГК РФ срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 197 ГК РФ для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком.

Согласно п. 3 ст. 797 ГК РФ срок исковой давности по требованиям, вытекающим из перевозки груза, составляет один год с момента, определяемого в соответствии с транспортными уставами и кодексами.

В соответствии с п. 1 ст. 785 ГК РФ по договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату.

По смыслу названной нормы существенными условиями договора перевозки, определяющими договор как договор названного вида, являются обязанности должника обеспечить транспортировку (перемещение в пространстве) и сохранность груза.

Из условий рассматриваемого договора не следует данная обязанность исполнителя, следовательно, он не может быть квалифицирован в качестве договора перевозки.

Кроме того, в силу ст.ст. 1, 125, 126 Устава железнодорожного транспорта годичный срок исковой давности распространяется также на отношения, регулируемые данным Законом.

Вместе с тем отношения сторон спорного договора Уставом железнодорожного транспорта не регулируются. Следовательно, к спорному требованию применяется общий (трехлетний) срок исковой давности.

**21. Сокращенный (годовой) срок исковой давности, установленный ст. 797 ГК РФ и ст. 13 Закона о транспортной экспедиции, не распространяется на требования к участникам процесса транспортировки, основанные на нормах главы 59 “Обязательства вследствие причинения вреда” ГК РФ.**

При выполнении на путях необщего пользования погрузочно-разгрузочных работ завод повредил стоявшие на соседних путях и не участвующие в перевозке вагоны, принадлежащие обществу.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к заводу о взыскании убытков.

В возражениях на иск завод сослался на пропуск обществом сокращенного (годового) срока исковой давности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано в связи с пропуском истцом срока исковой давности. Суды исходили из того, что ст. 104 Устава железнодорожного транспорта предусмотрены последствия повреждения или утраты предоставленных перевозчиком вагонов. В этом случае грузоотправители, грузополучатели обязаны их отремонтировать либо возместить стоимость ремонта, а также иные убытки. Следовательно, на данное требование распространяется специальный срок исковой давности (ст. 126 Устава железнодорожного транспорта).

Арбитражный суд округа постановлением отменил названные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, общество является собственником вагонов и не участвовало в отношениях по перевозке. Перевозку по договору с заводом выполняло третье лицо. Следовательно, положения ст. 104 Устава железнодорожного транспорта и главы 40 ГК РФ к правоотношениям с участием общества не применяются. Как разъяснено в п. 32 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 октября 2005 г. № 30 “О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”, положения Устава об ответственности перевозчиков, грузоотправителей и грузополучателей за утрату и повреждение подвижного состава не лишают собственников и законных владельцев вагонов и контейнеров права на защиту их нарушенных прав и законных интересов в порядке и способами, предусмотренными гражданским законодательством.

Заявленные обществом требования основаны на ст.ст. 15, 1064 ГК РФ. При этом в соответствии со ст. 196 ГК РФ к требованиям о взыскании убытков, возникшим вследствие причинения вреда имуществу (глава 59 ГК РФ), применяется общий (трехлетний) срок исковой давности.

*(Обзор утвержден Президиумом  
Верховного Суда Российской Федерации  
20 декабря 2017 г.)*

---

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Серков П.П.** (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.**

---

**Государственное учреждение —  
издательство “Юридическая литература”  
Администрации Президента Российской Федерации**

**Адрес редакции:** 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.  
**Телефоны:** 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться  
по телефону 495-690-10-55.

Е-mail: [Yurizdat@gov.ru](mailto:Yurizdat@gov.ru)  
<http://www.jurizdat.ru>

---

Подписано в печать 28.09.2018.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 14,42. Тираж 8885 экз. Заказ 0235-2018.

---

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.  
Телефон: 495-636-27-08.  
Е-mail: [e.moiseeva@sinteria.ru](mailto:e.moiseeva@sinteria.ru)

---